

Тарантины и очкарик

Андрей Евдокимов

Андрей Евдокимов

Тарантины и очкарик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11821504

Аннотация

Поздним вечером в глухом закоулке парка частный сыщик Ян Янов натывается на обычную в наши дни картину: три здоровенных недоноска пинают доходягу-очкарика, снимая свой героизм на камеры мобильных. Янов вступается за очкарика. Вскоре кое-кто из участников стычки исчезает, а кое-кто отправляется в мир иной. Кто и почему исчез, и кто и почему упокоился навечно, узнает сыщик Янов.

Карапузов я застал поздним вечером в глухом закоулке парка. Малыши втроем пинали очкарика. Веселье снимали на камеры мобильных.

Я свистнул, аж в ушах звякнуло. Начинающие тарантины не остановились и на секунду: мол, мы без пяти минут оscarоносцы, а ты тут свистишь!

В каждом из трёх малышей – за центнер рыхлого сала. Пинали жирные карапузы тощего доходягу. Пацан извивался на земле, очки и зубы от кроссовок тарантин закрывал руками.

Я предложил малышам разойтись. Карапузы достали ножички. Инструменты для разделки кабаньих туш назвать перочинными ножичками я не смог, потому без зазрения совести разбил детишкам мордашки.

Всю минуту, что я общался с карапузами, очкарик оттирал от крови очки. На кой чёрт те стекляшки ему сдались? Лучше бы отполз от драки подальше.

Когда тарантины развалились кто где без сознания, я отфутболил трофеи – ножички и телефоны с записью бойни – подальше от толстяков, вызвал “скорую” и блюстителей.

Очкарик лежал на боку, дышал как побитая собака.

Я присел возле героя тарантиновых съёмок.

– Живой?

– Угу.

– Видать, ногами по морде ты раньше не получал.

– Откуда вы знаете?

– Ты не снял очки. Зря. Один удачный удар – и в твоих

бестолковых глазах торчат осколки стёкол.

– Почему это в бестолковых?

– Не видят, куда ведут. Какого чёрта ты полез сюда, в самый глухой угол парка?

Очкарик упёрся локтем в землю, попытался встать, вскрикнул, схватился за грудь, упал на спину. Я ощупал птичью грудь очкарика. Вместо ребра нашёл мягкий провал.

В надежде подсластить пилюлю я улыбнулся.

– Не шевелись, боец. “Скорая” приедет – тогда и разомнёшься. Похоже, у тебя перелом ребра, причём паршивый. Будешь дёргаться – обломок пробьёт лёгкое.

– Я умру?

– Лежи смирно, и будешь жить сто лет.

– Больно в груди.

– Не обращай внимания.

– Говорить – не камни ворочать.

– Держи хвост пистолетом. Сирену слышишь? Наверное, по твою душу.

– Первый раз вижу, чтобы “скорая” приезжала так быстро.

– Это не “скорая”. Милиция.

– Как вовремя! Где они были раньше?

– Учились на предсказателей. Кто ж знал, что ты на ночь глядя попрёшься в парк, да ещё в самый глухой угол? Это при твоих-то мощных бицепсах!

– Вы тоже не Шварц, а в глухой уголок пошли.

– Я этих троих раскидал, а ты – нет.

– Да, дерётесь вы как в кино. Где же милиция?

– Значит, та сирена выла не для тебя. Подождём.

Я снял на мобильник место происшествия и разбитые морды жирной троицы, скопировал видеофайлы с трубок киноделов на свою.

Затрещали сучки. Я оглянулся. Из-за кустов на полянку вышли двое в форме – коротышка и долговязый – с дубинками наперевес. Я повернулся к очкарику, улыбнулся.

– Я ошибся. Сирена выла таки для нас.

За спиной кашлянул представитель Закона.

– А ну, мордой в грязь, орёл!

Я поднял руки.

– Спокойно, ребятки. Вас вызывал я. Какой мне понт вам звонить, если я в чём-то виноват?

– Разберёмся. Кто такой?

– В правом заднем кармане лежит удостоверение. Достану, если разрешите опустить руки.

– Стой смирно.

– Стою.

В следующий миг я получил дубинкой по икрам. Ноги взлетели выше головы. Я шмякнулся на спину с чавканьем, какое издаёт свиная туша в конце полёта с прилавка на кафельный пол мясного павильона.

Очкарик зашёлся в икоте.

Коротышка матернулся, затем перешёл на сленг.

– Нафиг ты его звезданул? Он же не рыпался.

– Так он точно не рыпнется. Глянь, что у него.

Долговязый улыбался, похлопывал дубинкой по ладони.

Я лежал, от боли в икрах крошил зубы.

Коротышка шагнул ко мне. Я повернулся на бок, подставил карман, встретился взглядом с очкариком.

– Не бойся, малыш. Дяди тебя поднимать не станут. Они же не хотят, чтобы оскол...

Долговязый пнул ботинком мою икру. Я скрипнул зубами. Долговязый гоготнул, пнул икру ещё раз.

– Не вякать! Лежать смирно!

– Товарищ сержант, пацана трогать нельзя. У него сломано ребро. Если осколок врежется в лёгкое...

– Смотри, какой умный! Медбрат, что ли?

– Нет.

– Кто завалил этих троих бегемотов?

– Я.

– В одиночку?

– У меня разряд по контактным шахматам.

Коротышка протянул долговязому моё удостоверение.

– На, читай. А я пока вызову “скорую”.

Я хмыкнул.

– Минут десять, как вызвал.

Коротышка отмахнулся.

– То вызывал ты. К нам приедет быстрее.

Коротышка связался с центральным постом, вызвал “скорую” и подмогу.

Долговязый разглядывал моё удостоверение, чесал затылок.

– Что-то мне твоё фамилие знакомое, как говорит тот котра из мультика. Янов, Янов... Не тот ли ты Янов, что на прошлой неделе в кабаке отрихтовал нашего кореша?

Когда долговязый закончил речь, я понял, что дубинка – лучшее из того, что меня ожидало.

Коротышка ткнул долговязого локтем в бок.

– Тот, я его узнал. Видел в газете фотку.

Я приготовился встретиться лицом к лицу с ботинками долговязого и коротышки. К безмерному удивлению долговязый нагнулся, протянул руку.

– Вставай. Держи пять, помогу.

Я ухватился за протянутую руку, поднялся, матернулся от боли, упал на колени. Долговязый сплюнул.

– Блин, клёво я приложился. Ты уж прости. Что мне было делать? Выхожу на полянку, а тут три бегемота в отрубке, и этот очкарик весь в крови. На ногах – один ты. Кого мне надо вырубить на всякий пожарный?

Я отмахнулся.

– Ладно, проехали. Пацана не переворачивайте. Не дай бог навредим...

– Пусть себе лежит.

Долговязый кивнул в сторону тарантин.

– А эти трое кто?

– Уроды. Лупили одного втроём.

Долговязый сдвинул берет на лоб, потёр затылок.

– Вашу мать! Так это ж сынок депутата! Вон тот, самый толстый! Точно! Вчера папочка по телеку выступал, нёс какую-то хрень про борьбу с криминалом. Фамилие у него какое-то зелёное.

Я размял икры, встал, присмотрелся к тому, в ком долговязый опознал депутатского сынка.

– Да. Он. Как две капли. Сынуля Маслины. Я, когда рубильник ему сворачивал, тоже что-то знакомое уловил.

Коротышка хохотнул.

– А когда нашему корешу нюх в кабаке чистил, мента в нём тоже не признал?

– Признал. Я вашего Крысько знаю давно.

– Никак его, падлу, не поймают. Из-за таких уродов народ думает, что все менты продажные.

Долговязый улыбнулся.

– Жаль, там не было меня! Я б ему, козлу, добавил.

Из-за кустов вышла группа в пиджаках и с папками, позади семенил фотограф. Через минуту началась протокольная тягомотина. Кто? Почему? Когда? Миллион вопросов, чтобы зафиксировать картину преступления.

Приехали медики, подтвердили, что ребро у очкарика сломано. Пацана погрузили на носилки, затем дали тарантинам нюхнуть нашатыря.

Едва у карапузов прорезались глазки, как поднялся гвалт. Тарантины угрожали папами-депутатами, звонили всему

свету, вызывали подмогу, адвокатов, пап, мам. Приехали все. Часок поорали хором, поугрожали мне и очкарику.

Блюстители промурыжили меня два часа. Отпустили, когда стемнело так, что эфиопа не различишь с метра.

Защитники тарантин – из тех, что понаехали по просьбе пострадавших – сопровождали меня до подъезда. Три джипа ползли за мной со скоростью пьяной улитки. Свет фар растянул мою тень на квартал. Я провоцировал: шёл по проезжей части. Я затылком чувствовал, как водителям не терпелось дать полный газ. Придавить меня колёсами к асфальту пацанам так и не приказали.

Пока я думал о джипах за спиной, на задворках сознания вертелся вопрос: каких приключений на свою задницу искал задохлик-очкарик поздним вечером в заброшенном уголке парка? Ловил бы сачком бабочек, порхая между кустиками в лучиках полуденного солнышка, да заблудился – куда ни шло. Юннат-очкарик, густые сумерки и троица тарантин вязались вместе как лебедь, рак и щуки.

*

*

Боль рвала зашибленные икры на куски, если я делал шаг длиннее четверти метра. До дома я доковылял за десять минут при норме в пять.

Место контакта дубинки с икрами я рассмотрел уже в горячей ванне. На левой икре синячище растёкся шире ладони, правой ноге повезло больше.

Я наложил на синяки компресс из бодяги. Хорошо, что продажных ментов вроде Крысько долговязый блюстититель не любил. Иначе кроме икр мне бы дубинкой почесали ещё и почки, ведь я дал в нос менту! Захоти долговязый вступить-ся за честь мундира, и моих запасов бодяги мне бы не хватило, а её у меня наготове грамм двести.

За чашкой чаю я разобрался с трофеями: видеофайлы с записью мордобоя, что скачал в парке с трубок тарантин на мой мобильник, я скопировал на диск компа, размножил на всякий пожарный на дивидишных болванках, да под конец залил видео на закрытый сайт для подстраховки.

Когда взвесил все “за” и наплевал на “против”, я подредктировал ролики, снятые тарантинами. Лицо очкарика замалевал черным пятном, особо жестокие удары тарантин вырезал. Сетевой народ таким кино не испугаешь, но ведь по сайтам гуляют и дети, а им на такое смотреть рановато.

Я выложил подрисованные ролики в расшаренную папку для свободного доступа из городской сети. Залил файлы и на блог. Я старался, чтобы тарантинам не пришлось долго искать, где освежить память перед очередным походом втроём против одного наперевес с камерами мобильных и ножичками “а ля Рэмбо”. Рядом со ссылками на ролики я повесил фотки разбитых тарантиновых мордашек, чтоб карапузы не забывали о последствиях.

Повесил я видеозаписи на блог ещё и затем, чтобы папочки невинной троицы не искушали следователя гонорарами

за “пропажу” вещдоков.

В умении папаш-депутатов перекручивать события с ног на голову я в очередной раз убедился после того, как в кабаке начистил нюх Крысько.

Я тогда врезал Крысько за... нет, не за приставаания к даме. На дешёвые ухаживания та шлюшка напрашивалась сама. Врезал я Крысько за то, что он – мент продажный, и строит из себя короля джунглей. Мол, всё здесь моё, и ты, недочеловек, загораживаешь мне вид из окна. В таком стиле Крысько говорил в тот вечер со всеми в кабаке. Заговорил и со мной. Теперь не здоровается.

После той драки “Вечерний Андреев” напечатал моё фото с подписью: “Напал на сотрудника милиции”. Покровители Крысько из числа депутатов заказали статью в половину страницы. Это при том, что сотрудник милиции пьёт в кабаках с бандюками, выгораживает недоносков за мзду, да катается на японском джипе при зарплате в глушитель от заporожца.

Стараниями депутатского корпуса меня потаскали по кабинетам, аж захотелось в отпуск. Так я и сделал. На блоге повесил объяву: мол, иду в отпуск. Буду валяться на пляже, вечером гулять в парке, мобильник отключу. Для всех, включая клиентов, я отдыхаю, просьба не беспокоить.

Вот и отдохнул, погулял тёплым летним вечерком в парке... С драки в кабаке не прошло и недели, как я вляпался в историю с тарантинами и очкариком. Если бы тарантины

оказались рядовыми босяками-шалопаями... По Закону Бутерброда самый толстый из тарантин оказался сынком самого злобного из городских депутатов.

Ромку – так в парке называла толстого тарантину мамаша – родил пламенный борец с андреевским криминалом товарищ Маслина. Папаша-депутат в каждом интервью андреевскому телеканалу вопит о страшных карах, что он готовит бандюкам. Вопит уже лет пять. Навопил себе на домишко на Кипре, да подмял под себя “Вечерний Андреев”, потому как прессу полезно держать под контролем.

Сыночку депутата-праведника Маслины я умудрился подрихтовать лицо за банальное групповое избиение. Что-то скажет город о папе? Как папино нежное сердце отзовётся на сыновнюю расквашенную рожу? Что запоёт “Вечерний Андреев”?

Я прогнал мысли о грустном, послал депутатов с их детками подальше, завалился спать.

Наутро синяки сменили цвет на грязно-жёлтый. Бодяга как всегда на высоте. Боль напоминала о себе лишь при прыжках на утренней тренировке.

Попрыгать и попинать грушу как положено я не успел. В середине тренировки зазвенел телефон. Скрипучий голос сообщил, что мне выписан пропуск к следователю. Приём в девять утра. Явка обязательна.

Скрипучий голос я узнал. Крысько – продажного мента с крысиной мордой – не узнать по голосу я не мог.

*

*

Перед кабинетом Крысько я набрал на мобильнике номер, нажал вызов, дождался соединения.

Я открыл дверь без стука. Крысько встретил меня крысиным взглядом глазок-бусинок. Злорадство не скрывал, блеснул как свежие катышки крысиного дерьма.

Я подошёл к столу, отодвинул стул, сел без приглашения, улыбнулся во все зубы.

– Вызывали?

Крысько откинулся на спинку.

– Ян Янович, за какие заслуги вчера вечером вы избили трёх невинных парней, что гуляли по парку?

– Три толстяка пинали полудохлого очкарика. Вы бы прошли мимо?

Вместо ответа Крысько спросил, что именно в том месте парка делал я. Не долго думая, я сказал правду: гулял. Мой ответ Крысько не понравился. Как можно гулять в самом глухом уголке парка? Я попытался объяснить, что в глухих уголках народу обычно ноль. Тишина и спокойствие. Разве что толстые придурки иногда пинают тощих очкариков.

Крысько сверился со списком вопросов из серии “тарантин я отмажу, а тебя буду топить, ибо приказано”, сообщил: потерпевшие уверяют, что тот очкарик слепил их из-за кустов лазерной указкой. Что я скажу на это?

Что я мог на это сказать? Разве что спросить: если таран-

тин называть потерпевшими, то кто же тогда очкарик? Вместо вопроса я сказал, что с очкариком в кустах не сидел. Крысько не поверил.

Мало того, Крысько полночи не мог понять, как это я ни с того, ни с сего оказался рядом, когда потерпевшие начали очкарику объяснять, что слепить людей указкой – это нехорошо. Крысько так и не понял, за что я ударил первого из потерпевших.

Я опять попрам нормы морали крыськов, и сказал правду: мол, карапуз пошёл на меня с ножом. Вы это пёрышко видели, Крысько? Если его воткнуть вам в живот, то запросто можно почесать гланды.

Заодно я спросил, откуда у карапузов полуметровые ножички, и почему детишки таскаются по парку с холодным оружием. Ответ на этот вопрос Крысько прочёл из заранее составленного “вопросника-ответника”: потерпевшие взяли ножи из кухни ресторана, где отдыхали перед тем, как из кустов их начали слепить лазерной указкой. Ножи кухонные, то есть под холодное оружие не подпадают.

Интересно, если бы такой ножичек нашли в кармане у меня, то признали бы кухонным или десантным? Вопрос я озвучил.

Крысько отмахнулся, задал свой.

– Итак, парень пошёл на вас с ножом, а вы его ударили. Откуда вы знали, что потерпевший собирается ножом нанести вам вред?

– Подсказало шестое чувство. Назовите это опытом.

– Так и запишем.

– Зря. Я ваш бред подписывать не стану.

Крысько скрипнул зубами.

– Ещё как станешь!

Я посмотрел в окно. Между столбами поперёк дороги висела рекламная растяжка про пользу пива тем, кому плоский живот не нравится.

Я перевёл взгляд на Крысько.

– Может, я пойду?

Крысько взвился над стулом быстрее, чем если бы сел на шило.

– Кто, когда, и куда пойдёт, здесь решаю я!

– Я арестован?

Крысько подошёл ко мне на расстояние шага.

– Встать!

– Лучше не надо, начальник. Кончится плохо.

– Встать!

Я встал. Крысько с размаху врезал мне в живот. Я охнул, согнулся пополам.

Я выпрямился и улыбнулся аж через пять секунд. Сделал вид, что мне ужасно больно. Заговорил с придыхом, чтобы понатуральнее.

– Я ж сказал, что кончится плохо.

Крысько обошёл меня сзади. Я развернулся, встретился с Крысько взглядом.

– Собираетесь треснуть по почкам? Это место святое. Троньте, и дам сдачи.

Крысько улыбнулся, словно моих слов устал ждать.

– Угрожаешь, падла? Да я тебе сейчас башку по стенке размажу, а потом заставлю...

Я сел. Крысько набычился.

– Встать!

– Вы дурак или считаете себя умным? Вы хоть понимаете, что ваши слова могут записываться?

– Что ты сказал, урод?!

– Вы наговорили лишнего. Этого хватит, чтобы я подал на вас заявку. Посмотрите сюда.

Я вынул мобильник, показал Крысько.

– Видите, мы на связи? На том конце волны трубка моего адвоката. Там наш разговор записывается.

Крысько сглотнул.

– Ты...

– Я могу идти?

Крысько фыркнул. Допрос окончен. Уж сколько раз я проделывал фокус с липовым адвокатом, а крыськам хоть бы хны. Вести допрос по-человечьи, а не по-старинке, так и не научились. Или крыськи друг другу позорные истории не рассказывают?

Я вышел из конторы, покрутил головой, нашёл ориентир – рекламную растяжку про пользу пива тем, кому после сорока женщины не так уж и нужны.

Я встал под растяжкой, пересчитал окна от угла дома до кабинета Крысько. На цифре девять я упёрся в морду Крысько, что нарисовалась в окне. Мы встретились нелюбящими взглядами. Крысько выдерживать мой взгляд не захотел, нырнул вглубь кабинета.

По пути домой я твердил про себя цифру девять. Записывать не хотел, тренировал память. Расположение окна Крысько запомнить не мешало, ведь для следующей встречи я приготовил господину следователю сюрприз.

В том, что randevу с крысиными глазками неизбежно, я уверовал на все сто. На меня собрались повесить избиение несчастных карапузов. В качестве нападающего выбрали не кого-нибудь, а купленного по дешёвке Крысько. Этот будет грызть меня до последней крошки, лишь бы расквитаться за то, что я устроил ему в кабаке.

*

*

Я стоял в коридоре, разглядывал в зеркале повышенную небритость. На допрос к Крысько я не брился: пусть знает, с какой высокой горки я хотел на него плевать.

За дверью зашаркали подошвы. Звякнул звонок. Я открыл дверь через миг после звонка. Гость отпрянул, словно открыть должен не я с модной щетиной, а добрая фея с реверансом.

Я улыбнулся.

– Что, такой страшный?

Бледный мужик, больше похожий на тень, чем на человека, мотнул головой. Я думал, от столь энергичного рывка лобастая голова с тощей шеи свернётся, не в силах остановиться. Я ошибся. Голова воротилась на место, даже заговорила.

– Не ожидал, что вы откроете так быстро. Я – отец Толика. Игорь Михайлович.

– У меня знакомых Толиков полгорода.

– Парень, которого вы спасли вчера – Толик.

– Заходите. Тапочки для гостей красные.

Я посторонился, впустил гостя. Михалыч потоптался у двери, глянул на красные шлёпанцы, замялся.

– Эээ...

– Великоваты? Для гостей только сорок пятый, уж извините.

– Я... Простите, у меня грибок.

– Хм. Тогда проходите в своих.

Михалыч сунул руку в карман.

– Вот, возьмите. Спасибо ведь на хлеб не намажешь.

Михалыч протянул конверт.

– Здесь – тысяча долларов.

Я отмахнулся.

– Оставьте деньги себе. Так в коридоре стоять и будем?

Чай, кофе?

– Но я на минутку... Давайте чай.

– Проходите в комнату, выбирайте кресло.

Михалыч шагнул в комнату, остановился.

– Но здесь кресло только одно.

– Вот его и выбирайте.

Михалыч уселся, я отправился за чаем. Когда вернулся с полными чашками, от ароматов чуть не провалился в коматоз. Вонь от ног гостя застряла в моём носу смердящей пробкой. Хорошо, что Михалыч остался в своих туфлях.

Я подал чай Михалычу, свою чашку поставил на подоконник, подальше от ароматов гостя, остался у окна. Михалыч положил конверт на журнальный столик.

– Я принёс эти деньги в благодарность. Вы спасли мне сына. Не отказывайтесь.

– На ваше спасибо получите моё пожалуйста. Деньги заберите. Вы уж извините, но, судя по вашему виду, лишняя копейка вам не помешает.

Присыпать крошками такта моё мнение о внешности гостя – Михалыч выглядел ходячим трупом – я постарался, как мог.

Михалыч усмехнулся. Не усмешка, а гримаса мертвеца из ужастика.

– Да уж, молодцом не выгляжу. У меня рак крови. Врачи обещают ещё годика три от силы.

– И вы несёте деньги мне?! Потратьте их на лекарства. Насколько я знаю, онкология – вещь дорогая. Ваши таблетки дороже брилликов.

Михалыч кивнул, подул на чай, пригубил.

– Затраты глупые. Сколько денег на пилюли не трать, а

результат один. Плюс-минус полгода...

– И всё же протянуть полгода...

– Протянуть? Хочу жить, а не тянуть. Лекарства я уже давно не покупаю. Эффект нулевой, а денег уходит море. Теперь всё трачу на сына. Моя песенка спета, а он только начинает жить. Ему деньги нужнее.

Я указал взглядом на конверт.

– Откуда деньжищи?

– Скинулись депутаты. Только что. По тысяче каждый. Хотят, чтобы сын заявление забрал.

Значит, Крысько сообщил нанимателям о провале. Кукловоды натравили на меня Крысько для проверки: если я сдамся, тогда и платить очкарику не понадобится. Не срослось.

Я пожал плечами, отхлебнул чаю.

– Теперь вашему сыну останутся хотя бы деньги.

– Вы даже не представляете, как у меня на душе противно! Творят, гады, что захотят! А нам остаётся или терпеть, или валяться с переломанными рёбрами в больнице.

– Или не ходить по тёмным закоулкам, где шляются недо-развитые деточки.

– Деточки? Им по восемнадцать.

– Что ваш Толик делал в парке?

– Просто гулял.

– Я его раньше не видел. Гуляю там не один год.

– Так он вчера вышел в первый раз.

– Везунчик. Как вы меня нашли?

– Ваш адрес мне дал посредник, чтобы я уговорил вас не подавать своё заявление.

– Посредник?

– Он принёс деньги депутатов. Заявление подадите?

– Нет.

Я мелкими глотками допил чай. Михалыч не осилил и половины чашки, вздохнул. Я приготовился слушать. Не зря.

Михалыч в двух словах минут пятнадцать изливал наболевшее.

Вот жизнь, а? Толик с детства чего-то добивается, старается, работает, и гол как его отец. Толик учился как проклятый, отличник, достоин кое-чего получше нищеты, а что сделали они, эти депутатские недоноски-тунеядцы?

Эти сволочи палец о палец не ударили, гоняют на дорогу-щих джипах, лупят кого захотят до полусмерти, и за всё у них заплачено! Бог на свете есть? Толик на отцовском долом жигулёнке-копейке выезжает раз в месяц, а они на новеньких джипах целыми днями бензин прожигают тоннами. Это справедливо?

Я не удержался, вслух заметил, что Толик ездит аж на жигулёнке. Другие обходятся трамвайчиком.

Михалыч возразил. Цены-то на бензин ого-го! Много не наездишь. Толик в основном возит отца в больницу, когда тот идти не может. Обычно Михалыч ходит к эскулапам сам, но бывает, что ноги отказывают.

Я сказал, что Михалычу с сыном повезло. Заботливый. Михалыч уверен, что везение тут ни при чём. Помогло воспитание. Михалыч сыну спуску не давал. Отец Толику с детства привил трудолюбие и помощь слабому.

Я отвалил Михалычу комплимент: мол, Толику небеса послали чудесного отца, Макаренко двадцать первого века. Михалыч аж разомлел. Да, воспитывать Михалыч умеет. У других отцов с сыновьями куча проблем, а у Михалыча тишь да благодать. Толик со всем справляется сам, помощи не просит.

Так прямо и не просит? На что ж Толик живёт?

Зарабатывает как-то в интернете. Михалыч в этом не разбирается. Толик через интернет что-то или продаёт, или покупает. Михалыч толком не знает. Толик видит, что отец в этом деле не рубит, и не объясняет папуасу устройство телескопа. Толик и на права деньги заработал сам, и бензин покупает за свои.

А вот питается Толик пока с отцом. Тут Михалыч пока помогает. Одежду Толик покупает сам, а за квартиру и питание платит отец.

Под конец рассказа гордость за сына распёрла Михалыча до размеров дирижабля.

Михалыч слез с самохвала, посмотрел на меня.

– Для восемнадцати с хвостиком неплохо, а?

– Не плохо? Отлично!

Михалыч глянул на часы, что висят на стене напротив, вы-

брался из кресла.

– Простите, я пришёл-то на минутку, а сижу уже полчаса. Заболтался. Деньги возьмите, прошу вас.

Я поднял со стола конверт, протянул Михалычу.

– Потратьте их на морковный сок. Отличная штука для заживления переломов. Как, кстати, ваш сын?

– Врачи говорят, что ребро срастётся.

– Купите ему пару ящиков морковного сока.

Михалыч кивнул, вздохнул, сунул деньги в карман.

Я запер за гостем, присел за комп. Не терпелось посмотреть, как поживают на моём блоге файлы с тарантиновых мобилок.

*

*

Страница статистики блога впечатлила полусотней тысяч посетителей за неполные сутки. Фотки с разбитыми рожами тарантин разглядывали впятеро чаще и вдвое дольше роликов с избиением очкарика.

Файлы с моего компа – если верить рейтингу городской сети – вышли на первое место по скачиваниям.

Всё-таки за городскими сетями будущее. Как иначе город узнал бы о своих героях меньше, чем за сутки?

Для начала я уменьшил число одновременно подключенных ко мне качальщиков, чтобы работа за компом не напоминала сплошное торможение.

После того, как расправился с пожирателями моего исхо-

дящего трафика, я прошёлся по городским новостным сайтам. О тарантинах и очкарике не нашёл ни единого слова. Официальный город дремал. Проснётся либо когда очкариков начнут убивать пачками, либо когда мэрия даст отмашку.

За те десять минут, что я бродил по сайтам, на мой блог заглянули почти семьсот человек. Судя по адресам посетителей, сплошь да рядом андреевцы. Город хотел видеть, чем на досуге занимаются детки богатеньких буратин. И это при том, что в записях, выложенных в сеть, я лицо очкарика закрыл и жестокие сцены вырезал.

Я заглянул на сайт мэрии, оставил на форуме ссылку на фотки разбитых тарантиновых рожниц. Пусть посетители посмотрят, что стало с детишками депутатов после попытки угрожать мне полуметровыми ножичками для забоя мамонтов.

Через пять минут я навестил форум мэрии вновь. Ссылки на фотки тарантин как не бывало. Значит, мэрия не спит, вебмастер начальством предупреждён и начеку. Ну и ладно. Мой блог закрыть не смогут, а на своём сайте пусть творят, что хотят.

На закуску я оставил сайт “Вечернего Андреева”. Обычно новости там появляются под вечер. В тот день расписание изменилось. Ещё утром на главной странице вебмастер вывесил моё фото с подписью: “Частная ищейка Янов избивает невинных детей до полусмерти”. От жалости к карапузам я

аж прослезился.

Сайт “Вечернего Андреева” расписал вечерние события в парке в подробностях. Журналист Заливайло – вот уж наградил бог фамилией! – отработал деньги заказчиков сполна.

Статейка получилась – триллер рядом не валялся.

Если верить статье, трое малышей гуляли по парку с томиками Маршака в хрупких пальчиках. Тут из кустов выскочил злобный очкарик и ну слепить карапузов боевым красным лазером. Невинные детки в ужасе убежали. Свирепый очкарик – за ними. Вдруг откуда ни возьмись нарисовался я, убийца детей. Догнал, избил карапузов до полусмерти и, если бы не наряд милиции, кто мог поручиться за жизнь невинных младенцев?

Почему у очкарика сломано ребро, вместо лица кровавое месиво, а тело сплошь в синяках и ссадинах, журналист Заливайло объяснить не потрудился. Хорошо, хоть избитого очкарика не пришел моим кулакам.

Каждую фразу “Вечерний Андреев” размалевал, как предписано. Мой портрет набросал мазками чёрной смолы, невинных младенцев с любовью выписал белой и пушистой акварелью.

Вечером я купил “Вечерний Андреев” в бумаге. Хотел посмотреть, не пошутил ли вебмастер на сайте. На первой странице красовалось моё фото с той же подписью, что и на сайте газеты. Статья, что заняла полстраницы, слово в слово повторяла статью на сайте.

Поначалу зачесались кулаки дать Заливайло в нос, чтоб инфу фильтровал. Через минуту я передумал. Заливайло и без меня судьбой наказан, ибо пишет всегда то, за что потом получает по башке. Как до сих пор писака жив, удивляюсь.

Я набрал номер Заливайло. Минуту подождал ответа, набрал заново. Заливайло мой номер знает, потому трубку не берёт. Пару раз мы с ним по душам поговорили, теперь обходит меня десятой дорогой.

Дозвониться до журналюги удалось с уличного автомата. Заливайло включил культурную речь.

– Слушаю вас.

– Привет, брехун!

Заливайло меня узнал, культурную речь выключил.

– Ты кого назвал...

– Спокойно, Заливайло! Будешь много трендеть, и я подам на тебя в суд за клевету. Твоя статья завалит тебя с головой. И тот, кто статью заказал, не поможет.

– С чего это ты взял, что не поможет?

– Маслина не идиот. Или ты поверил, что из-за тебя целый депутат станет пачкать руки?

– Подбирай выражения, Янов!

– Бестолочь ты, Заливайло. Загляни на мой блог. Туда весь Андреев смотрит уже сутки. Остался один ты. Там фотки свирепого очкарика, который напал на твоих невинных букашек. И ещё там видео. Советую просмотреть.

Заливайло замолчал. Я услышал щелчки мышкой.

– Эй, Заливайло, чего замолчал? Зашёл таки на мой блог? Наконец-то! Как после этих фоток в глазах читателей выглядит твоя статья, а? Подумай. Видео рассмотрел? Какие пушистые у тебя вышли депутатские детишки! У меня получились какие-то недоноски. Вот бы мне твоё мастерство!

– Много тексту.

– Ты к очкарику в больницу заглянул?

– Что мне там делать?

– Журналист должен выслушать обе стороны, и только затем писать материал.

– Это мне решать, что и как писать!

– Ты к очкарику всё же загляни. Прогулка будет познавательная. Может, наберёшься ума.

Перед тем, как я повесил трубку, из динамика вывалилась кучка матов.

Статья заказная, Заливайло не скрывал. Заказчики понятно кто. Маслина – первый. Статью заказали ещё ночью, раз на сайте висела уже утром. Значит, в способностях Крысько кукловоды не сомневались. Когда я господина следователя обломил, скинулись по тыщонке на лекарства очкарику в обмен на молчание.

Со статьёй Маслина поспешил. Дело вроде и не заводилось, а статейка уже вышла. Как теперь объяснить горожанам, о чём в статье речь, и почему дело против меня и свирепого очкарика так и не завели? Это при том, что я избил до полусмерти сына пламенного борца с криминалом.

Наутро журналюга разразился новым сочинением. Чтобы имидж борца с криминалом не накрылся медным тазом, Маслина заказал “Вечернему Андрееву” опус о том, как тяжело раздобыть улики против ушлого частного сыщика, и как в поте лица славный следователь Крысько роет носом в поисках моей вины.

Заливайло из нашего разговора вывод сделал. Накатал статью без единого намёка на мою вину в избиении тарантин. Вился вокруг да около, юлил, намекал, сыпал юридическими завитушками. Официальной клеветы я в статье не нашёл. На том дело и заглохло.

Через месяц позвонил Михалыч. Пригласил в гости. Очкарика опять побили.

*

*

На лестнице, у квартиры очкарика, я разминулся со стражем ненавдимого порядка. Хмурый Михалыч как раз собирался закрыть за блюстителем дверь, когда на площадку поднялся я.

Михалыч увидел меня, расцвёл.

– Как вы быстро!

– Всё же соседи.

– Так уж и соседи. Я к вам топал минут двадцать.

– Вынуждаете сказать бестактность.

– Говорите. В обморок не упаду. Входите.

Михалыч впустил меня в коридор. В нос шибанула гни-

лостная вонь. Я вспомнил о грибке Михалыча. Где моя память была раньше?

Михалыч запер дверь, указал на рваные тапочки.

– Надевайте. Вы хотели сказать, что вы не такой доходяга как я, потому и дошли не за двадцать, а за десять минут, так?

– За семь. Если позволите, ваши тапочки надевать не буду.

– Не любите рваных тапок? А я обожаю.

– Не хочу подхватить ваш грибок.

– Ах, это! Я и забыл. Проходите.

Михалыч провёл меня в комнату.

Толик лежал на диване. Лицо в ссадинах, губы лиловые и опухшие, правый глаз подбит так, что разомкнуть веки очкарик сможет не раньше, чем через пару дней.

Михалыч поставил рядом с диваном стул.

– Присаживайтесь, Ян. Вы тут пока пообщайтесь, а я сварганю чайку.

Я уселся, подмигнул Толику.

– Ну, рассказывай.

– Побили, и опять сняли всё на мобильник.

– В роли груши ты зрителям понравился, иначе б не снимали. Ребро приросло? Ты когда выписался?

– Ребро зажило. Ваш морковный сок отец в меня вливал ведрами. Врачи сказали, что заросло как на собаке. Выписался в среду.

Толик рассказал, что вышел пройтись вокруг дома. Четыре дня после выписки из больницы просидел дома, надоело.

Днём было сильно жарко. Как только пекло закончилось, Толик вышел. Часов в шесть.

Когда возвращался, в подъезде напали трое. Ударом по голове сбили с ног. Когда упал, добавили кроссовками. Очки Толик снял сразу, как я и советовал ещё в парке.

Из троих нападавших били двое. Третий стоял рядом, снимал на мобильник. Нападавшие прятали лица за масками, потому опознать троицу Толик не сможет.

Тот, что снимал на мобильник, выглядел толстяком. На тарантин из парка фигурой не похож.

Я попросил Толика порыться в памяти, вспомнить особые приметы нападавших.

Толик прикрыл глаза. Через полминуты открыл.

– Да что они, в самом деле, идиоты, что ли? Второй раз на меня налетать, да ещё и днём...

– Вечером. В шесть ты вышел, во сколько зашёл?

– Около семи.

– В подъезде в это время уже приличные сумерки. Что сказала милиция? Когда я пришёл, от вас уходил важный мужик при погонах.

– Сказал, что будут искать. Расспросил, и ушёл.

– Ты ему рассказал то же, что и мне?

– Ещё рассказал, что ничего не забрали. Причём повторил всё чуть ли не по три раза.

– Значит, будут искать? Ну, желаю им удачных поисков. Выздоровливай.

Я встал. Очкарик приподнялся на локте.

– Вы куда? Искать их не будете?

В комнату вошёл Михалыч, принёс чашки и вонь от ног, убитых грибок. Одну чашку дал мне.

– Пока чайник закипал, я слушал ваш разговор из кухни.

Как вижу, я вовремя. Собираетесь уходить?

Я кивнул. Михалыч покачал головой.

– Мне казалось, вы нам поможете.

Я понюхал чай. Не столько для того, чтобы понюхать, сколько для того, чтобы зарыться носом в пар, что клубился над чашкой, и убережёт нюх от поражения диким грибковым смрадом, что окружал Михалыча.

Когда отдышался, посмотрел на Михалыча.

– Зачем вы меня позвали?

– Хочу, чтобы вы их нашли.

– Шансов ноль. Чтобы искать, нужна хоть одна зацепка.

Не вижу ни единой. Я не волшебник.

– Я думал, вы нам поможете.

– Могу только взять у вас пару сотен, смотаться на два дня на рыбалку, а потом спеть вам песенку о том, как я тяжело трудился и ничего не нашёл. Устраивает?

Я жестом попрощался с Толиком, вышел в коридор. Михалыч прислонился к косяку, вздохнул, начал длинную речь.

Михалыч считал, что Толику отомстили тарантины. Ведь у Толика закурить не просили, ничего не забрали. У Толика была мобилка, портмоне. Всё оставили. Налетели просто

так, без слов, и сразу бить... Это месть. Причём месть депутатских отморожков.

Как они его поймали? Он же из дому после больницы не выходил. Как узнали, что он вышел? Значит, следили? Если следили, то можно найти окурки, или что там находят на месте, где долго стоит тот, кто кого-то дожидается? Почему милиция этим не занимается?

Я оставил вопрос без ответа. Взамен задал свой.

– Кто мог знать, что ваш Толик выйдет прогуляться именно сегодня? Не вчера, не завтра, а сегодня? Не ждали же Толика в подъезде целыми днями со среды!

– Хм! А ведь и правда. Их могли заметить, а это риск. Как же на Толика вышли?

– Дали копеечку малышам, что во дворе торчат по вечерам, и попросили позвонить по такому-то номеру, как только Толик выйдет из дому.

– Это же идея! По этому номеру мы их и найдём!

– Для начала придётся найти того, кто им сообщил о выходе Толика. Это нереально. Могло быть и по-другому: сняли квартиру в доме напротив, и тупо следили за вашим подъездом из окна. Ищи их теперь!

– Что, всё так плохо?

– Звоните, если что.

– Если их найдёте, то получите тысячу баксов.

Я попрощался жестом, вышел на площадку, вдохнул полной грудью. Подъездные ароматы после душа от ног Миха-

лыча показались дорогим парфюмом.

Через семь минут я присел к компу, влез в сеть, начал копать. Меня мурыжил вопрос: те, кто напал на Толика, снимали вечерний подъезд на камеру мобильного от нечего делать?

*

*

Очкарик не подвернулся гопникам случайно. За Толиком следили. Грабить не грабили, только постучали по лицу. Били без переломов, но с синяками. Значит, били по заказу. Зачем? Ради глупой мести?

Кроме того, избиение снимали на мобильник. Кому собирались показывать? Себе? Не слепые, видели сами. Заказчики? Он что, не поверил бы исполнителям? Проще нанять надёжных, чем проверять.

Хотели оставить видео на память? А если бы их задержали? С обвинительным роликом на трубке дорога одна – в суд. Так рискуют только тупые тарантины и те, кому кровь из носу нужно именно видео.

Те, кто лупил очкарика в подъезде, на дурачков не похожи. Сработали на совесть, даже маски приготовили. Значит, очкарика били не столько из мести, сколько ради видео.

Или я с логикой не дружу, или цель съёмки – сунуть мордой в лужу меня. Мол, твоего очкарика мы таки достали, а ты, Великий Сыщик, фиг нас когда найдёшь. И кто смеётся последним?

Если так, то мне должны дать знать. Мол, щёлкни, герой, мышкой, глянь на своего протеже. А теперь попробуй нас найди!

В поисках авторского кино с побитым очкариком в главной роли я рыскал по городской сети с воскресного вечера. Нашёл аж к обеду понедельника.

Будь в моём черепе на одну извилину больше, перерывать носом сеть я бы не стал. Хватило бы и посещения моего же блога. Где ещё мне дали бы знать о премьере самопального триллера, как не на моём блоге?

В комментарии к ролику, что сняли тарантины в парке, а я подкрасил и выложил на блог, подкинули ссылку: мол, гляньте на досуге ролик в тему. Ссылка вела на видео, отснятое в подъезде Толика. В главной роли очкарик без очков. Стекляшки, как и говорил, Толик держал в руке.

Качество видео великолепное. На лице очкарика различался каждый прыщик, даром что снимали не статичный портрет, а динамичную драку.

Файл лежал на сервере провайдера городской сети в разделе приватного видео. Файл популярностью не хвастал, ведь в кадре не хватало депутатских детишек. Роликов с заурядными побитыми очкариками в сети хватает, этим добром не удивишь, из моды вышло.

Файл скачался за минуту. Я прогнал ролик через хакерскую программку. Обычные редакторы видеофайлов дают инфу только о модели камеры, настройках камеры в момент

съёмки, и подобной малополезной чепухе. Хакерская прога позволяет вытащить из видеозаписи серийный номер видеокамеры. Разве сыщику нужно для счастья что-то ещё?

Хакерская примочка управилась за пять минут. Прога выдала серийник настолько знакомый, что я засомневался в надёжности своей памяти.

Файлы, что я скачал с трубок тарантин в парке, я сложил в заначку ещё до того, как забросил копии в сеть. Все три файла лежали на диске, дожидаясь своей очереди. Дождались. Жаль, я не пометил, какой файл с мобильного какого тарантины я тогда в парке скачал.

Я прогнал три файла из заначки через хакерскую прогу. Получил три серийника. Третий узнал с первого взгляда, даже не вчитываясь в каждую цифру. Серийник камеры, на которой снимали битъё очкарика в подъезде, совпал с серийником камеры одного из тарантин.

С минуту я грыз локти. Надо ж было так сглупить! Почему не пометил, с чьей трубки скачал какой ролик? Облегчил бы задачу на порядок.

За окном темнело. Самое время.

Я выплюнул локти, вытолкнул себя на улицу.

*

*

В парке Петровского, у центрального входа, примостился кабак “Маслинка”. В ста метрах от кабака – глухой угол парка, заросший кустами, где тарантины пинали очкарика, за-

тем я успокаивал тарантин, а чуть позже блюстителю уложил мордой в пыль меня.

Возле входа в кабак – летняя площадка на шесть столов и двадцать четыре стула. Все места заняты, обе дюжины отдыхающих накачаны пивом, окрестные кусты смердят пивной отработкой.

По версии тарантин, очкарик слепил несчастных лазерной указкой из-за окрестных вонючих кустов. В зале суда такая отмазка звучала бы правдоподобно. Смотайся судья к кабаку, понюхай ту вонищу, и ни за что не поверит, что человек в здравом уме залезет в обгаженные кусты лишь ради того, чтобы слепить кого-то лазерной указкой.

Я прошёл по центральной дорожке летней площадки к дверям кабака. Охранник, что закуривал на крыльце у входа, просканировал меня от мокасин до горловины футболки, включил фейс-контроль, влез через зрачки в самую душу, констатировал отсутствие алкоголя в крови, кивком разрешил войти.

В полутёмном зале кондиционер охлаждал сигаретный дым вперемишку с парами водки и пива, из колонок вполголоса громкости хрипел блатняк, над барменом на метровом плазменном экране не в такт блатняку извивались полуголые бедристые негритянки.

Забитый зал единым движением повернул головы ко мне. У кого получилось, тот сфокусировал взгляд на моём лице, остальные вернулись к созерцанию рюмок, стаканов и пья-

ных соседей.

Знакомого во мне признала только одна пара глаз. Через мгновение вторая пара глаз проследила за тем, куда смотрит первая, навела резкость на моём силуэте.

Ромка – самый толстый тарантин и сынуля депутата Маслины – взглядом сверлил во мне дырки почище перфоратора. Смазливая худенькая мартышка, что сидела у Ромки на коленях, переводила взгляд с ромкиной злой морды на мою ангельскую улыбку. Ромкину злобу и мою улыбку мартышкин разум состыковать не мог, отчего лицо девчонки выглядело придурковатым.

Когда я подошёл, Ромка напыжился. Я сел за столик, убрал улыбку.

– Юноша, вы теперь на улице не сидите?

– Там придурошные очкарики спят из-за кустов лазерными указками.

– Вы говорите о тех кустах, что вокруг вашей летней площадки?

– Именно. Мы тогда сидели на улице.

– Неужели сын самого Маслины отдыхает возле общего горшка? Там же вонище – смерть! Насчёт очкарика с указкой вы переборщили, ведь в тех кустах от вонищи угоришь.

– Он угорел? Нет. Значит, тогда не воняло. Хотите – верьте, хотите – нет. Он слепил нас три дня, и точка!

Ромка открыл бутылку пива, присосался на треть литра, оставил пустую тару, закончил отрыжкой.

– Первые два дня мы просто кидали в кусты камни. А потом он нас достал.

Мартышка, что сидела на ромкиных коленях, скользнула по мне взглядом в стиле “валил бы ты отсюда, а не то нарвёшься”.

Я запустил на мобильнике видео, где очкарика рихтуют в подъезде, протянул трубку Ромке.

– Взгляните. Кино знакомо?

Ромка бросил на экран мобильника беглый взгляд, заёрзал на стуле. Затем шепнул на ухо подружке, чтобы уматывала. Шепнул так, что услышал я и ещё пара столиков. Мартышка умотала без слов. Ромка провёл её взглядом, посмотрел на меня.

– Ваше кино я вижу впервые. Ни я, ни мои друзья к очкарику не прикасались. Так что он может слепить нас лазерными указками, а мы будем только отворачиваться.

– Опять указки?

– Это правда.

– Я знаю, что свежими синяками очкарик обязан вашей троице. Кто-то из вас – или все трое – был там, в подъезде, и записал вечеринку на камеру мобильника.

– После того, что вы с нами сделали в парке, мы полезли бить этого доходягу?! Мы идиоты?

– Да. Иначе зачем записывать, как били очкарика?

– Зачем кому-то из нас торчать в каком-то подъезде, и снимать на трубку какую-то драку? Зачем нам светиться?

– Значит, вы дали свою трубку тем, кого наняли.

– Зачем нам давать свою мобилку? Мы могли бы заказать, чтобы нам сняли видео на трубку тех, кого мы наняли, разве не так?

Я указал взглядом на мобильник Ромки. Сказал, что в трубке Ромки не просто камера, а суперкамера. Снимает без помех, в высоком разрешении. Такой камерой можно снять лицо очкарика с чёткостью до прыщика, держа в кадре драку целиком.

Таких крутых мобильников во всём Андрееве раз, два, и обчёлся. У тех, кому тарантины заказали съёмки, наверняка трубки простые, с таким качеством видео, что на записи не отличишь слона от дирижабля. А тут надо снимать не улитку, а драку, где движения быстрые. Для таких съёмок нужна камера такого же высокого качества, как в архидорогом мобильнике Ромки.

Ромка икнул.

– Нас там не было!

– Это вы скажете на очной ставке.

– На вашей записи те, кто бил очкарика, в масках. Как он кого-то узнает?

– По фигуре, по голосу, по дыханию, по сопению, по... У милиции способов опознания миллион.

Ромка выпятил грудь.

– У нас есть и алиби, и свидетели! Мы были на речке, на шашлыках. Знаете, где село Щучье? Не близко, а? Каждую

субботу мы втроём ездим туда на природу, на бережок, покушать шашлычка и водочки, покормить комариков. В эту субботу ездили тоже, как обычно. После обеда купили мясо, и уехали.

– Купили мясо, и сразу уехали? Мясо не маринуете?

– Жарим с кровью. Это полезно. Будет хороший гемоглобин.

– Хорошо, в субботу вы уехали. Когда вернулись?

– В воскресенье утром к нам приехали девочки, и гуляли с нами до вечера. Приехали в город все вместе только к девяти-десяти.

– Как вы узнали, что очкарика побили вчера, а не в субботу, когда у вас алиби нет? Насколько я понял, на шашлыках в субботу вас только трое, без дам. На когда стряпать себе алиби, вы знали. Свидетели вам нужны именно на воскресный вечер, когда очкарика побили трое в масках. На этот момент у вас алиби железное, не сомневаюсь. Значит, остаётся вариант найма гопников. Вы дали им свою мобилку.

– Я ничего никому не давал.

– Трубка одного из вас оставила в том файле, что я вам показывал, свои данные, включая модель, время съёмки и даже серийный номер камеры.

Ромка замер.

Следующие пять минут я разжёвывал Ромке, что как ни крути, а ролик снят на мобильник кого-то из тарантин. Кто-то из тарантин в подъезде у очкарика был, и тогда двое дру-

гих ему делают левое алиби. Либо кто-то из тарантин дал свою трубку тому, кто бил очкарика, чтобы снять радостный момент на память.

Из файла с записью эксперты узнают серийник камеры, свяжут с серийником трубки. Если документов на замену камеры в мобильнике нет...

К примеру, избиеение очкарика в подъезде снимали на мобильник Ромки. Следователь спросит, какой серийник у Ромкиной трубки. Ромка скажет. Затем следователь спросит, как у напавших на очкарика оказался мобильник Ромки. Ромка расскажет.

Если Ромка скажет, что трубку у него украли, следователь сходит к оператору, получит распечатку номеров, с которых звонили на мобильник Ромки последние пару суток. Обзвонит всех ромкиных собеседников, и найдёт хотя бы одного, звонившего Ромке после того, как трубку у Ромки украли, и разговаривал, как ни странно, с Ромкой, а не с похитителем мобильника.

К этому способу проверки можно добавить ещё как минимум парочку.

Если Ромка с друзьями потеряют трубки прямо сейчас, то у меня останутся файлы записей из парка и файл из подъезда очкарика. Серийники камер совпадают. Даже не надо доказательств. Хватит и подозрений. Тарантиновым папам-депутатам это не понравится. А уж как не понравятся мэру записи в моём блоге!

Ромка встал.

– Припекло в туалет. Пару минут подождёте?

– Спросите у того, кому собираетесь звонить, на какую сумму он готов раскошелиться в фонд помощи потерпевшим от нападений в подъездах.

Роман сделал вид, что я и рта не разевал. Явился через пять минут с полной бутылкой ячменной шипучки. Сел, фыркнул, отхлебнул пива, посмотрел на меня как вегетарианец на сосиску.

– Некто хочет передать пострадавшему энную сумму денег в обмен на ваше молчание.

– Похвально.

– Тысяча долларов ему понравится?

– Вопрос не ко мне.

– Задать такой вопрос пострадавшему сможете?

– За зелёный полтинник смогу.

Ромка раскрыл портмоне, выудил из пачки зелёных бумажек полтинник, протянул мне.

– Держите. Когда ждать ответ?

– Скоро.

Когда я вышел из кабака, охранник прошёлся по мне колючим взглядом. Ещё бы! Ведь я шёл ровно, выглядел трезвым. Другими словами, смотрелся как антиреклама кабака. Не клиент, а наглядный пример упущенной для заведения прибыли.

Мимо вонючих кустов я проскочил без единого вдоха. От-

дышался через минуту. Прошёлся по парку, пропитал лёгкие кислородом впрок, ведь меня ждали ещё с десятков задержек дыхания.

*

*

Пара сотен шагов по улицам редких фонарей – и я постучал в дверь Михалыча.

Час поздний, глазка на двери нет, в подъезде темень такая, что белую кошку едва разглядел, чуть не наступил на хвост.

Думал, не откроют. Ошибся. Дверь отворилась. Михалыч в изорванных тапках на босу ногу отступил назад, жестом предложил войти. Грибок от Михалыча не отлучался, потому я прежде, чем перешагнуть порог, перевёл нос в режим потерянного нюха.

Я кивнул в сторону комнаты.

– Толик дома?

– Теперь по вечерам он дома всегда. А сейчас уже почти ночь.

Михалыч провёл меня в комнату. Тапочки не предложил, я не напомнил.

Толик сидел за компом, мочил монстров новейшим плазмоплюем. Сквозь толстые наушники прорывался грохот стрельбы. Я представил, как гремело у Толика в ушах, поморщился.

Михалыч тронул сына за плечо. Толик поставил игру на паузу, поднял на отца нелюбящий взгляд. Я уловил в об-

лике очкарика немой вопрос: “Когда же это закончится?!”. Вспышку негодования я списал на синдром геймера, оторванного от игры.

В следующий момент Толик краем глаза заметил меня, улыбнулся, кивнул, снял наушники.

– Вы? Так поздно?

Я присел рядом с Толиком.

– Во сколько оценишь свои синяки?

Михалыч вышел из комнаты, загремел на кухне чайником, чашками и блюдами.

Я вздохнул от облегчения, ведь Михалыч унёс грибок на кухню. Толик заметил моё предынфарктное состояние, улыбнулся.

– Окно открыть?

– Выживу. Во сколько оценишь свои синяки?

– Вы шутите? Кто их купит?

– Тарантины. Любители снимать тупое кровавое кино на мобильники.

– Вы про этих уродов... Они давно не любители, скорее уже профи. У них это хобби со школы. Они ещё тогда любили снимать свои идиотские клипы.

– Так ты тарантин знаешь давно?

– Ну, знаю – это сказано громко. Учился с ними в одной школе. Этих придурков знала вся школа.

– Разве детки депутатов учились в простой школе? Разве не в частной?

– Представьте себе. Все трое.

– Выбирай: новое дело на тарантин, или отступные. У меня есть инфа, которая доказывает причастность тарантин к твоим новым синякам.

– У нас было море инфы про парк, и что? Выкрутились, скоты. Отмажутся и сейчас.

– Сейчас тарантины не хотят, чтобы было, от чего отмазываться. Им лишний шум не нужен. Папы нашлёпают по попке, краник с бонусами прикрутят. За сколько ты согласен зализывать синяки молча?

Толик улыбнулся.

– За миллион.

– Будь реалистом. Оцени ущерб и назови сумму. Тарантины предложили тысячу. Советую сумму удвоить и помнить о том, что фраера сгубила жадность.

Толик хмыкнул.

– Согласен. Две. Но не меньше.

Толик замялся.

– Хотел вас спросить... Что это за инфа, которой вы их испугали?

Я на пальцах объяснил Толику суть колдовства с серийниками камер в тарантиновых мобильниках.

Затем Толик попросил рассказать алиби тарантин. Я в двух словах рассказал про Щучье, шашлык с кровью на речном берегу, и миллион свидетелей.

Толик потёр лоб.

– Так я вам ничего не должен? Прикольно! Р-раз – и бабки в кармане!

– Ага, а перед этим – кроссовками по носу. Прикольно. Кстати, тарантины твердят о какой-то лазерной указке. Мол, за то, что ты их слепил...

– Врут. Мне следователь тоже хотел это приклеить. Со всем с ума сошли. Я идиот? Нечего мне больше делать, как из кустов слепить пьяных дураков? Или я не понимал, что мне могли по пьяне голову пробить, и даже не заметить? Наверное, адвокаты понапридумывали. Уцепиться не за что, вот и родили указку.

В комнату вошёл Михалыч с чаем и грибочком.

Чаю я отхлебнул с удовольствием, а грибочок хозяин мог бы оставить и на кухне.

Михалыч положил передо мной на стол конверт.

– Мне на кухне слышно всё. Тех, кто Толика вчера побил, вы таки нашли?

– Исполнителей не нашёл, только заказчиков. Но искать их не пришлось. Прыгали перед носом. Так что конверт заберите. Вашу премию я не заработал.

Михалыч поскрёб ногтями ступню. Я, конечно, слышал, что грибочок зудит, но разве его чешут той же рукой, которой подают гостям чай?

Толик мой лёгкий шок заметил, улыбнулся. Михалыч закончил скрести ногу аккуратно к тому моменту, когда я пришёл в себя и шагнул в коридор.

Когда Михалыч за мной запер, глаза залепила подъездная темень. Чтобы не придавить ненароком белой кошке хвост, включил фонарик. Вместо кошки от меня шарахнулась крыса размером чуть меньше литровой банки.

В столь запущенном подъезде каждая лестничная площадка – рай для любителя бить по башке из темного угла. Даже не надо надевать маску. Налётчик уйдёт неузнанным. Как очкарик собирался возвращаться домой после той поздней прогулки в парке, если бы тарантины его не побили? Фонарика я у Толика в парке не видел.

Я начал перепрыгивать через три ступеньки, когда представил, как бы мне в подъезде очкарика треснули по голове, как бы я в отключке валялся в пыли, а по мне ползала та жирная крыса.

Две сотни шагов по остывшему асфальту, сто метров по парку, задержка дыхания возле вонючих кустов, кивок охранника – и я вернулся к Ромке. Надо ковать железо, пока волка ноги кормят.

*

*

Тарантина Ромка меня не ждал. Ромкины дружки меня не ждали ещё больше, чем Ромка и та мартышка, что сидела у Ромки на коленях, вместе взятые.

Малолетки в наноюбках, оседлавшие ромкиных дружков, перехватили взгляд-приказ ромкиной мартышки, с фырканием слезли со спонсоров. Мартышка увела подружек к бар-

ной стойке. Дамы удалились, чтоб мужской разговор не слышать.

Ромкины дружки-тарантины для приличия поковырялись во мне презрительными взглядами, поднялись с чувством папиного достоинства, отвалили к подружкам. После нашего общения в парке желание со мной говорить осталось только у Ромки.

– Какой вы быстрый! Я вас ждал завтра-послезавтра. Неужели управились?

– С вас две штуки, или он пишет заяву.

– Тысяча – это предел.

– Как знаете, юноша. Я свою задачу выполнил. Платить или нет, и сколько – решать вам. Я иду спать.

– Подождите. Я посоветуюсь с друзьями.

Ромка вытащил брюхо из-под стола, подошёл к барной стойке, созвал товарищей по несчастью. После первых слов Ромки дружки-тарантины взглядами превратили меня в перфокарту. Я улыбнулся. Тарантины отвернулись.

Ромка уламывал дружков три вечности подряд. Я чуть не заснул.

Ромка принёс вердикт коллегiumsа с самой чёрной траурной миной, которую только видел свет.

– Мы согласны. Сколько возьмёте за доставку денег пострадавшему?

– Сотню.

– Так мало?

- Сто баксов.
- Так много?!
- Спокойной ночи!
- Пойдите!

Ромка порылся в портмоне, выудил купюру, протянул мне.

- Держите свою сотню.

Я сунул хрустик в карман футболки. Ромка отчитал двадцать сотен отступных, протянул мне. Краем глаза я засёк жадный взгляд ромкиной мартышки, прикованный к пачке денег. Я сунул деньги в задний карман.

Ромка приподнял бровь.

- Потерять не боитесь? Вдруг выпадут?
- Разве что помогут ваши дружки.
- Я в такие игры не шулерю. Мои вас не тронут.

Я хмыкнул. Ромка замялся.

- Эээ... Что вы сделаете с вашей информацией?

– Оставлю на память.

– Так не честно. Мы же договаривались...

– У вас стиратель памяти есть? Я обещал молчать, а не забыть. Но если вы ещё раз очкарика стукнете, я сообщу о нашей сделке куда надо. Не нравится? Забирайте деньги, и разбежимся.

Спокойной ночи Ромка мне не пожелал.

Когда возвращался домой, в самом тёмном месте парка – подальше от чужих глаз – я переложил тарантиновы отступ-

ные в передний карман. В задний вставил наискосок лезвие опасной бритвы.

Всю дорогу домой я краем глаза видел позади себя тень. Мои движения тень не повторяла. Отбрасывал тень мой попутчик. Следил за мной от ромкиного кабака. В детстве мой спутник в прятки не играл, иначе бы крался по тёмным углам, а не вышагивал по пятнам лунного света на асфальте.

*

*

За полсотни метров до дома я взял курс на свой подъезд, чем дал попутчику понять, где живу. Чтобы спутник усёк: время пришло, можно и опоздать. У подъезда я замедлил шаг, сделал вид, что прихрамываю. Через несколько шагов остановился, снял мокасин: мол, вытряхиваю камешек.

Три секунды спустя мне в поясницу упёрлась острая железка. Я поднял руки. Когда попутчик раскрыл рот, меня окутало облако пивной отрыжки.

– Гони бабки!

– Откуда, командир?

– Закрой рот, и давай бабло!

– Руки опустить можно? Если нет, то поройся в задних карманах. Там валяется какая-то мелочь.

Попутчик сунул пальцы в мой карман, напоролся на бритву, ойкнул.

Когда человек режет о бритву кончики пальцев, то забывает всё на свете. Помнит только дикую боль в распоротых

пучках.

Я развернулся, включил фонарик, осветил ночного напададу. Налётчик от болевого шока не понимал, что творит. Бедняга отбросил нож, здоровой рукой стиснул распоротый палец в попытке задушить фонтанчик крови, что вырывалась из пучки.

Бойцу бы сунуть ноги в руки да уматывать, ан нет, стоял, стонал, кривился от боли. Соображалка отключилась.

Я надел мокасин, врезал попутчику пяткой чуть выше колена. Нападала приземлился на копчик, взвыл, выставил перед собой руки.

– Не бей!

– Ты чьё? Ромкино?

– Нет. У меня кровь идёт сильно.

– Отлично. Значит, скоро склеишь ласты. Сними шнурок, перетяни палец.

Я поднял нож, подал напададе.

– Режь шнурок. Пока ты его развяжешь...

Я подсветил фонариком, чтобы попутчик отрезал кусок шнурка, а не полкроссовка. Нападала обмотал шнурком палец. Кровь остановилась. Я присел на бордюр напротив собеседника.

– Откуда ты взялся?

– Увидел, как Ромка дал тебе деньги, ну и пошёл за тобой. Вдруг ты их уронишь? Ментам меня не сдавай, а? Я и так уже наказан. Видишь, чуть полпальца не отрезал!

– Чаше суй грабли в чужие карманы, так ещё и полбашки отобьют.

Напададала опустил голову.

– Ты меня отпустишь?

– Нет, отнесу домой и накормлю колбаской.

– Ромке не говори, а? Он меня убьёт.

– Правильно сделает.

Я поднялся с бордюра, отряхнул брюки.

– Лети, орёл.

– Ромке не скажешь?

– Нет.

– Спасибо, брат.

– Упаси бог от такой родни. Иди.

Напададала стартанул с пробуксовкой. Я двинул домой. Когда зашёл в подъезд, оглянулся. Пятки попутчика мелькали в конце квартала.

*

*

Дома я бросил запачканные кровью брюки в стиралку, включил быструю стирку.

Пока машина трудилась, заглянул на свой блог. Ссылка на видео, снятое в подъезде очкарика, вела в никуда. Значит, тарантины из общего доступа файл убрали. Поздно. Надо было не выкладывать. Файл скопировали тысячи юзеров. Попадись среди сотни хоть один ушлый умелец выковыривать из видео серийники камер, и тарантины от наплыва шанта-

жистов забодаются отбиваться.

Наутро я занёс отступные тарантин очкарику Толику. Радости семейства не было предела.

Всю неделю я искал пропавших болонок, следил за неверными жёнами, угрожал мордобоем мужьям-алкашам – в общем, зарабатывал деньги.

В воскресенье после обеда позвонил Михалыч, попросился в гости. Всё, что я понял из сбивчивого рассказа прежде, чем Михалыч повесил трубку – очкарик исчез.

*

*

Михалыч не пришёл – приполз. Мало того, что все силы у мужика сожрал рак, так ещё жарыща всю неделю стояла такая, что и у здоровых сердечко пошаливало.

В кресле Михалыч отдышался, прокашлялся.

– Мой Толик пропал. Вчера после обеда вышел из дому пройтись, и не вернулся до сих пор. Уже сутки.

– В милицию заявили?

– Конечно. Утром. Там сначала сказали, что должно пройти три дня, а уж потом можно подавать заявление. Я сказал, кто мой сын, кто Толику сломал ребро, и кого подозреваю в похищении. В общем, я там поорал, душу отвёл.

– Вы поорали?

Михалыч усмехнулся.

– Вы не смотрите, что я еле ползаю и говорю почти шёпотом. Когда надо, могу и поднатужиться. Но, если честно, ме-

ня после того, как я там покричал, минут пять откачивали. Чуть не задохнулся. Может, оно и к лучшему, ведь мне сразу приставили следователя. Я ему всё рассказал, он записал. Сказал, будут искать.

– Вот и хорошо. Другим так не везёт.

– Ян, я хочу, чтобы Толика искали вы. Милиция и не почешется.

– Давайте я принесу чаю. Зелёный пьёте?

– А чёрный есть?

Я кивнул, не вышел – выбежал из комнаты.

На кухню я удрал не столько за чаем, сколько за свежим воздухом. Ноги Михалыча смердели как труп, что три дня вялился на солнце.

Пока чайник закипал, я придумывал, как бы поделикатнее отказать от предложения Михалыча. Уж больно мне не понравилось, как очкарик исчез: в субботу, когда тарантины по традиции кушают водку с шашлыком под Щучьим, чёрт знает как далеко за городом. Пахло не просто жареным – угольками.

Я разлил по чашкам кипяток, опустил в воду пакетики. Пока нёс напиток богов из кухни в комнату, мелькнула гениальная мысль: а не предложить ли гостю абсолютно чистые новые мусорные мешки, чтоб надел, как белые тапочки в операционной? Да чтоб укутал ноги как следует, ведь он хочет разговаривать с частным сыщиком, а не с задыхающимся полутрупом.

Я принёс чай. Михалыч поднял на меня вопросительный взгляд.

– Ну, как? Вы подумали?

– Я не возьмусь.

– Посмотрите, кому отказываете. Я ведь почти умер. Считайте мою просьбу предсмертной. В таких случаях не отказывают, верно?

Я кивнул. Затем объяснил, почему я таки отказываю.

Толик исчез после того, как я из-за Толика дважды мокнул тарантинские морды в дерьмо. Значит, в списке подозреваемых тарантины стоят первыми. Если в списке есть вообще кто-нибудь кроме тарантин.

Толик умудрился разозлить не кого-нибудь, а депутатских сынков. У пап-депутатов большие деньги и огромные возможности.

В первую очередь я пойду к тарантинам. Папашам-депутатам моя наглость не понравится. Все следователи получают приказ из мэрии ловить меня на каждой мелочи, лишь бы к тарантинам не подпускать. Вот здесь начнутся мои проблемы.

Михалыч выслушал меня с предельным вниманием, отхлебнул чаю, рассмотрел пуговицу на моей рубашке, кивнул.

– Понятно. Проблемы начаться могут, это точно. Почему вы уверены, что Толика украли тарантины?

– Других орлов на примете нет. Кроме тарантин, у Толика были проблемы с кем-то ещё?

– Не знаю. Не думаю.

– Если Толика украли тарантины, то они самые тупые тарантины из всех тарантин на свете.

– Даже так?

– Сегодня воскресенье. Значит, вчера детки депутатов уехали на шашлык, под Щучье. Девочки к ним приехали только сегодня утром. Алиби на вчерашний день у тарантин нет.

– Вот и отлично! Возьмём их за задницу!

– Неужели тарантины такие недалёкие? Сначала сказали о субботних шашлыках мне, и в следующую субботу крадут вашего Толика? Ведь понимают, что к ним я пойду первым.

– Раз они дети депутатов, то тупыми быть не могут?

– Не до такой же степени! Кстати, к тарантинам, кроме меня, пойдёт ещё и следователь. У него к сынкам депутатским должна быть куча вопросов. Если ему разрешат эти вопросы задать.

– Как это? Он же следователь!

– Забыли, как замялось дело с дракой в парке?

– То – простая драка. А это – похищение.

Я открыл Михалычу секретную истину: “Важно не преступление, а кто его совершил”. Подозрения падают не на кого-нибудь, а на детей депутатов, а это бьёт по репутации всей мэрии разом. Мэр поставит прокуратуру на уши. Что будут искать? Правильно, улики. Но какие?

Будут искать доказательства тарантиновой непричастно-

сти. Другими словами, депутатских сынков будут отмазывать. И кто! Не адвокаты, а следователи! Тут шансов найти Толика – огромный жирный ноль.

Михалыч задумался. Я отхлебнул чаю. Михалыч взъерошил волосы.

– Что же делать-то, а?

– Добью вас сразу, чтоб не мучить. Как зовут вашего следователя? Вам прикрепили не Крысько? Если его, то ставьте на поисках крест.

Михалыч отмахнулся.

– Фамилию не помню. Какая-то восточная. И он сам какой-то восточный. Имя запомнил потому, что короткое. Юсуп. Нерусский, точно. И мне показалось, что толку от него будет мало. Мужичок он никакой.

Я улыбнулся.

– Юсуп вашего сына достанет из-под земли.

Михалыч посмотрел на меня как на придурка.

– А как же мэр?

– Юсупу на мэра наплевать. В открытую против мэра не пойдёт, но искать оправдания депутатским недоноскам не станет.

– Значит, Юсуп моего Толика найдёт?

– Если не сможет сам, помогу я.

– Сколько с меня?

– Нисколько. У меня с Юсупом нечто вроде дружбы. Я помогаю ему, он – мне. У вашего Толика мобильник есть?

– Конечно. Пишите номер. Заодно дам вам и мой.

Михалыч продиктовал номера, я записал. Михалыч поёрзал в кресле.

– Эээ... Зачем вам номер? Он не отвечает. Трубка отключена, наверное.

– Родню обзвонили? Может, Толик отправился в гости, а вам сказать забыл?

Михалыч родню обзвонил. Толик родных не посещал. Михалыч даже позвонил матери Толика. К ней бы Толик не пошёл, но всяко бывает. Почему к ней бы не пошёл? Она алкашка. Спилась. Как начала пить, так Михалыч её и выгнал. Затем развёлся, квартиру разменяли.

Михалыч уверен, что душевной травмой для нежной детской психики отлучение ребёнка от матери не стало. Толику тогда было всего три годика. Толик бы свою мать и не знал, если бы эта ханыжка за сыном не бегала. То к школе подойдёт, то во двор, когда Толик играл с детьми. Выпрашивала у Толика те деньги, что Михалыч давал сыну в школу на обед.

Михалыч на двести восемь процентов уверен, что Толик у матери не появлялся. Михалыч и позвонил-то ей только для очистки совести. Толик как подросток, так всё и понял. Нормально воспитанный сын нормального отца с мамашей-алкашкой общаться не станет.

В конце монолога Михалыч передал слово мне. Я отказываться не стал.

– Где Толик учится?

– В железнодорожном. Там у них есть факультет журналистики. Первый курс. Группа сто семь.

– У меня вопросы закончились.

Гость выбрался из кресла, протянул мне руку, с минуту тряс мою. Задержи меня Михалыч рядом с собой ещё секунд пять, и мой нос свернулся бы в трубочку.

Когда Михалыч ушёл, я распахнул окна, включил вентилятор на полную, чтобы выветрить из квартиры грибковые ароматы. Эффект наступил через час, за пять минут до моего выхода. Раньше я выйти из дому не мог, потому как боялся, что в запертой квартире штукатурка провоняется до бетона.

Перед выходом я полчаса пытался дозвониться до знакомого. Мобильный номер отвечать отказался, пришлось звонить знакомому на работу.

На тридцать первой минуте наборов номера и коротких сигналов мне сообщили, что мой знакомый уволился неделю назад, и уехал. Куда, моей собеседнице не докладывали.

Знакомый работал на станции того оператора, за которым числился номер Толика. За копейку знакомый записывал разговоры нужных мне абонентов, следил за передвижением трубок по городу. Знакомый уволился, координат не оставил. Как теперь проследить за мобильником Толика?

*

*

Машину я припарковал в квартале от здания операто-

ра. Люблю ходить пешком, и не перевариваю любопытных охранников вместе с телекамерами над стоянками.

В служебное помещение я прошёл, как к себе домой. Показал охраннику удостоверение областного менеджера сети. Боец чуть не откозырял. Корочку менеджера отсканировал тот мой знакомый, что уволился, а меня о своём увольнении не предупредил. Мне осталось только распечатать скан, и тыкать его в нос раздолбаям-охранникам. Когда-нибудь попадусь, а пока тычу ксивы направо и налево. У меня этих удостоверений...

В кресле моего знакомого спиной ко входу сидела девушка в наушниках. Щёлкала мышкой, слушала музыку. Заметила моё отражение в мониторе, развернулась вместе со стулом, взглядом спросила, чего надо, сняла наушники.

Я прислонился спиной к двери, улыбнулся.

– Я вам звонил полчаса назад и...

– И выспрашивали, куда уехал хозяин этого кабинета. Я ваш голос узнала. Кто вы такой и как сюда прошли?

– Частный сыщик. Прошёл ногами.

– А охрана? Таким как вы сюда вход запрещён.

Телефонистка потянулась к трубке внутреннего телефона.

– Я попрошу охранника, чтобы он показал вам дорогу обратно. А то ещё заблудитесь.

– А вдруг я принёс деньги?

– Сколько и за что?

Телефонистка оставила трубку в покое, сложила холёные

руки на груди. Да не просто сложила, а с намёком, так, чтобы я видел её колечки. Хрупкие пальчики закованы в золото да платину, причём золото сплошь в камнях, да не в фианитах, а в лучистых бриликах.

Откуда такие финансы у рядовой телефонистки? Был бы богатый муж или папуля, могла бы запросить местечко по-теплее, а не торчать на нудной работе, причём посменной. Остаётся то, чем подрабатывают многие телефонисты. Сли-вает инфу. Кому?

Я протянул бумажку с номером очкарика Толика.

– Мне нужен полный отчёт по этой трубке. Вы понимаете, о чём я говорю?

– Нет.

Я убрал бумажку в карман, пожал плечами.

– Значит, деньги я принёс не вам.

– Почему же? Деньги могу взять и я.

Телефонистка поправила на пальчике колечко. У меня б такой кусок золота своей тяжестью растянул сустав, а моей собеседнице хоть бы хны.

Девушка перевела взгляд с колечка на меня.

– Оставьте мне тысячу. И так каждый месяц.

– Так мало?

– Долларов.

– Простите, я зашёл не в тот магазин. Здесь ценники рисо-вал ребёнок. Они обожают малевать нолики.

– Где выход, знаете?

– Найду. Не беспокойтесь. Что, если я расскажу о вашем поведении руководству компании?

– За те копейки, что мне платят, я уволюсь сама.

– Как тогда будете подслушивать чужие разговоры за большие деньги?

Телефонистка отвернулась, сделала моему отражению в мониторе ручкой. Бедные пальчики! Сквозь золото-платину света белого не видят.

В холле над выходом часы показывали пять вечера. До конца смены девушки в наушниках оставался час.

Я вернулся в машину. Через пятьдесят пять минут я подъехал к зданию оператора так, чтобы мою машину камеры наблюдения не видели, а я чтоб видел ступеньки, по которым должна сбежать деловая телефонистка через минуту после шести.

К пятой минуте седьмого из здания вышли все кроме девушки с наушниками. Я уж было заволновался, не надорвалась ли моя собеседница от непомерной тяжести на пальчиках, как рядом с выходом из здания оператора распахнулись ворота, и из внутреннего дворика выкатилась маленькая немецкая машинка с широченными ноздрями на радиаторе.

Я бы пропустил машинку мимо, если б не разглядел за лобовым стеклом знакомый профиль.

Машинка направилась в мою сторону. Я прикрыл лицо пятернёй: мол, чешу ухо. Когда машинка проехала мимо, я

увидел на руле холёную ручку, закованную в золотоплатиновый панцирь из колечек.

Я дал немецкой машинке отъехать полквартила, покатил следом.

Через пять минут телефонистка причалила к столикам, разбросанным по летней площадке возле бара. Я прокатился на полсотни метров дальше.

Перед тем, как покинуть машину, я сменил белую футболку на чёрную, натянул на нос шляпу-челентанку, глаза и пол-лица прикрыл челентанскими же очками-каплями. Брюки менять не стал, ибо слепить прохожих красными семейными трусами в цветочек счёл лишним.

Пока я топал к бару, к летней площадке подкатил джип мэра. Я мог бы спутать джип мэра с любым другим, если бы не скромный госномер в виде нулей и единицы. Надо быть склеротиком-рецидивистом, чтобы такой сложный номер не запомнить.

Из джипа вышел водила мэра, подошёл к столику, где сидела телефонистка. Целовать даму в щёчку водила не стал. Сел напротив, на столик перед собой положил мобильник.

Я прошёл площадку со столиками насквозь, вошёл в бар. Остановился у барной стойки так, чтобы видеть мою парочку, заказал чай. Официант переспросил дважды, ведь после шести обычно заказывают сотку, а я брякнул какую-то глупость.

На поданный чай я не смотрел. Меня интересовал столик

на летней площадке. Там мои подопечные делали вид, будто говорят ни о чём, а у самих лица словно сотня взведённых пружин под кожаными масками – настолько напряжены.

Через минуту болтовни водила мэра и телефонистка положили свои телефоны рядом. Перед тем, как отнять от трубок руки, поклацали клавишами. Включили приём-передачу файлов по блютусу, ясно и дураку. Девочка сливает мэру инфу в прямом смысле слова.

Что делать? Как узнать, какой файл так интересен мэру, что он среди бела дня посылает за ним шофёра на служебной машине?

К бару подкатил мотороллер. Хороший, не китайский. С хозяином мотороллеру не повезло: здоровенный мужик в грязном комбезе оставил мотор включённым, поспешил в бар. Или наивный и в воров не верил, или чересчур надеялся на свой грозный вид: мол, попробуй укради мой дырчик – и я тебе снесу башку.

Хозяин мотороллера подошёл к барной стойке, кинул бармену мелочь, приказал подать пачку сигарет, да побыстрее.

Я решил, что такой шанс упускать – грех, за какой буду наказан.

Я рванул к выходу из летней площадки, по пути схватил со столика, где сидели водила мэра и телефонистка, две мобилки, прыгнул на мотороллер, крутанул ручку газа до упора.

Хозяин мотороллера оказался притким до немогу. Не

успел я проехать и полквартала, а толстяк уже выбежал из бара. Не знаю, что здоровенный мужик кричал мне вслед, – зеркало заднего вида звуки не передаёт, – но руками махал как огородное пугало. Будет знать, как оставлять тачку с ключом в замке.

Я завернул за угол, проехал квартал, оглянулся. Погони не заметил. Я остановился, рассмотрел трофеи.

Файл, что сливала трубка телефонистки на трубку водилы мэра, оказался жирным. За время моих удираловок перекачаться не успел. Оставалось ещё пять процентов.

Дождаться, пока перекачка закончится, я не стал. Трубки выключил, батареи отстегнул, ведь владельцы через оператора могли отследить, где трубки. А там, где трубки – там и я. Высылайте наряд милиции. Ловите придурка.

Я рассовал трубки и батарейки по карманам, направил мотороллер к бару. Не доехал полквартала, остановился.

Джип мэра скрывался за поворотом, телефонистка глядела джипу вслед. Хозяин мотороллера стоял возле бара, всё ещё размахивал руками.

Я посигналил. Мужик меня увидел, помчался навстречу.

В ста метрах – супермаркет с одним входом и тремя выходами. Я подъехал почти к дверям, убедился, что хозяин мотороллера бежит сзади и видит, где я оставил железного коня.

Когда мужик – весь в мыле – подбежал к двухколёсному другу, я вышел на открытую террасу второго этажа, пере-

гнулся через перила, свистнул. Мужик осматривал мотороллер, матерился. Мой свист мужика интересовал как синхροфазотрон.

Я кинул ключи от мотороллера так, чтобы упали мужику под ноги. Я убрался с террасы раньше, чем мужик поднял голову и рассмотрел меня для протокола.

Через три минуты я прибежал к своей машине, нырнул за руль, завёл мотор. Я газанул так, что мой джипчик от бордюра не отъехал – отпрыгнул. Я переключал передачи в режиме издевательства над машиной. Газ сбрасывал на мгновение, сцепление бросал. Я гнал к бару, где телефонистка после моего налёта вряд ли станет дожидаться, когда ей вернут трубку, но скорее всего выпьет пару капель успокоительно-го крепостью под сорок градусов, сядет в свою маленькую немецкую машинку, и даст по газам.

Так и вышло: едва бар оказался в пределах прямой видимости, я только и успел, что рассмотреть задний мигающий поворотник немецкой машинки, завернувшей за угол. Я поддал газку, ведь своего домашнего адреса телефонистка мне не оставила, а мне очень хотелось узнать, где она живёт.

Нагнать девушку в наушниках я смог лишь на следующем квартале. Близко подъезжать не стал, спрятался за минивэном, что ехал в трёх машинах позади телефонистки.

Через квартал по левую сторону показалась служебная стоянка райотдела. Немецкая машинка с ноздрями в радиаторе даже не притормозила. Телефонистка подавать заявку

на коварного вора в черных очках не собиралась. Значит, на трубке нечто такое, что стражам – если мобилку найдут – знать не обязательно.

Немецкая машинка остановилась возле элитной сталинки. Я прижался к бордюру. Девушка в наушниках запарковала авто, включила сигнализацию, потопала к подъезду. Бодрой походку телефонистки назвать я не смог. На лице особой радости тоже не читалось.

Я выждал пять минут, дал телефонистке войти в квартиру. На шестой минуте я оторвался от бордюра, покатился к парковке, что возле сталинки. Когда поравнялся с немецкой машинкой, бросил под днище петарду с длинным фитилём.

Тридцать метров я ехал в окружении обычного уличного шума. Затем грохнула петарда. Завыли сигнализации. Три машины – маленькая немецкая и два соседних корейца – замигали поворотами.

Я причалил к бордюру, включил орлиное зрение, приготовился засечь шевеление в окнах сталинки.

Хозяева корейцев по очереди выглянули из окон второго этажа, рассмотрели парковку, воров не заметили, сигнализации отключили.

Немецкая машинка продолжала пищать.

Телефонистка показалась в окне на третьем этаже аж через минуту. Что можно делать целых шестьдесят секунд, когда на брелке пищит маячок сигнализации? Слушать в наушниках музыку?

Немецкая машинка заткнулась не раньше, чем телефонистка ощупала взглядом всю парковку вдоль и поперёк.

Окно на третьем этаже, откуда выглядывала девушка в наушниках, я засёк, чтобы вычислить расположение квартиры на лестничной площадке.

Когда телефонистка ушла вглубь комнаты, я отчалил. Пришло время узнать, что же такого интересного сливала мэру бедняга с пальчиками, закованными в золото-платину.

*

*

Я остановился в трёх минутах езды от дома телефонистки, у здания речвокзала.

На стоянке втиснул машину между двумя джипами, спустился к старому причалу, взобрался на палубу заброшенного буксира, с которого по выходным дёргаю приличного бычка.

Толстые стальные борта и переборки судна – надёжные гасители сигнала от мобилки. Оповещать оператора о том, где нахожусь, я не хотел, потому полез в самое сердце буксира, в моторный отсек.

Чтоб не убиться раньше времени, дорогу по трапам вглубь буксира я подсветил фонариком. Когда добрался до разобранного мотора, уложил фонарик между зубьями здоровенной шестерни так, чтобы подсветить руки.

Я достал из карманов украденные мобилки, пристегнул батарейки, включил трубки, ввёл народный пароль в виде

четырёх единиц. Дождался загрузки, убедился, что шкала уровня сигнала на нуле. Ещё бы! У буксира борт – пара сантиметра. Сквозь такую толщу металла сигнал мобилки не пробьется, и будь антенна оператора хоть в метре от буксира, а засечь трубку не сможет. Значит, моё положение на карте города для ищущих останется в секрете.

Я порылся в файлах на розовой мобилке телефонистки. Пацанский чёрного цвета мобильник водилы мэра меня не волновал: что там могло быть интересного кроме порнухи и парочки концертов блатняка?

Первое, на что я наткнулся в мобилке телефонистки – данные владельца трубки. Девушка в наушниках жила в пятом доме на Набережной – там, где я баловался петардой. Дом пять, квартира восемь. Знал бы раньше – не пришлось бы гоняться за немецкой машинкой как в дешёвом боевике.

Я отсортировал файлы в трубке телефонистки по дате создания. Файл, созданный в половине шестого, оказался звуковым, лежал в папке с музыкой и весил больше, чем остальные песенки, вместе взятые.

В том, что найденный файл – именно тот, что не докачался с мобилки телефонистки на мобильник водилы мэра, я убедился, когда прослушал первые минуты записи.

Файл содержал получасовой разговор двух немолодых мужчин. Запись в формате без потери качества, потому файл и весил полтонны, оттого и качался с трубки на трубку полдня.

Один голос я узнал. Андреевский авторитетный бандюк шепелявил так, что разобрать слова мог только тот, кто с ним общался не раз и не два. Я с авторитетом общался раз десять.

На записи бандюк говорил с подельником о бизнесе. Услышь эту беседу прокурор – прыгал бы от счастья до пенсии.

Телефонистка сливала мэру компромат на криминального авторитета. Разве мне для счастья нужно что-то ещё?

После прослушивания записи я понял, почему телефонистка не передала файл по мобильному интернету, а встретила с клиентом лично, как в старых добрых шпионских фильмах. Не дура, понимает, что следы в интернете замести тяжело, а файл слишком опасен для того, кто его сливает. Ведь если пронюхают те, чьи разговоры красотка сливала мэру, то личико телефонистке подпортят в момент. Нынче дефицита серной кислоты и растительного масла не наблюдается, а смешать их и плеснуть адскую смесь в лицо жертве отморозки найдутся.

На всякий пожарный я скачал файл на свой мобильник. Благо, доступ к беспроводной передаче бестолковая владелица мобилки не запаролила. Иначе пришлось бы повозиться.

Перед тем, как покинуть буксир, я отстегнул батарейки от трубок, чтоб мобилки не сообщили оператору, где меня ловить. Напоследок стёр с трубок отпечатки.

Десять минут спустя я подошёл к двери квартиры номер

восемь в пятом доме на Набережной. Расположение квартиры на лестничной площадке совпадало с тем расположением, что я вычислил, когда баловался петардой, чтобы телефонистка выглянула из окна.

После того, как пристегнул к трубкам батарейки, я уложил украденные мобилки на коврик перед дверью, утопил кнопку дверного звонка. Когда из глубины квартиры послышались шаги, я в три прыжка выскочил из подъезда.

Минуту спустя – пока телефонистка поднимала с коврика трубки и закрывала дверь – я запрыгнул в машину.

Джип мэра подлетел к дому телефонистки через четверть часа. Остановился с визгом, с юзом, с дымом резины. Водила огляделся как шпион Её Величества, вошёл в подъезд.

Вышел водила через девять минут с чёрным мобильником в руке. Умотал в том же темпе, в каком и прибыл: в клубах дыма от палёной резины.

На раздумья я дал телефонистке полчаса. Девушка в наушниках из дому не вышла, в милицию на маленькой немецкой машинке не поехала.

Я набрал номер. Шесть гудков спустя динамик мобильника передал чуть дрожащий женский голос.

– Кто это?

– Алло! Это служба прослушки мобилок?

Телефонистка затаила дыхание. Семь секунд молчания закончились вопросом.

– Кто вы?

– Представитель того, чей разговор вы собирались передать водителю мэра...

– Послушайте, я... Я не хотела... передавать...

– Если бы я не забрал ваши трубки, вы бы передали.

– Так это были вы? По-моему, ваш голос я уже слышала.

Точно! Это вы приходили ко мне на работу. Вы – частный сыщик! Чтоб вы знали, я подала заявление в милицию, и подробно вас описала.

– Ага, я видел, как вы проехали мимо отделения.

– Вы за мной следили?!

Телефонистка выглянула из окна. Я мигнул фарами. В ответ услышал голос, полный издёвки.

– Вы, по-моему, не понимаете, с кем связались. Когда они вас найдут...

– Как вы думаете, что случится, если я расскажу про вас тому, чьи деловые переговоры вы сливали мэру?

Телефонистка отошла от окна вглубь комнаты, три секунды молчала. Когда ответила, издёвки я не расслышал.

– А вот этого не надо.

– Мне нужна полная информация по абоненту.

– Говорите номер.

Я продиктовал номер трубки очкарика Толика.

– Как только узнаете хоть что-нибудь, что касается этого номера, сразу сообщайте мне.

– Разговоры писать?

– Это в первом пункте нашего договора.

– Что во втором?

– Абонент трубку отключил. Я хочу знать, где и когда. Где и когда включит, сообщать в ту же секунду. Завтра с утра жду новостей.

– Я позвоню.

Телефонистка разорвала связь, выглянула в окно. Я моргнул фарами, развернулся, покатыл домой.

За сто метров до дома ожил мобильник. Я глянул на дисплей. Звонил Юсуп. Я снял трубку.

– Мент-стахановец, ты на календарь смотрел?

– Воскресенье, я помню. Еду к тебе. Ты дома?

– Глянь на часы. Девять вечера. Сейчас я выпью стакан тёплого молока и лягу спать.

– Ставь чайник и жди. Я почти подъехал.

Мобильник я сунул в карман, машину – под балкон, себя – на кухню.

Когда чайник закипел, я вспомнил, что забыл защитить машину от придурков. Чертыхнулся, вышел на балкон, поставил авто на сигнализацию. Краем глаза заметил юсупов силуэт, подсвеченный подъездной лампой. Я разлил по чашкам кипяток, пошёл открывать гостю.

*

*

Юсуп ввалился усталый, как сто китайцев со стройки Великой Стены. Пожал мне руку, упал в кресло, выпил чашку горячего чаю, закусил тремя бутербродами с сыром. Я не от-

ставал.

Я налил ещё по чашке. Юсуп отхлебнул, откинулся на спинку, матернулся.

– Ну и денёк! С утра нашли два трупа на свалке, в обед пропадает сын крикливого задохлика, и под вечер шеф рассказал, какой я политически неподкованный.

– При чём здесь я?

– Ты общался с сыном того задохлика, который на меня орал и требовал немедленно посадить всех депутатов вместе с детками. Сынок пропал.

– Я знаю. После того, как поорал на тебя, Михалыч пришёл ко мне. Подрядил меня на поиски Толика.

– Рассказывай, что у тебя с этим Толиком. Подробно, но покороче.

Я рассказал, как в парке набил морды тарантинам, как депутаты заплатили за сломанное ребро, про троицу в масках в подъезде очкарика, про второй откуп.

Юсуп осушил чашку, поднял взгляд на меня.

– Когда отец очкарика начал обвинять депутатских сынков, я понял, что нам круто не попёрло. Я сообщил шефу, шеф – Маслине.

– А сам? Разве без шефа обойтись не мог?

– Я его подставлять не хочу. Он нормальный мужик. Чтоб к нему ни с того ни с сего припёрся мэр, и начал катить бочку? Лучше предупредить.

– Ну, и дальше?

– Маслина взорвался. Сказал, что мы работать не умеем, раз слушаем всяких придурков. Сказал, что ему придётся доложить мэру. Чем это пахнет, знаешь сам. Работа встанет, начнутся придирки.

– Чего надо сделать?

– Как обычно. Ты лезешь в дерьмо, а я твою инфу представляю наверх как оперативные данные от внештатного сотрудника.

– Говори проще, не обижусь.

– Скажу, что от надёжного стукача. Мне по-другому до них не добраться. Если что не так, мэр моему шефу башку открутит. Мэру хватит и того, что детки депутатиков прогрямят на весь город. Перед выборами такая реклама мэрии ни к чему.

– Что будешь делать ты?

– Всё, что мог, я уже сделал. Хотел было наведаться к тарантинам, да шеф запретил. Что мы им предъявим? Подозрения?

– Тоже немало.

Юсуп отмахнулся.

– Я с обеда до девяти ждал, пока шеф разрешит поговорить с тарантинами сразу, как приедут с шашлыка. Шеф позвонил, сказал, что ночные допросы папулям не нравятся, мать бы их!

Юсуп встал.

– Ладно, я пойду. Ты там поройся поглубже. Иначе мне к

тарантинам соваться не с чем. Я пока пробежусь по другим версиям. Очкарики пропадают не только после драки в парке. Они ещё и влюбляются, а потом с любимой – на Сахалин, романтикой страдать.

Я пожал протянутую руку, закрыл за гостем, убрал со стола, забрался в душ.

Перед сном я распланировал утро понедельника по часам. В начале девятого я ждал звонка от телефонистки. В девять хотел смотаться в железнодорожный техникум. Никак не выучу новое название технаря. То ли коллегиум, то ли гимназия. Пока вспоминал, заснул.

*

*

Телефонистка позвонила в половине восьмого. Я ждал новостей на полчаса позже, потому принял звонок от дамы не по-джентельменски: потным, небритым, да ещё возле макивары.

Девушка в наушниках не здоровалась, сходу перешла к делу.

– Абонент выключил трубку в субботу в девять вечера возле речки в районе села Щучье. Ровно в девять. Ближе к речке, чем к селу.

– Отлично работаете.

Телефонистка закончила разговор без намёка на слова прощания.

Я добил макивару до гула в кулаках, смыл под душем пот,

побрился, сел за завтрак.

Овсянка с бананом встала поперёк горла на середине тарелки. Я не мог отогнать мысли от инфы, что получил от телефонистки.

Каждую субботу в районе села Щучье на берегу речки тарантины кушают шашлык и водочку. В минувшую субботу в девять вечера в том же районе антенна оператора засекла сигнал отключения, что послал мобильник очкарика Толика.

Я впихнул в себя остаток завтрака, набрал номер Юсупа. Голос занятого следователя я услышал через целую минуту.

– Ян, времени нет. Меня раздалбывает шеф. У тебя три секунды.

– За что долбёжка? Вызвал тарантин на допрос?

– Угадал. Время, Ян, время!

– Мобильник очкарика отключен в субботу в девять вечера возле речки в районе Щучьего. Там тарантины каждую субботу кушают шашлыки.

– Откуда дровишки?

– Из лесу. Проверь. Если правда, то тарантин трясти таки придётся. И папы не помогут.

– Мэр даст приказ, и оператор заткнётся, а файлы случайно сотрутся. Должностное нарушение – это не уголовное преступление. Доказать сокрытие улик тут будет нереально.

– Мда... Адвокат опять скажет, что наш очкарик сидел в кустах напротив шашлычников, и слепил их лазерной указкой.

– А трубку отключил, чтобы не отвечать на звонки, не привлекать к кустам внимания тарантин раньше времени. Вот тебе и объяснение, почему трубка очкарика отключилась в том же районе, где жрали водку тарантины. Слушай! А что, если так и было? А потом тарантины дали нашему Толику в череп, и он смылся, а? Живой, но в бегах. Чем не версия?

– Зачем очкарик отключил трубку?

– Трубку забрали тарантины и выбросили в речку.

– Мобильник послал спецсигнал, код отключения. Если трубку утопить, сигнал пропадёт безо всяких кодов. Исчезнет, и всё.

– Ладно, прицепи себе на грудь благодарность.

– Мне больше нравится ложить её в кошелёк.

– Вот и положи. Всё, я – к шефу. Пока!

Юсуп отключился. Я разровнял в кошельке благодарность Юсупа, добавил денег и визиток.

Через полчаса я подъехал к железнодорожному техникуму, где на факультете журналистики наверняка полно роскошных девочек. С одной из красоток очкарик мог слинять на Сахалин.

*

*

Дальше дверей техникума я прошёл лишь на метр – до будки, где на цепи сидел местный Цербер. Бабулька-вахтёр остановила меня грозным взглядом.

Я показал бабульке удостоверение Крысько. После драки в кабаке – пока Крысько очухивался – я на всякий пожарный щёлкнул ксиву на мобильник. Дома вставил свою фотку и имя, теперь пугаю вахтёрш.

Бабулька аж высунулась из окошка будки.

– С-следователь? Кого-то ищете?

– Группу сто семь. Всю в сборе. Журналисты.

Вахтёрша выскочила из будки, подбежала к расписанию, что висело на стене, в три секунды отыскала нужную клеточку.

– Какое совпадение! Сто седьмая группа в сто седьмой аудитории.

Бабулька указала пальцем на первую от холла дверь слева по коридору.

– Вон там. Вам повезло. Если бы пришли через час, то могли бы их не застать. У них сегодня только одно подготовительное занятие. Готовятся к экзаменам. Преподавателя предупредить?

– Спасибо, я сам.

Я подарил вахтёрше улыбку благодарного следователя. Бабулька аж зарделась.

Когда я вошёл в аудиторию, длинноволосый пацан лет двадцати пяти читал студентам лекцию. Уткнулся носом в конспект, на студентов не смотрел. Препад вещал настолько нудным тоном, что половина слушателей спала, остальные пялились в экраны мобильных.

Тетради закрыты, ручек на столах нет и в помине. Клёвая лекция. Познавательная и увлекательная.

Мой приход студентов оживил. Кто проснулся сам, кого растолкали соседи. Некоторые даже сняли наушники.

Преподу моё появление дало повод с умным видом помолчать. Аудитория, наоборот, зашушукалась. Я сделал зрителям ручкой. Шум стих.

Я подошёл к кафедре.

– Здравствуйте, дети!

В ответ – смешки и нестройное приветствие.

– Меня зовут Ян Янович. Я – следователь. Ваш преподаватель, надеюсь, выделит мне пару минут вашей лекции.

Я взглянул на препода – тот кивнул без особой радости. По-моему, пацан надеялся, что я займу не парочку, а минут так с полчаса.

На галёрке девушка подняла руку.

– А вопрос можно?

Я кивнул. Девушка хихикнула.

– Вы пришли из-за Толика?

– Вас готовят на журналистов или на экстрасенсов? Как вы догадались?

– Он рассказывал, что его побили трое в масках. Думаете, что это кто-то из нас?

– Нет. Толик вышел из дому в субботу после обеда, и до сих пор не вернулся. Кто знает, куда он делся?

Взглядом я держал под прицелом всех студентов, как еди-

ное целое. Мимика у детишек сработала одинаково. На лицах появилось удивление и жажда узнать, куда подевался очкарик.

Из всех лиц только одно не оживилось, а застыло. Девушка в жёлтом топе, сидевшая в первом ряду, сделала вид, что мой вопрос – равно как и ответ на него – ей не интересен. Все студенты смотрели на меня, а девушка в жёлтом топе – на препода.

Я достал пачку визиток. Надпись на карточках я заказал нейтральную как раз для таких случаев. Вместо “частный детектив” над моим именем красовалось “следователь”. Я поднял визитки над головой.

– Я оставлю вам визитки. Я понимаю, что у каждого из вас могут быть причины промолчать. Если захотите что-нибудь сообщить, то мой номер найдёте на визитке. Сейчас на мой вопрос можете не отвечать. Да и как я вас заставлю?

Студенты заулыбались: мол, верно, не заставишь.

Я не давал визитки студентам в руки. Укладывал на край стола. Пока студент отвлекался, тянулся за карточкой, я смотрел на обложку тетради, что лежала напротив. У девушки в жёлтом топе хозяйкой тетради значилась Юлина Таня.

Таня повертела визитку с равнодушным видом, рассмотрела с обеих сторон, бросила обратно на стол.

Я поднял карточку, взглянул на надпись, перевёл взгляд на Таню.

– Что, не нравится дизайн?

– Нормальный. Просто мне она не нужна.

– Как знаете.

Я вложил визитку в тетрадь Тани, закончил раздавать карточки, вернулся к кафедре. Преподаватель посмотрел на меня как на не оправдавшего надежд, ведь я управился всего за шесть минут. Давануть сачка под моим прикрытием преподаву не обломилось.

Студенты вертели визитки, на меня смотрел от силы каждый третий.

Чтобы аудитория наострила уши, я кашлянул.

– Звонить мне не стесняйтесь, не укушу. Если очень боитесь, но сказать вам есть что, то звоните из автомата. Ваш номер я не определяю. Можете нацепить на нос прищепку, чтобы я ваш голос не узнал.

Аудитория заулыбалась. Я поднял руку.

– С прищепкой поосторожнее. На кончик носа не цепляйте – оставите синяк. Не спрашивайте, откуда я это знаю. Спасибо за внимание. Приятной учёбы.

Я вышел из аудитории под единый вздох неудовольствия. Опять эта нудная лекция!

Вахтёрша провела меня почтительным взглядом, я махнул рукой на прощание. Заговаривать с бабулькой не стал, иначе мог нарваться на допрос с пристрастием. Сорвал вахтёрше весь кайф.

*

*

Через полчаса, когда я подъехал к дому, звякнул мобильник. Я глянул на дисплей. Номер не определился. Я снял трубку, услышал голос, исковерканный прищепкой на носу.

– Ян Янович?

– Да, Таня, это я. Вам прищепка не мешает?

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

Я улыбнулся пошире, чтобы улыбка передалась собеседнице.

– Таня, я посмотрел на обложку вашей тетрадки. Там ваше имя.

– Уфф! Больше меня не пугайте. Скажите, а Толик... он что, действительно пропал?

– Таня, вы забыли про прищепку, или чем вы там зажали нос? Снимите, а то я половину слов не понимаю, а угадываю.

– Сняла. Я хотела рассказать...

Таня замялась, затем продолжила. После того, как Толика побили, он стал другим. Раньше Толик Тане всегда помогал, если что. Они сидели почти всегда рядом. Теперь Толик рядом с Таней сидит редко. Таня думала... Тане казалось, что Толик относится к Тане не так, как к остальным девочкам.

После больницы Толик своё отношение к Тане изменил. Не полностью, но Таня почувствовала, что Толик к Тане – как бы это сказать поточнее? – остыл, что ли? Нет, Толик к Тане и не горел, но после больницы остыл совсем.

Нет, в больнице Таня Толика не навещала. Может, Толик обиделся на это? Вполне возможно, ведь после больницы То-

лик стал каким-то чуть-чуть чужим. Будто где-то летает. Вот нет его рядом, и всё тут! Таня с Толиком разговаривает, и Толик вроде бы и отвечает, вроде бы и вменяемо, но в то же время как-то отстранённо.

Может, ещё не прошёл шок после побоев? А он у него был, этот шок? Таня бы так не сказала. Но то, что после больницы Толик стал другим, это точно. Как будто живёт не здесь, а... Тане кажется, Толик решил смыться ещё тогда, после больницы. В общем, Таня не удивилась, когда я сегодня сказал, что Толик исчез.

А теперь – самое, как на взгляд Тани, важное.

Раньше Толик на занятиях учился. Другие ходят на лекции для галочки, а Толик учился. Он и Таня учились вместе. После больницы Толик учёбу забросил.

Купил себе маленький ноутбук. Совсем маленький. Их ещё нетбуками называют. Толик его из рук не выпускал, на занятия внимания не обращал.

Вроде бы странного мало. Парень купил игрушку, и на время забыл об учёбе. Нормально. В его возрасте я был таким же. Но Толик сидел только на порносайтах, причём постоянно.

В техникуме есть беспроводной интернет. Для всех студентов админ доступ к порносайтам закрыл. Но Толик с админом дружил. Наверное, админ дал ему пароль к полному доступу.

Таня передала слово мне. Я взял.

– Толик ходит по порносайтам вместо того, чтобы учиться. Это плохо. Но как это поможет Толика найти?

– Поможет не найти, а догадаться, почему он исчез.

Я наострил уши.

– Таня, нам лучше встретиться.

– Я в это дело лезть не хочу. Это опасно для здоровья. Вы что, не понимаете? Я вам намекаю уже полчаса. Знаете, сколько зашибают хозяева порносайтов?

– Много. При чём здесь Толик?

– Я думаю, у него был свой порносайт, и не один. А если его сайты начали приносить реальные деньги? Если кто-то узнал, что Толик заработал денег, и налоги с них, естественно, не заплатил...

– Думаете, на него наехали бандюки?

– Да. Он платить отказался, и они его выкрали.

– Я бы до такого не додумался. Спасибо огромное!

– Не за что. Только уговор: я вам не звонила.

– Ваше имя не всплывёт.

– Смотрите, я вам верю.

Таня повесила трубку. Я посидел в машине, поскрипел извилинами, развернулся, направил авто к железнодорожному техникуму.

*

*

У ступеней, ведущих в кузницу спецов по железным дорогам, паровозам и шпалам, стоял Юсуп. Я подкатил к маши-

не Юсупа, вышел, клацнул сигнализацией, кивнул юсупову водителю, дотопал до Юсупа.

– Ну, как покалякал с тарантинами?

– Никак.

– Шеф таки запретил?

– Нет. После твоей инфы поломался, как та девочка, но на допрос тарантин таки дал добро. Вместо тарантин прилетели адвокаты. Принесли три миллиона расписок от свидетелей, которые провели с тарантинами всю субботу. Очкарика рядом с тарантинами свидетели не заметили.

– Клёво, ничего не скажешь. Про лазерную указку в этот раз не вспомнили?

– Нет. Наверное, всё время ушло на свидетелей.

– Умнеют. Дешёвые отмазки уже не в моде. Значит, с тарантинами у тебя облом?

– Угадал. Но ты отключаться даже не мечтай.

Юсуп указал взглядом на вход в техникум.

– Скажи-ка мне, сыскарь-любитель, что ты здесь делал полтора часа назад?

– Искал очкарика.

– Нашёл? Я ж тебе сказал, что этим займусь я. Твое дело – тарантины. Чего ты лезешь поперед батька? А если ты кого спугнул?

– Тарантин хотел вызвать на допрос ты. Терять время зря? Кто меня сдал? Вахтёрша или дети?

Сдала меня бабка. С потрошками. Юсуп не знал, что речь

обо мне, да начал расспрашивать, что за следователь тут ошивался. Бабка меня описала так, что по фотке меня опознать сложнее. У меня даже звание есть.

Бабка хотела накатать на меня заяву. Юсуп меня отмазал. Сказал вахтёрше, что я работаю параллельно, только Юсуп не знал, что я тоже собирался в технарь. А вообще-то я когда-нибудь на этих левых ксивах погорю.

Затем Юсуп перешёл к делу.

– Что узнал? Что сказали дети? Мне – ноль.

Я состроил гримасу, написал на лбу: “Брось заливать-то!”.

Юсуп усмехнулся.

– Молчат как партизаны. Только мне кажется, что и говорить-то им нечего. Правда, я здесь только полчаса. Опросил ещё не всех. Вышел подышать, а тут и ты подкатил.

– Думаешь, есть смысл говорить с каждым?

– Не крути мне извилины, Ян. Говори, что узнал.

Я пересказал разговор с Таней.

Из техникума высыпали студенты. Скучковались группками, закурили. Половина студентов уставилась на Юсупа, остальные разглядывали меня.

Мы забрались в юсупов бобик, Юсуп поднял стекло со стороны ушастых студентов.

– Теперь не услышат. Рассказывай.

– Знаешь, сколько скромные очкарики зашибают в интернете? Миллионы.

– В Андрееве? Миллионы на интернете? Шутишь?

– При чём здесь Андреев? Если у тебя есть сайт, ты можешь сидеть хоть на Северном Полюсе. Главное, чтобы был доступ к сайту.

Сколько очкарик мог заработать реально, сидя в Андрееве? Некоторые пацаны зарабатывают тонны баксов, не выходя из дому, на контекстной рекламе.

Термин “контекстная реклама” Юсуп попросил разъяснить на пальцах. Я попытался уложить ликбез в два слова.

Как работает контекстная реклама? Программа рекламодателя заходит на сайт, читает текст. Встречает слово “чайник”. Встречает ещё раз. Думает, что сайт о чайниках. Вешает на сайт рекламу чайников. С рекламы владелец сайта получает копейку. На этом можно заработать кучу денег.

А если сайт для тех, кто в компьютере не рубит? Ведь таких людей тоже называют чайниками. Вот Юсуп сейчас, к примеру, на такой сайт заходит регулярно. Так что, на этом сайте будет висеть реклама чайников обычных? На кой они Юсупу сдались?

Я уверил Юсупа, что не такая уж эта прога примитивная. Поймёт, где сайт о чайниках-чайниках, а где – о чайниках-людях.

Юсупа моё объяснение устроило. Со знанием дела Юсуп продолжил задавать вопросы.

– Очкарик зарабатывал на рекламе чайников?

– Толик во время занятий зависал на порносайтах, где доходы на порядок круче, чем на сайтах про чайники.

– Не знал. И что нам это даёт?

– В техникуме доступ к порносайтам закрыт. Значит, у Толика должны быть хорошие отношения с администратором всей сети техникума. У админа мы узнаем, какие сайты посещал очкарик.

– Это возможно?

– Запросто. Затем сможем узнать, сколько примерно Толик зарабатывал. Может, всё это и туфта. Может, у очкарика вообще сайта не было, или Толик имел от сайта три копейки – за что его тогда убивать?

– Верно. Зачем убивать, если могли выкрасть? Посадили в подвал, привязали к колышку, и – если твоя инфа подтвердится – просят у паренька денег.

– Потому я и вернулся. Надо сходить к админу. Хорошо, что ты здесь. Тебе как парню в законе админ всё расскажет в пять секунд и бесплатно.

– Привлекаю тебя к расследованию как независимого специалиста по компьютерам. Ты же в компах рубишь?

– Чуть-чуть.

– Это больше, чем я. Пошли.

Мы выбрались из машины Юсупа, под пытливыми взглядами студентов взбежали по ступенькам.

Вахтёрша старлея признала, жестом остановила Юсупа, указала на меня пальцем.

– Это тот, что приходил до вас. Старший лейтенант Янов. Юсуп улыбнулся.

– Всё в порядке. Он со мной. Где у вас сидит администратор компьютерной сети?

– Компьютерщик? В подвале. Первая дверь налево.

Мы спустились в подвал. Первую дверь, что слева, Юсуп открыл без стука. Когда мы вошли, из-за стола поднялся пацан – худой коротышка с серьгой в ухе как у казачка.

Юсуп протянул пацану удостоверение.

– Милиция, юноша. Когда прочитаете корочку, дайте мне знать.

Пацан посмотрел на Юсупа, на меня. На удостоверение не взглянул.

– Милиция? Что я сделал?

Юсуп спрятал удостоверение.

– Сейчас узнаем. Как звать?

– Сергей. Иванович. Усков.

– Ну, для Ивановича ты маловат, Серёга. Скажи-ка дядям, кто в этом заведении по компьютерам главный, и кто закрывает студентам доступ к порносайтам?

– Я.

– Почему ты, Серёга, закрываешь не всем? Один паренёк из группы сто семь во время лекций зависал на порносайтах вместо того, чтобы учиться.

– Я-то здесь при чём? А если ваш паренёк из группы сто семь – крутой хакер, и взломал мою сетку? Я доступ к порнухе перекрыл, а он нашёл, как меня обойти. Кстати, вы о ком? Кто у нас такой любитель порнухи в группе сто семь?

Я подошёл к компу, за которым сидел админ Сергей Иванович, рассмотрел ворох проводов позади системного блока, оглядел комнату.

Админ провожал взглядом каждое моё движение.

– Что ищете? Сервак порнухи?

Я покачал головой.

– По-моему, Сергей, вы нас не правильно поняли. Мы пришли вас не обвинять. Нам нужна информация, только и всего. Как вы понимаете, с голыми руками мы бы к вам не пришли.

– И с чем пожаловали?

Я сказал, что у меня есть ноутбук того парня из сто седьмой группы, Толика. В момент, когда я произнёс имя очкарика, у админа чуть заметно дёрнулось веко. Я продолжил.

На диске ноута полно временных файлов. Если Серёга сейчас не включит дурачка, то признает, что по этим файлам можно запросто узнать, какие сайты посещал хозяин ноутбука.

Да, Толик мог посещать сайты и из дома, и из интернет-кафе. Но когда я порылся во временных файлах, закачанных из интернета, то нашёл дату и время их создания. Большинство файлов создано в то время, когда Толик сидел на занятиях в техникуме. В то время, когда пользовался сетью под управление админа Серёги. При этом в обязанности админа входит перекрытие доступа студентов к порносайтам.

Серёга меня выслушал с издевательской ухмылочкой. За-

тем Серёга повторил, что Толик может быть хакером. На мою просьбу сообщить адреса сайтов, на которые заходил Толик, админ посоветовал поискать адреса во временных файлах. С улыбкой профи Серёга напомнил, что в картинках ищут адреса только чайники.

Я напомнил, что есть ещё и провайдер, а у него – сервер, где фиксируются все выходы в сеть с серёгиной линии вместе с адресами сайтов. Мы можем пойти к провайдеру. Улыбочка с лица Серёги сползла.

Чтобы Серёгу добить, я сказал, что, на мой взгляд, Серёга сотрудничать не желает. Кстати, Толик из сто седьмой группы исчез. У нас есть основания полагать, что Толика похитили с целью отобрать у него большую сумму денег. Чтобы стало понятнее, добавил, что это дело не простое, тянет на предварительный сговор, а там сроки выше.

Серёга прикусил губу.

– При чём здесь я?

– Кто мог накапать похитителям о том, чем зарабатывает Толик, как не тот, кто знает, на каких порносайтах и как долго Толик зависал?

– Я ничего и никому не говорил.

– А вот это вы расскажете на допросе.

– Какой такой допрос?

Юсуп рубанул кулаком по ладони. Админ вздрогнул. Юсуп посмотрел на меня.

– Времени нет, Ян. Мы этого орла взять за жабры можем?

– Бери. У него на компе полно файлов, где указано, какие сайты посещали студенты этой конторы. Значит, админ помочь следствию может, но не хочет.

Админ встрепенулся, повернулся ко мне.

– Следствию? Как это не хочу?

– Нам нужны адреса сайтов, на которые были выходы из вашего техникума. Дать эти адреса вы отказываетесь. Значит, препятствуете правосудию.

– Надо ещё доказать, что то, что вам надо, у меня есть.

Юсуп шагнул к админу. Я поднял руку. Юсуп остановился. Админ сжался.

– Да что я такого говорю? У меня права, в конце концов, есть, или нет?

Я улыбнулся, высказал догадку, что Серёга наверняка посмотрелся американских фильмов про адвокатов. Только забыл, что живёт не в Америке. Если я вырублю предохранитель в коридоре, после чего выключу бесперебойник сервера, то кабинет админа обесточу. Мне ли объяснять, что после этого Серёга уже ни единого файла не сотрёт? Затем я докажу, что нужные нам файлы на компе админа есть, Серёга о них как админ знает, а вот нам дать отказывается.

Я шагнул к выходу. Глаза админа забегали, остановились на мне.

– Вы куда?

– Отключать свет. Ты мне надоел.

– Послушайте! Берите всё, что вам надо! Я же только хо-

тел по закону!

– А я по закону и собираюсь обесточить этот кабинет, опечатать аппаратуру, забрать тебя с собой на допрос, аппаратуру отвезти на экспертизу. После этого ты, балбес, потеряешь работу. Усёк?

Админ замотал головой так, что я услышал, как мозги хлюпают о стенки черепа.

– Не надо никакого закона! Давайте по-человечески. Нет, по закону не надо!

Юсуп закатил глаза.

– Ну, наконец-то! Парень, ты меня достал!

Я протянул админу флэшку.

– Держи. Скатай мне все адреса, на которые заходили студенты этого техникума. Если что забудешь, мы всегда сможем взять твои бесценные данные у твоего провайдера. Потом не плачь, если мы вернёмся, но уже с бумагами на твой арест.

Админ взял флэшку, воткнул в разъём на компе.

– Может, вам только те адреса, на которые заходит Толик? Зачем вам рыться, искать иголку...

Я чуть админа Сергея Ивановича не стукнул.

– Что ты нам полощешь мозги?! Мы ведь только за этими адресами и пришли!

– Я ж хотел по закону...

Админ повернулся к монитору. Пока щёлкал мышью, рассказал, что Толик попросил полный доступ к сети. Пообе-

щал сотку зелени в месяц. Кто откажется? Админу стало интересно, зачем Толику полный доступ, да ещё за такие деньги. Админ проследил. Выходы Толика в сеть у админа лежат отдельно. Отсеять выходы Толика от выходов остальных студентов для админа легко: Толик заходит не под общим паролем, а под своим, остальное – дело техники.

Админ выдернул из разъёма флэшку, повертел в руках, протянул мне.

– Я никому кроме вас про Толика не говорил. А то вы собирались пришить мне содействие похищению.

– Где Толик может быть, знаешь?

Админ покачал головой.

– Даже не представляю. Вам нужно что-то ещё?

– Нет. Если что вспомним – заглянем в гости.

Админ протянул визитку.

– Звоните в любое время. Чем смогу – помогу.

– Так бы сразу. Ему подавай по закону! Сколько мы убили с тобой времени, а? Потом вы поёте песни о том, как милиция медленно работает. Будь здоров, Сергей Иванович!

Админ кивнул, ссутулился, повернулся к монитору, защелкал мышкой. Ушёл в работу, утонул в единичках и ноликах.

Мы вышли из подвала, откивались вахтёрше. У машины Юсупа остановились. Юсуп взглядом указал на флэшку, что я вертел в руке.

– Что будешь делать с флэшкой?

– Могу отдать тебе.

– Что с ней делать мне?

– Отдашь своим спецам.

– Ага, и потом буду три дня им объяснять, что мне там надо узнать. Нет уж! Ты заваривал, ты и расхлёбывай. Принесёшь мне копию для отчёта.

Юсуп кивнул в сторону техникума.

– Кстати, админ всё время говорил об очкарике в настоящем времени. То есть о пропаже не знал. Ян, зачем очкарик обещал админу сотку зелени в месяц? Не мог выходить в интернет из дому?

– Чтобы работать на полную, но при этом создавать видимость, будто ходит на занятия. Зачем создавать видимость? Спросим у Толика, когда найдём.

– Очень умно. Ты говорил этому придурку, что у тебя есть ноутбук очкарика.

– Хочешь забрать ноут для своих спецов?

– Чтоб прождать результата два года? У них дел выше крыши. Ты справишься быстрее. Ты же знаешь, что искать. Только потом верни в целости.

– Нет, постучу по ноуту кувалдой.

– Ты можешь. С тебя ответ какой?

Я сел в машину, поднёс палец к кнопке запуска мотора, краем глаза уловил знакомое жёлтое пятно. Присмотрелся. Через дорогу переходила Таня – девушка в жёлтом топе, что рассказала про порносайты Толика.

На другой стороне дороги, напротив техникума, на стене дома висел телефон-автомат.

Таня остановилась у аппарата, осмотрелась, остановила взгляд на бобике Юсупа. Секунду помедлила, вставила карточку в аппарат, набрала номер.

Через пару мгновений мой мобильник ожил. Я утопил зелёную кнопку на трубке.

– Ян Янович?

– Да, Таня. Что стряслось?

– К нам приходил ещё один следователь. Похоже, он о моих подозрениях не знает. Мне и ему позвонить тоже, или вы расскажете сами?

– К вам приходил Юсуп?

– По-моему, да.

– Ему я только что всё рассказал. Не волнуйтесь.

– Точно?

– Не верите? Могу дать ему трубочку. Он рядом.

– Нет, нет. Я вам верю. До свидания.

Таня повесила трубку, выдернула карточку, вернулась в техникум. По пути сделала вид, будто машины Юсупа в этом мире не существует.

Я завёл мотор, тронулся. В дороге потренировал задержку дыхания, ведь конечным пунктом у меня значился дом Михалыча.

*

*

Михалыч открыл после третьего звонка. Увидел меня, улыбнулся, если можно назвать улыбкой оскал живого трупа.

Михалыч жестом пригласил войти.

– Наконец-то! Жду не дождусь.

– Что-то случилось?

– Всё то же. Только теперь я один. Скучно.

Михалыч посторонился, пропустил меня в коридор. От Михалыча пахло грибком, хоть вешайся. Ещё мгновение, и я бы выскочил на лестничную площадку.

Я свернул волю в трубочку, улыбнулся.

– Я на пять секунд и по делу.

– Понятно. С чем пожаловали? Есть результаты?

– К тарантинам я не ходил. Ими занимался Юсуп.

– Этот тот следователь, что ведёт дело Толика?

Я кивнул. Михалыч указал на дверь в кухню.

– Проходите на кухню, я сделаю чаю.

– Некогда, спасибо.

– Что нового у следователя? Обещаю молчать.

– К тарантинам пока подобраться нельзя. Адвокаты принесли тысячу расписок от свидетелей. Тарантин видел весь город. Алиби железное. Вашего сына рядом с тарантинами не видели.

Михалыч покачал головой.

– Так я и думал. Надеюсь, вы их расколете. Не расколете вы, займусь я. Терпение уже лопается. Сколько они, сволочи, могут над нами издеваться?! Я бы им...

– Не советую. Наломаете дров. А если ошибётесь? Как будете потом жить?

– Жить? Мне осталось-то... Ну, а что у вас?

– Фактов мало, и каждый надо проверять.

– Но они уже есть?

Я кивнул, взглядом указал на дверь в комнату очкарика.

– Хочу осмотреть комнату вашего Толика.

– Вы сказали, что у вас появились факты. Какие?

– Мобильник вашего Толика отключился в субботу вечером том же районе, где шашлычничали тарантины.

– Не может быть! И вы считаете, что они ни при чём?! Следователь знает?

Я сказал, что именно поэтому Юсуп и вызвал тарантин на допрос. Но винить тарантин рано. Мобильник у Толика могли украсть, рядом с тарантинами отключить, и в речке утопить. Любой адвокат скажет, что тарантин хотят подставить.

Кому надо подставлять тарантин? Да хотя бы Толику. Простая месть. Трубку отключил возле тарантин, спрятался у знакомого на даче, и сидит, радуется, что поганцев-тарантин таскают на допросы. Бред? Согласен. Но адвокаты скажут именно так.

Михалычу мой рассказ не понравился. Чтобы снять с Михалыча напряг, я улыбнулся. Напряг не сошёл. Тогда я заговорил.

– Есть ещё одна новость. Вернее, не новость, а дополнение к тому, что мы уже знаем. Ваш Толик зарабатывает в интер-

нете, и чем, вы не знаете, так?

– Да.

– Похоже, Толик держал порносайты.

– Что вы такое говорите?

– Давайте без ханжества. Порно – это товар. За него платят хорошо. Толик выбрал бизнес доходный.

– Но порно...

– У Толика должен быть маленький ноутбук.

– Есть такой. Лежит возле монитора. Входите.

Я перешагнул порог комнаты Толика. В комнате царил идеальный порядок. Возникло чувство, что я вошёл не в человеческое жильё, а в музей.

Михалыч мой удивлённый взгляд перехватил.

– Мой Толик молодец. Всегда порядок, везде чисто.

– Да уж, не придерёшься. Я приходил сюда уже два раза, а внимания на такую чистоту не обратил.

– Здесь тогда был Толик, и вы были совсем по другому делу. Вам было не до разглядываний. В том-то и плюсы постоянного порядка. Когда он есть, его не замечают. Порядок ведь не наводят, его поддерживают.

– Прямо как в армии. Я подумал, это вы тут прибрались после того, как Толик...

– Уборка в квартире на Толике. У меня, в отличие от него, сил не так много.

– Вы уж извините, но с виду ваш Толик тоже на качка не смахивает.

– А ведь мог бы. Я хотел Толика отдать на бокс. Как теперь понимаю, сглупил, что не настоял. Таких проблем, как сейчас, могло и не быть.

– Не факт. На каждого каратиста найдётся своя монтировка. Знаю по себе.

– Как бы там ни было, а на бокс он не пошёл. Толик насилье не любит.

– Чем занимался Толик в свободное время?

Михалыч уложился всего в десять минут.

Три года назад Толик запоем читал фантастику. А потом Михалыч купил сыну компьютер. В тот же день Толик креслу перед монитором просто прирос. Раньше хоть делал зарядку, а как Михалыч купил компьютер, тут же забросил. Давить не имело смысла, ведь Толик уже вырос. Пятнадцать лет – это не пять.

Михалыч даже давал Толику по шее. Не помогало. Будто тот компьютер, будь он неладен, Толику намазан мёдом!

Тогда Михалыч решил компьютер выбросить. Дошло до истерики. Михалыч махнул рукой. Теперь жалеет. За три года Толик стал хиляком. Появилась одышка на лестнице... Куда это годится? Ведь парень-то молодой!

Пока Михалыч рассказывал, я увидел на полке фотоальбом. Взглядом попросил у Михалыча разрешения взять. Получил добро. Полистал. Со снимков смотрел пацан с грустным взглядом. Если детство счастливое, то глаза смеются.

Я пролистал фотоальбом до середины. Дальше не осилил,

потому как глаза Толика становились всё грустнее.

Михалыч присел на стул возле компьютера.

– Вот она, жизнь-то! Растил, растил сына, и тут какие-то подонки... Ведь Толик у меня и посуду мыл, и в магазин ходил, и в доме убирал, и кушать готовил, и даже консервировал! И всё это ему нравилось!

– Чьё воспитание? Ваше? Бедный Толик! Всё, что вы перечислили, я ненавидел.

– Так то – вы, а мой Толик к труду приучен с детства. К труду и к милосердию. Слабому всегда поможет. Вот мне сейчас нелегко, и Толик за мной смотрит. Смотрел...

– Похвально.

Я поднял со стола нетбук, повертел в руках, взглянул на Михалыча.

– Дадите?

– Берите.

Михалыч поднялся.

– Пойдём на кухню. Сделаю чайку.

– Спасибо, мне пора.

Я вышел из квартиры Михалыча с нетбуком в руке и травмой нюха в носу. Всю дорогу до машины отфыркивался от грибковых благовоний.

Руки чесались открыть нетбук очкарика сразу. Ради тренировки терпения я себе запретил на нетбук даже смотреть. Чтоб не искушать глаз, сунул вещдок в бардачок.

*

Не успел я отъехать от дома Михалыча и полквартала, как звякнул мобильник. Я взглянул на экран. Звонила телефонистка. Я включил связь. Телефонистка начала говорить раньше, чем я успел произнести приветствие.

– Тот номер, что вы заказали, уже под контролем милиции.

– Кто приходил оформлять прослушку?

– Следователь попросил слушать номер вашего абонента неофициально. Безо всяких бумажек с печатями! Во бардак, а?!

– Почему вы ему не отказали, раз всё не по закону?

– Он меня очень вежливо попросил. Хорошие знакомства среди следователей не помешают.

– Тот следователь выглядел как человек восточный?

– Даже очень. Вы его знаете?

– Он – честь и совесть всей милиции города.

– Ага, я вижу, как ваша честь и совесть работает. Это беззаконие в чистом виде. За такое...

– Жду новостей.

– Как только – так и сразу.

Я выключил связь аккуратно перед домом. Через полминуты я запарковал машину, рванул к подъезду.

От нетерпения я перепрыгивал через три ступеньки. На последней поскользнулся, чуть не выронил нетбук, притормозил. До квартиры шёл степенным шагом, нетбук держал

обеими руками, ведь на приборчик я возлагал огромные надежды.

*

*

Дома терпение подверглось новому испытанию, потому как подошло время готовить обед.

Через час, сытый и развалившийся в кресле, я, наконец, добрался до нетбука.

Я пробежался по диску, посетил стандартные места хранения временных файлов и истории посещений сайтов. Нашёл ноль файлов. Ни единого.

Полчаса я рылся на диске нетбука, восстанавливал стёртые файлы, вспомнил все места, где могло быть хотя бы упоминание о работе очкарика в интернете. Результаты поисков убили: диск нетбука вычищен как захолустная казарма перед московской комиссией.

Я порыскал взглядом, куда бы сплюнуть от злости. Подходящего места не нашёл. Пришлось идти на поклон к мусорному ведру. Заодно, раз уж всё равно на кухне, заварил чайку.

После чайной паузы пришёл черед флэшки, куда скинул файлы админ железнодорожного техникама.

Первым делом я закатал файлы с флэшки на диск, ведь Юсуп просил сделать копию флэшки для отчёта. Пришлось испоганить целую болванку ради десятка мегабайт. Чем не пожертвуешь ради следствия!

С флэшкой повезло, файлы оказались интересными. Я узнал адреса трёх порносайтов, где постоянно зависал Толик. Причём страницы, что посещал очкарик, не для рядового посетителя, а для владельца сайта.

Вдобавок я нашёл на флэшке адрес интернет-системы перевода денег “Маниклик”. Очкарик посещал страницы не для простого зеваки, а для зарегистрированного пользователя системы.

Из системы “Маниклик”, как известно, можно переводить на банковские счета максимум десять тысяч долларов за раз. Очкарик посещал сайт “Маниклик” пять дней по десятку раз в день.

Я зашёл на сайт “Маниклик”. Через минуту поисков я узнал, что в списке российских банков, в которые можно переводить деньги из системы “Маниклик”, значился только “Рантье”. Можно перевести монету прямо на валютный счёт. Хорошо, что не на карточный, ведь там искать получателя денег можно год. Как его поймаешь, если он снимает деньги в банкомате, которых в городе сотни? Если перевод на обычный счёт, то получатель должен за деньгами приходить ножками, а значит, его наверняка запомнили. Фоторобот почти готов.

На сайте банка “Рантье” я узнал, что в Андрееве есть аж три отделения. Одно из них, судя по адресу, принимало клиентов в пяти минутах ходьбы от дома очкарика.

Я позвонил Юсупу. Рассказал, как на флэшке, что дал

админ из технаря, нашёл адреса порносайтов. Сайты англоязычные, на эквадорских серверах. Почему не на российских? Эквадорские с цензурой не дружат.

Очкарик, судя по всему, держал три сайта с порнушкой. Это первое. Второе: очень похоже на то, что Толик на прошлой неделе получил немало баксов. Я нашёл сайт интернет-системы перевода денег, на котором очкарик зависал по десять раз на дню...

Юсуп тягомотины не выдержал.

– Ян, покороче можешь? Что в сухом остатке?

– Толик за прошлую неделю мог вывести на счёт в Андрееве хоть полмиллиона. Баксов, Юсуп, баксов.

– Хм... За такое его могли закопать так глубоко, что дело можно и не возбуждать: глухарь. Что с ноутом очкарика?

– С ноутом прокол. Чист как кошелёк перед авансом. Хорошо, что админу в техникуме нетбук очкарика показывать не пришлось.

– Нетбук? Не ноутбук?

Я пустился в объяснения. Пять минут я разжёвывал то, что можно уложить в три предложения. Нетбук – это маленький и относительно слабенький ноутбук. Когда они появились, их использовали в основном для простеньких задач типа прогулок по интернету. Отсюда нетбук – нечто для работы в сети.

Я бы мог говорить на тему нетбуков ещё с полчаса. Юсуп окончания ликбеза не дождался.

– Ян, стоп! Значит, очкарик в техникуме с нетбука на порносайты не заходил? Если нетбук без следов...

– Убрать следы с диска нетбука не сложнее, чем стереть отпечатки пальцев. Отсутствие следов на нетбуке не означает, что очкарик порносайты не посещал. Наоборот, он за собой убрал, все отпечатки стёр.

– Вывод?

– Очкарик таскает весь компромат с собой на флэшке. На той же флэшке лежит прога, которой наш хакер чистит диск нетбука от стрёмных файлов.

– Михалыч что-то новенькое подкинул?

– Совсем забыл. Папаша-то у очкарика – тиран! Сынок был шёлковым. На пацане и уборка по дому, и магазины, и посуда, и даже консервация! Ты бы видел фотки очкарика, когда ему было десять. Пацан чуть не плачет.

– Да, с папашей не повезло. Может, очкарик от папаши и смылся?

– Спросим у очкарика. У тебя есть партийное задание. Надо пообщаться с банкирами. Ты в погонах, тебе помочь обязаны, а с меня сдерут чемодан денег.

– Чего надо?

– Узнай, в какое отделение банка “Рантье” на прошлой неделе ежедневно выводились баксы из системы “Маниклик”, и на чей счёт. Уверен, что Толик снимал деньги не на своё имя, ведь статью за порнографию ещё не отменили.

– А если вывод денег из той системы в наш банк – случай

рядовой? Если таких клиентов – по сто на дню?

– В наших краях это редкость. Мы ж не в Америке, не в Европе, даже не в Москве. Получатель будет один. Если возьмём получателя, то узнаем о Толике больше.

– Слушай, а что, если очкарика грохнул получатель? Деньги в кармане, зачем отдавать?

– Вот и узнай.

На прощание Юсуп пообещал смотаться в банк, как только освободится.

Я залпом выпил позабытый чай, вспомнил, что накануне перед сном составлял план на понедельник. Я забыл внести в расписание встречу с Ромкой, сыном депутата Маслины.

*

*

В три часа дня я вошёл в кабак Ромки.

Я думал, что в понедельник хозяин заведения отсыпается после воскресной попойки. Я собирался порасспрашивать официанток да барменов, пока шеф в отгуле.

Ромка испоганил мне все планы. Сидел за своим столиком. Трезвый, задумчивый, с карандашом в руке. Рядом с юным шефом кабака восседала колоритная девица пышностью форм под стать Ромке. Мартышек в нанолюбках на коленях Ромки я не заметил.

Ромка меня увидел, не обрадовался, шепнул пышной девице пару слов. Дама поднялась, на меня – ноль внимания, поплыла к служебной двери, что за спиной у бармена.

За ромкин столик я присел без приглашения. Ромка скрестил руки на груди. Я указал взглядом на кипу бумаг, что лежала перед Ромкой.

– Учим алфавит?

– Вникаю в бухгалтерию. Слово знакомое?

– Один-один. Если честно, то не ожидал. Думал, что кроме пивных этикеток вас не интересуется ни единая картинка. Кстати, а где ваше пиво?

– Я теперь пиво не пью. Бросил.

– Похвально. Вот если бы ещё и очкариков доставать бросили, было б вообще чудесно.

Ромка сжал губы, засопел. Я хмыкнул.

– Вам не нравится говорить об очкарике?

– Мой адвокат посоветовал мне молчать.

– Совет верный. Ведь алиби у вас липовое. Где вы с друзьями пропадали с утра субботы и до вчерашнего вечера?

– Если очкарик пропал, то это не значит, что виноваты мы. Если очкарик повесится, то к нам прибегут и начнут спрашивать, как мы довели ребёнка до самоубийства?

– Надо было очкарика не трогать.

– За то мы расплатились.

Я хмыкнул. Захотелось съездить тарантине по шее. Ромка мои мысли прочёл, отодвинулся вместе со стулом так, чтобы в любой момент вскочить и удалиться длинными прыжками.

Затем Ромка послал мне улыбку человека, знающего цену всему на свете.

– Сколько мне будет стоять свобода от вас?

– Вы решили, что я пришёл за деньгами?

– А зачем ещё?

– Хочу поговорить с вами не для протокола.

Ромка почесал затылок.

– Адвокат мне советовал молчать. Отец тоже.

– Когда я рассказал вам про серийник видеокamеры, вы с адвокатом советовались? Или сразу позвонили папе?

Ромка надул губы как ребёнок, которому напомнили об украденном варенье.

Я облокотился о столик, подался ближе к Ромке, понизил голос, предложил подумать об ещё одной неприятной для Ромки штуковине. Отец очкарика скоро умрёт. У него рак крови. Ему терять нечего. Он депутатских сынков ненавидит. Если милиция тарантин не тронет и на этот раз, Михалыч может устроить сынкам депутатов весёлую жизнь. Для Михалыча вина тарантин доказана, приговор обжалованию не подлежит.

Что может сделать полудохлый Михалыч? Стрельнуть в ромкину бестолковую голову из тёмного угла, или хотя бы из-за тех вонючих кустов, в которых – как Ромка божится – сидел очкарик и слепил честной народ лазерной указкой.

Ромка хмыкнул. Я добавил, что пистолеты у нас продаются где угодно. Деньги у Михалыча есть – те, что тарантины заплатили очкарику. На ствол хватит.

Ромка потёр кончик носа, уставился на бумаги, что лежа-

ли на столе. Шеф кабака Роман Маслина из крутого парня переплавился в испуганного пацана.

Я дал Ромке несколько секунд, затем постучал пальцем по столу. Ромка встрепенулся.

– Что теперь делать?

– Расскажите мне всё. По минутам. Тогда, если вы невиновны, я объясню Михалычу, что на этот раз вы ни при чём.

– Рассказывать-то нечего! В субботу после обеда купили водки и мяса, и выехали на шашлык – на речку, под Щучье.

– Мясо не мариновали?

– Хотели меня поймать? Зря. Я вам не вру. Мы мясо на шашлык не маринуем. Жарим так, чтобы получилось с кровью. Я вам уже говорил. Не помните?!

Ромка посверкал взглядом, через пару мгновений понял, что тратить на меня энергию глазных мышц – затея пустая.

Я подождал, пока Ромка вернёт себе вид толстого напуганного пацана. Ждал я секунду. Ромка уставился в бумаги на столе. Я продолжил.

– Где покупали мясо?

– В “Авоське”. Водку там же.

– Кто расплачивался?

– Я.

– Чек из супермаркета у вас остался? На чеке выбиты дата и время покупки.

– Не верите, что покупали, или не верите, что в “Авоське”?

– Ни то, ни другое, ни время покупки проверить не могу. Если вы на шашлык не ездили, то и мяса не покупали. Подтвердить покупку не можете. Что, если мяса вы и в глаза не видели, и в “Авоську” не заявлялись пару недель?

– Где ж мы были?

– Лупили очкарика за городом.

Ромка закатил глаза. Ни дать ни взять актёр-недоучка. Даже рот приоткрыл. Наверное, для драматизма.

Ждать, пока Ромка закончит кривляться, я не стал.

– Вы клиент “Авоськи” постоянный, или наездами?

– У меня там платиновая карта.

– А без брехни?

Ромка порылся в портмоне, среди долларов и десятка разноцветных карточек нашёл серебристую, протянул мне.

Я взглянул на карточку, нашёл в правом верхнем углу логотип “Авоськи”, кивнул.

– Вот теперь верю.

– Зачем вам карта? Ведь вам до лампочки, постоянный я клиент “Авоськи” или нет. Вы хотели узнать, есть ли у меня карточка. Зачем?

– Если мясо покупали с картой, то я могу проверить, врёт-е или нет. Попрошу админа “Авоськи” пробить по базе все покупки на вашу карточку. Пять секунд.

– Для этого вам нужна карта. Держите.

Ромка протянул карточку мне. Я отмахнулся.

– Если даёте мне способ проверить ваши слова, то по-

пасться на вранье не боитесь.

– Я и говорил, что не вру. Так карта не нужна?

Я качнул головой: мол, ты угадал. Ромка убрал карту, со-
стряпал подобие улыбки.

– Какой доверчивый сыщик! А если я блефовал?

– Если соврали раз, то будете врать и дальше. Рано или
поздно попадёте. Когда мне ваше враньё надоест, я остав-
лю вас Михалычу.

Ромка потёр кончик носа.

– Нет, этот хрен нам не товарищ.

– Подбирайте выражения. Вы похожи на нормального че-
ловека. Зачем корчите из себя шпану?

– Пришли читать мне морали? У меня дома для этого есть
бабушка.

– Вам с ней повезло.

– Ага, как же! Когда отец хотел перевести меня в частную
школу, она сказала, что я не должен отрываться от народа.
Так и проторчал в школе для...

– Вернёмся к мясу. Вернее, к шашлыкам. В субботу после
обеда вы выехали на речку, под Щучье.

– И никаких очкариков в багажнике не вывозили. Можете
провести экспертизу моей машины. Может, найдёте раздав-
ленные очки?

Ромка улыбнулся своей остроте, потряс необъятным жи-
вотом в беззвучном смехе. По пузу тарантины прокатились
волны жира. Я поморщился, ведь пацан молодой, а салом на-

бит под завязку.

Когда Ромка наулыбался, я взглядом указал на ключи от машины, что лежали перед Ромкой.

– От вашей?

Ромка кивнул с такой гордостью, словно машину выиграл на двенадцатом раунде боя без правил.

– От моей. Могу дать, как и карточку. Проверяйте, сколько влезет. Мы ездили на моей тачке, это вам подтвердят все. Следов очкарика вы в салоне не найдёте. На крыше тоже. К бамперу мы его тоже не привязывали.

– Остаётся верить на слово. Под Щучьим вы были втроём, без свидетелей, с субботнего обеда и до...

– До утра воскресенья. Утром приехали девочки. На ночь они с нами не ездят. Им возле речки холодно.

– В котором часу прибыли девочки?

– Где-то в одиннадцать. Как обычно. Мы их забрали с трассы.

– Откуда? С трассы?

Ромка пояснил, что к тарантову месту на берегу маршрутки не ходят, девочки добираются на маршрутке. От трассы до палатки тарантин топать три километра. Пока дойдут – сдохнут. Потому тарантины и забирают девчонок с трассы, где они высаживаются из маршрутки.

В том месте к трассе подходит заброшенная грунтовая дорога. Девочки говорят водиле маршрутки, чтоб высадил на перекрёстке. До Щучьего, где остановка в центре села, ехать

глупо, ведь и до стоянки тарантин дальше, и время теряется. А так прямо с речки по грунтовке тарантины едут к трассе и девчонок забирают.

Я обдумал свежую инфу, продолжил.

– Выходит, с обеда субботы и до одиннадцати воскресенья вас троих не видел ни один свидетель.

– По мне, так мои друзья и есть мои свидетели.

– Скажите это Михалычу. Он обрадуется. Очкарик пропал в субботу после обеда. Выйти из дому вышел, а вот вернуться не срослось. Исчез примерно в то же время, когда вы отчалили с шашлыком за город.

Ромка уставился на меня так, словно я сообщил о метеорите, что вот-вот разнесёт Землю.

Я послал парню ободряющую улыбку.

– Что скисли, юноша?

– Мой адвокат не говорил, что очкарик пропал в то же время, когда из города выехали мы.

– Теперь вы осознаёте, сколько у Михалыча может насобираться к вам вопросов?

– Думаю, много. Чёрт, как же паршиво совпало!

О том, что депутатские сынки к пропаже очкарика отношения не имеют, вид Ромки не кричал – вопил. Либо Ромка ни при чём, либо с отличием окончил курсы актёрского мастерства.

Ромка потёр затылок, помрачнел.

– Вы на меня давите. Хотите, чтобы я прокололся. Но мне

бояться нечего.

– Если бы хотел надавить, рассказал бы вам сходу о том, что мобильник очкарика отключился в субботу вечером в районе села Щучье, возле речки. Больше трубка очкарика не включалась.

– Там, где мы жарили шашлык... Ё... Ёлки-палки! Откуда вы знаете?

– Важно не то, откуда. Важно то, что знаю. Опять совпадение?

Ромка сорвался на скороговорку.

– Конечно! Послушайте, это совпадение! Клянусь! Как это могло произойти? Очкарика с нами не было!

– Успокойтесь. Пришить вам мобильник очкарика следовательно пока не может. Слишком хлипко.

– А отец очкарика? Он знает?

Я кивнул. Ромка прикусил губу.

– Теперь он нас сожрёт. Кто ему сказал? Вы? Зачем?

– Михалыч нанял меня найти сына. Всю инфу, что нахожу, я сообщаю клиенту. Иначе за что мне платят?

– Что теперь делать?

– Осторожнее переходить улицу. Вдруг какой жигулёнок захочет вас переехать? Запомните, у Михалыча жигуль.

Ромка посмотрел на меня как на доброго гнома.

Позади открылась входная дверь, зацокали стальные набойки. Ромка сделал вид, что на свете нет меня важнее.

Я обернулся. Набойками цокала смазливая девчонка из

клана тех мартышек, что не слезают с ромкиных колен. Каблуки до икр, юбка нано, причёска эмо.

Девчонка подошла к барной стойке, осмотрелась, увидела Ромку и меня, прошла за столик рядом с нашим, присела, жестом подозвала официантку.

Взглядом как серпом девушка эмо резанула Ромку по тому месту, что мужики оберегают пуще самой жизни. Ромка продолжил прикидываться, что девушка эмо для него всего лишь пустое место.

На красивых девчонок не обращают внимания либо мужики больные, либо бывшие бойфренды. Реакцию Ромки я отметил.

Ромка заёрзал на стуле, привлёк моё внимание.

– Мы закончили? То, что хотели, вы узнали?

Я протянул Ромке визитку.

– Держите. Того, что вы рассказали, на полное оправдание перед Михалычем не хватит. Жду звонка. И помните: жигулёнок уже может стоять за углом.

Ромка взял визитку, рассмотрел, сунул в портмоне, поднял взгляд на меня.

– Скажу бармену, чтобы пиво вам давал бесплатно.

– А зелёный чай?

– Такая роскошь у нас только для дирекции.

Ромка вывалил своё сало из стула, сгрёб со столика бумаги в охапку, сунул подмышку. Я сделал Ромке ручкой. Ромка выдавил улыбку, кивнул, бочком – чтобы не встречаться

взглядом с девушкой эмо – потопал к барной стойке.

Как только обменялся с барменом парой слов, Ромка протиснулся в дверь за спиной бармена. В ту же дверь уплыла колоритная дама пышных форм, что корпела с Ромкой над бумагами, когда в кабаk зашёл я.

Пока провожал взглядом Ромку, я придумал сто причин для знакомства с девушкой эмо, что взглядом как серпом резанула ромкину гордость.

*

*

Девушка эмо покинула свой столик, без церемоний подседа за мой. Сто причин для знакомства я придумывал зря.

Девушка эмо улыбнулась.

– Не помешаю?

Я покачал головой.

– Меня Анютой зовут.

– Ян.

Официантка принесла эмо Анюте бутылку пива и стакан. Анюта наполнила стакан, чокнулась с моим виртуальным, отхлебнула, облизалась.

Я присмотрелся к соседке. Искал десять отличий от всегдаев ромкиного кабака. Не нашёл. Эмо Анюта оказалась той же породы, что и та мартышка, что сидела на коленях у Ромки. Тоже в нанюбке и тоже мечтает посидеть на коленях богатого дядьки.

Официантка принесла чашку с коричневой жидкостью,

поставила передо мной. Над чашкой клубился пар. Анята заглянула в чашку. Глаза Аняты – и без того размазанные эмо-макияжем на пол-лица – увеличились вдвое.

– Горячий коньяк?

Официантка хмыкнула.

– Это чай, Анята. Нашему гостю Ромка заказал чай.

Девушка эмо впала в прострацию. Я поднял взгляд на официантку, улыбнулся.

– Я просил зелёный.

– Хорошо, хоть нашли чёрный. Из личных запасов бухгалтерии.

Анята очнулась.

– Бухгалтерши? Этой жирной коровы?

Официантка откланялась, удалилась без ответа. Анята посмотрела на меня, перевела взгляд на чашку чаю, покачала головой.

– Вы пьёте чай, причём здесь... Вы кто, Ян?

Я протянул визитку. Девушка эмо нашла знакомые буквы, зашевелила губами.

– Частный сыщик?

Анята сунула визитку в сумочку, указала взглядом в сторону барной стойки.

– Сыщик, хотите узнать, куда Ромка убежал, когда я пришла?

– Наверное, к бухгалтерше этого заведения.

– Точно, к этой шлюшке. Там у неё кабинет.

– Зачем мне знать, что бухгалтер – шлюшка?

– Ромка с ней спит, а мне это не нравится.

– Думаете, мне интересно знать...

– Почему выкаете? Я так старо выгляжу?

– Меня не волнует, с кем спит Ромка. Усекла?

– Повежливее, дядя! Или не скажу то, что вам – я знаю точно – понравится. Усекли?

Затем Анята спросила, хочу ли я кое-что узнать насчёт Ромки и того очкарика, который пропал. Ведь я пришёл к Ромке из-за очкарика, правда? С чего Анята взяла, что я пришёл из-за очкарика? Всё просто: ведь это я набил Ромке и его дружкам морды, когда они в парке лупили очкарика. И это я недавно приходил опять, когда очкарика побили снова.

Свою инфу Анята обменяет на мою услугу. Анята не уверена, что Ромка с бухгалтершей спит. Анята только подозревает. Аняте надо знать точно. И если Анята не ошиблась... Тогда Анята Ромке оторвёт то, без чего с бухгалтершей Ромка завяжет вмиг.

Что я получу взамен? Анята расскажет про кровь очкарика. Но Анята не дура. Сначала я помогу ей.

Я взвесил все “за”, отхлебнул чаю, кивнул.

– Что я должен сделать?

Эмо Анята помрачнела.

– Я его ненавижу. Когда-нибудь я его убью.

– Анята, представь на минутку, что твоего кореша сегодня вечером убивают.

– И слава богу! Напьюсь и станцую на столе.

– Теперь представь, что я – мент. Если твоего кореша пришьют, то кого первого я вызову на допрос? Тебя. Ты сказала, что хочешь убить Ромку.

– Блин...

– Кстати, Ромку в субботу и воскресенье видела?

– Мы вчера уже писали бумажки, что видели Ромку и в субботу, и в воскресенье.

– Говори своё задание.

Анюта изобразила плаксу. Ещё бы! Ромка гулял с Анютой целый месяц, а потом бросил, как какую-то сучку. Теперь Ромка таскается с бухгалтершей. Моя задача: разузнать, Ромка с бухгалтершей спит или нет.

Мне только и надо, что попасть в квартиру бухгалтерши. Если там у входа стоят синие вельветовые тапки, то Ромка у казначея бывает. Я чуть не свалился со стула. Тапки!

Анюта пояснила, что Ромка эти тапки обожает. Если у кого на ночь остаётся часто, то первое, что делает, это приносит с собой синие вельветовые тапки.

От меня требуется узнать, есть ли в указанной квартире синие мужские вельветовые тапочки сорок пятого размера. Взамен Анюта расскажет про кровь очкарика. Если точнее, то Анюта знает, где искать кровь того очкарика, который пропал.

Откуда Анюта знает, что очкарик пропал? Ромка сказал всем, что Ромку с друзьями вызвали на допрос. Ромкин па-

па как-то узнал, что Ромку вызвали из-за того очкарика, которого Ромка побил тогда здесь, в парке. Вроде как очкарик пропал.

Зачем Ромка про вызов на допрос рассказал всем? Чтобы желающие написали, что видели Ромку и его дружков всю субботу и воскресенье. Пришёл адвокат, и желающие – а их собралось три автобуса – написали то, что продиктовал адвокат. Липовым свидетелям адвокат дал по сто баксов.

Я напомнил Аняте, что лжесвидетельство наказуемо. Анята фыркнула.

– Да ладно! Кто докажет? Не написали бы мы – так есть другие. Мы не дуры, чтоб отказываться от сотки.

– Ты под Щучье на шашлык ездила?

Анята кивнула, приосанилась, поправила волосы.

– А как же! Когда с Ромкой встречалась, то ездила.

– Обычно ты ехала с Ромкой в субботу на его машине и...

– Нет. Они в субботу едут всегда только втроём, там напиваются, и падают. Отдыхают по-пацански, как они говорят. Мы приезжаем утром. Они нас забирают от трассы.

– Ромка с дружками уезжал в субботу вечером?

– После обеда. Часа в три. Не вечером.

– Ты с девочками приезжала в воскресенье утром. Рано?

– Конечно! Часов в одиннадцать уже выходим из маршрутки. Чего вы меня выпрашиваете про шашлык? Я вам собиралась рассказать про очкарика.

Анята осушила бутылку пива, вытерла губы ладонью. Я

допил чай, промокнул губы салфеткой. Девушка эмо перевела взгляд с меня на салфетку, фыркнула.

– Культурный, что ли? А я, значит, из народа?

– Где ты видела кровь очкарика?

– Щаззз! Вы меня держите за дурочку?

Я хмыкнул. Анята улыбнулась.

– Вы про Ромку и ту корову бухгалтершу узнаете?

– Где она живёт?

– Здесь рядом, на Колодезной. Семнадцатый дом, первый подъезд, первый этаж, первая квартира.

Я встал, оставил на столе за чай, прибавил десятину на чай.

Эмо Анята расстегнула две пуговицы на блузке, откинулась на спинку, выпятила грудь, улыбнулась как актриса порнофильма.

– Уже уходите? Скоро вечер, я буду скучать, а у вас на пальце нет кольца.

– У меня есть твоё задание и мой интерес.

Когда выходил из кабака, краем глаза заметил застывшую мимику Аняты. Девушка эмо впала в депрессию. То её бросает Ромка, то незнакомец без обручального кольца. Эмоций на всех не напасёшься.

На табличке, что висела рядом со входом в кабак, я изучил расписание работы. Кабак Ромки обслуживает клиентов с девяти утра.

У входных ворот парка я взглянул на часы. Начало пятого.

После четырёх жековскую братию на объектах не встретишь, ибо готовится к концу рабочего дня. Самое время наведаться в подвал первого дома по Колодезной, где в первой квартире живёт бухгалтерша Ромки.

*

*

Подъезд ромкиного казначея охранялся обычным замком. Домофоном не пахло, консьержкой тем более.

Замок стальной подъездной двери я открыл куском проволоки за секунду. С навесным амбарным замком, что заперал люк в подвал, провозился четверть минуты с нормальной отмычкой.

Я нырнул в подвал. Закрыл за собой люк аккуратно в тот момент, когда отрылась подъездная дверь.

Над головой пошаркал, побряхтел на лестнице старичок. Возле подвального люка не остановился, значит, на снятый замок внимания не обратил. Значит, для жильцов открытый подвал в порядке вещей. Большого мне и не надо.

Когда старичок удалился, я прислушался к подвальным звукам. Под вторым подъездом травил водопровод, ругались коты. Рядом со мной в канализационной трубе журчала вода.

Я включил фонарик, шагнул в царство котов и блох.

Первым делом осмотрел канализационные трубы. Мне повезло, в доме бухгалтерши чугунные трубы советских времён заменили пластиковыми. Разбирать чугунину не пожелаешь и врагу. Разъединить сочленения пластиковые сможет

и ребёнок.

Я пробрался под первую квартиру. В поисках нужной точки в подвале я полчаса не рыскал, ведь планировка девятиэтажек изысками не страдает. На весь район пять-семь проектов. Расположение квартир в наших домах я выучил сто лет назад. Зря, что ли, излазил все подвалы района в поисках пропавших мэйнкунов и болонок?

Мой осмотр с пристрастием канализационная труба казначейского стояка выдержала. Трубу и фасонину будто только что установили. Попробовал отсоединить трубу казначейского стояка от общей системы. Пошло как по маслу.

Я прошвырнулся по подвалу, нашёл обрывки тряпья и промасленной ветоши, смотал в плотный клубок.

Дождлся, пока стечёт вода из очередного унитаза, одним движением отсоединил канализацию казначейского стояка от общей трубы дома, воткнул клубок ветоши в трубу казначейского стояка как пробку в бутылочное горлышко.

Через три минуты наверху открыли кран, по стенкам трубы зажурчала вода. Моя пробка держалась как заводская пластиковая заглушка, на пол подвала не протекло ни капли.

Спустя минуту кляп из трубы я выдернул. В подвал хлынула порция грязной воды, что собралась за то время, пока в трубе торчал клубок ветоши. Я дал воде стечь, затем в один приём подсоединил казначейскую трубу к общей трубе дома.

Репетиция удалась.

Утром соседи сверху куда чаще чем днём сливают унита-

зы, ванны, принимают душ, умываются. Куда денется смесь грязной воды с дерьмом и шампунями, если труба стояка заткнута пробкой?

Ромкиной бухгалтерше повезло жить в моём районе. Аварийка нашего ЖЭКа на вызов приезжает в лучшем случае через полчаса. Пусть у тебя дерьма в квартире хоть под потолок, а в нашем ЖЭКе спешить не любят.

Я сунул клубок ветоши в угол, прикрыл обломками теплоизоляции.

На выходе из подвала, возле люка, я задержался. Пришлось подождать, пока очередной жилец вызовет лифт и умотает наверх.

Когда шаги в подъезде стихли, я выпрыгнул из подвала, вернул замок на дверцу люка, шагнул к выходу.

Сзади послышался рык. Болонки так не рычат, потому что без резких движений оборачивался целую вечность.

Обернулся. Мне в глаза смотрела кавказская овчарка. Милая псинка весила вдвое больше меня. Сидела собачка на ступеньках первого этажа, привязанная к перилам длинным поводком. Намордника, как водится, на ласковой мордашке не наблюдалось. Рядом с охранником стояли пластиковые окна. Только привезли, ещё в упаковке.

Я попятился к подъездной двери.

Собачка смотрела мне вслед, рычала. Я топал, молился. Захоти псинка, и дотянулась бы до меня в один прыжок.

Обошлось. Я спиной добрался до двери, нащупал замок,

открыл вслепую, покинул подъезд как пушинка, без единого звука. Собачка заткнулась, лишь когда я закрыл подъездную дверь.

Не иначе как какой-то придурок привёз окна, часть повёз домой на лифте, а те, что в лифт не влезли, оставил под охраной кавказского монстра.

По пути домой я про себя, с выражением, с сочными оборотами материл хозяина собаки. Тирада растянулась минут на пять. Повторился лишь пару раз. Это ж надо! Оставить здоровенную псину в людном месте без намордника!

Успокоился аж в хозмаге, что в двух шагах от моего дома. Купил баночку белой нитрокраски с распылителем и рулон белой плёнки-самоклейки.

*

*

Дома я присел к компу, влез в интернет. Нашёл изображение разводного ключа, распечатал, вырезал силуэт инструмента. Получил трафарет. Распечатал слово “сантехработы”, вырезал в бумаге буквы, получил ещё один трафарет.

Из кладовки достал старый синий сто раз стиранный комбинезон. Приложил трафареты к спинке комбеза, задул прорезы в бумаге белой нитрокраской. Через пять минут краска высохла. На спинке комбеза осталось изображение разводного ключа, чуть ниже – слово “сантехработы”.

Попил чаю, перевёл дух, продолжил.

Распечатал в двух экземплярах слово “сантехработы” и

номер моего мобильного крупным шрифтом так, чтобы каждая буква заняла половину листа А4. Вырезал трафареты, приложил к плёнке-самоклейке, обвёл карандашом, вырезал из плёнки буквы и цифры.

Через десять минут надпись “сантехработы” и номер мобильного красовались по обоим бортам моего джипчика. В багажник я сунул ящик с инструментами.

Что надо ещё, чтобы прикинуться сантехником?

В семь позвонил Юсуп.

– Ян, новости есть?

– Алиби тарантин липовое. Адвокат заплатил по сто баксов за подпись под свидетельством.

– Кто бы сомневался! Вот если бы тот, кто тебе это сказал, написал показания на бумаге...

– Тарантины – вся троица – были без присмотра с обеда субботы и примерно до одиннадцати утра воскресенья. Тебе этого мало? Надо ещё подписать?

– Без бумажки это только слова, не включай дурачка. Паршиво, что тарантины почти сутки были без присмотра, паршиво. Чтобы закопать очкарика, хватит и часа. Я проверил трубки тарантин.

– Что-то интересное?

– Примерно всё то время, на которое у сынков нет алиби, их трубки маячили возле речки рядом со Щучьим. Похоже, они таки шашлычничали, не врут.

– В том же месте отключилась трубка очкарика.

– Помню. Ладно, до завтра.

Юсуп отключился, моих пожеланий спокойной ночи не дождался.

После ужина я отключил телефоны, на шесть утра запланировал посиделки в подвале под квартирой ромкиного казначея, спать завалился в девять. Дневная жара ещё не спала, заснуть сразу не разрешила, дала время поразмыслить, одуматься.

Кабак Ромки – если вывеска у входа в общепит не врёт – открывается в девять. Бухгалтерше топать от дома до места работы от силы минут десять. Значит, выйти из дому должна примерно без четверти девять, чтобы успеть наверняка. Плюс косметика, выкрутасы перед зеркалом, полчаса на завтрак, полчаса на душ-туалет.

Как ни крути, а раньше половины восьмого мне в подвале первого дома по Колодезной делать нечего. Если, конечно, казначей не просыпается в пять для утренней пробежки. Я вспомнил габариты и рыхлость тела ромкиной бухгалтерши. После совещаний со здравым смыслом решил, что пышка под центнер весом вокруг дома по утрам не бегают.

Прежде чем провалиться в сон, я перенёс визит в подвал казначея на семь, внутренний будильник поставил на половину пятого.

*

*

Утреннюю тренировку я начал без четверти пять, в семь

запарковал авто рядом с домом ромкиного казначея. Для машины нашёл место с той стороны дома, куда окна бухгалтерши не выходят.

Перед тем как забраться в подвал, я осмотрелся, нет ли поблизости милых кавказских овчарок, привязанных так, что до меня дотянутся в один прыжок. Осматривался я со здоровенной сарделькой в руке. Взятки в этом деле я не осуждаю. Вторая и третья сардельки ждали своей очереди в карманах.

Псиной не пахло. Я спустился в подвал. Под квартиру казначея пробрался без приключений.

Из-под обломков теплоизоляции я вытащил клубок тряпья и промасленной ветоши, что спрятал накануне. Сел на кирпич, настроил слух на звуки сверху, с потолка подвала. Ромкина бухгалтерша – дама немаленькая. Каждый шаг человека весом в центнер по полу первого этажа слышен в подвале так, как если бы тебе прошлись по голове.

Двадцать минут я маялся от безделья. Приковылял облезлый подвальный кот. Сел напротив, принялся канючить. Я шикал на гостя с минуту, пока не понял, что котяра притопал на запах сарделек от моих рук. Чтобы попрошайка не заглушил нужных звуков, я поделился половиной сардельки.

В половине восьмого в квартире бухгалтерши со стороны спальни закрипела кровать. В восемь тридцать пять из спальни к туалету прошаркали тапочки. Пришлось слушать продолжение.

Полилась вода из унитаза.

Я приготовил клубок ветоши.

Хозяйка протопала в ванную. В такую жару душ по утрам не принимает только тот, у кого душа нет.

В подвал просочился шелест: пластиковые петли душевой занавески проехали по направляющей.

В дно ванны ударили струи воды. Донёсся стон облегчения. Ещё бы не стонать! Жарило всю ночь, а тут тебя обдаёт прохладной водой!

Времени намылиться я бухгалтерше не дал.

Без единого звука я разъединил стык канализационной трубы с отводом, воткнул в стояк заглушку. Умудрился даже не замочить руки.

Я пулей пронёсся к люку, выпрыгнул из подвала. За спиной раздался знакомый рык. Я повернулся, с проворностью факира достал из кармана сардельку. Кавказская овчарка вильнула хвостом.

На сей раз псинка охраняла пустую лестницу. Видать, хозяин вышел прогулять собачонку, да забыл сигареты. Вернулся за куревом домой, а собачку – опять без намордника – на минутку оставил в подъезде. Не таскать же беднягу вверх-вниз!

Я бросил сторожу сардельку. Кусок варёного фарша провалился в глотку собачонки без задержки, только зубки лязгнули на весь подъезд. Остаток взятки – полторы сардельки – псина проглотила за полторы секунды. Рык прекратился. Я перекрестился. Собачка завиляла хвостом, подняла с пола

пыль.

Я выскочил на улицу, оббежал дом, прыгнул в машину, в пять секунд подкатил к первому подъезду, под окна казначея.

С ящиком инструментов в руке, в синем потрёпанном комбинезоне с изображением гаечного ключа и словом “сантехработы” на спине – с тем же словом и моим телефоном на борту машины – я задрал голову вверх, всмотрелся в балкон девятого этажа, принялся сигналить. Я делал вид, будто меня – сантехника – вызвали, а подъездную дверь открыть забыли.

Краем глаза я уловил движение в окне квартиры на первом этаже. Через секунду звякнул мобильник. Я убрал палец с клаксона, включил на мобильнике запись разговора, снял трубку, представился.

– Сантехработы. Быстро, качественно, дёшево.

Динамик мобильника взорвался скороговоркой.

– Вас мне сам бог послал! Меня тут заливает. Я вызвала аварийку, но их пока дождёшься! Вы не могли бы посмотреть, что у меня с канализацией? Я тут, рядом. Вы стоите напротив моего окна. Посмотрите на первый этаж.

В окне на первом этаже раздвинулись занавески, показалась голая рука, помахала. Я кивнул: мол, вижу. Ромкин казначей тараторить не прекращал.

– Я вам заплачу, сколько скажете, только побыстрее, пожалуйста!

– Но у меня вызов. Надо установить мойку...

– У меня забила канализация, вы не понимаете?! Вы можете хотя бы посмотреть? Я же не бесплатно...

– Посмотреть? Что я там не видел?

– Ну, починить, если что. У меня из унитаза вот-вот перельётся... Позвонила в ЖЭК, но наши алкаши пока придут... а мне квартиру заливают. Ну, пожалуйста! Ну, я вас очень прошу!

Я склепал недовольную гримасу: мол, у меня дел по горло, а тут вы, хозяйка, со своим дерьмом! Три секунды я ломался, затем взглянул на окно казначея, кивнул, указал взглядом на подъездную дверь: мол, открывайте.

Не успел я подойти к дому, как бухгалтерша уже распахнула подъездную дверь. В махровом банном халате да с полотенцем на голове и без того немаленькая дама казалась вдвое больше.

Казначей всплеснула руками.

– Быстрее! Что ж вы так медленно, а?

– Мне спешить некуда.

Кавказская овчарка всё ещё охраняла лестницу. Рычать на меня псинка передумала, а вот вилять хвостом я её не просил.

Казначей посмотрела на меня, перевела взгляд на виляющий хвост, затем уставилась на меня как на Деда Мороза, что принёс подарки восьмого марта.

– Странно. Обычно Дик на незнакомых гавкает. Хотя бы

рычит. Ну, пошли, пошли. Не бойтесь, вы рядом со мной, Дик не укусит.

– Собачка ваша?

– Дик меня знает. Пошли.

Бухгалтерша открыла дверь в квартиру, жестом пригласила внутрь. У порога я натянул на мокасины пластиковые пакеты, шагнул в коридор. Бухгалтерша подарила мне восхищённый взгляд.

– Ну и сервис! Как в лучших домах!

Я взглянул на обувь, что стояла у двери. Туфли-балетки, босоножки, женские домашние тапочки. Синих мужских вельветовых тапок сорок пятого размера я не заметил.

На полу лежал коврик с хозяйской обувью, на стене висело зеркало, да рядом стену украшала вешалка из трёх рожков. Никаких ящиков, шкафов и антресолей, где могли прятаться ромкины тапки. Только зеркало, коврик да вешалка.

Я прошёл в туалет. Грязная вода вперемешку с ошмётками дерьма подступила к ободку унитаза. Я заглянул в ванную. Треть ванны заполнила та же смердящая смесь, что и унитаз.

Полочке, что под зеркалом, над умывальником, я уделил внимания куда больше, чем подтопленной ванне. Ни помазка, ни бритвы, ни пены, ни бальзама, ни лосьона, ни второй зубной щётки.

Второго полотенца в ванной не нашлось. Банный халат один, и тот на хозяйке.

Бухгалтерша заглянула в ванную через моё плечо.

– Видите этот кошмар? Хорошо, хоть не успела намылить-ся. Ведь так забивается канализация?

Я кивнул.

– Надо идти в подвал. Здесь мне делать нечего.

– Ну, так чего ждём? Пока перельётся?

– Как выходить-то? Там пёсик.

– Какой пёсик? Ах, Дик! Так он вас уже знает. Вон как вилял хвостом!

– Проведёте меня к подвальному люку, и сразу бегите домой. Как только вода из ванны и унитаза начнёт уходить, три раза стукнете по ванне.

Когда мы вышли, от Дика в подъезде остался только собачий дух.

Я с облегчением вздохнул, взглядом указал бухгалтерше на дверь.

– Идите домой и ждите.

– Я постучу. Три раза, я помню.

Бухгалтерша убежала. Я возблагодарил Дух Предков за то, что хозяйка не спросила, откуда у меня ключи от подвала. Ключи хранятся либо в ЖЭКе, либо у ответственного по подъезду. Слава богу, женщины на такие мелочи внимания не обращают.

В подвале я выдернул из казначейской трубы кляп, увернулся от хлынувшей смеси воды и дерьма. Сверху трижды донёсся глухой стук: бухгалтерша послала условный сигнал.

Когда поток дерьма и воды иссяк, я одним махом привёл канализацию казначейского стояка в норму.

Из подвала я вылезал под аплодисменты, ведь у люка меня ждала бухгалтерша. Дама от счастья светилась, разве что меня не расцеловала.

Я защёлкнул замок на люке, кивнул в сторону квартиры.

– Надо проверить, всё ли в порядке.

– Конечно! Идём! А вы думали, я вас вот так просто отпущу? Кстати, мне кажется, я вас где-то видела, причём совсем недавно.

– У меня такое лицо, что я похож сразу на всех.

В квартире я сделал вид, что проверяю, всё ли в порядке.

Заглянул в туалет. Унитаз в норме, только стенки в грязных разводах. Я слил воду. Унитаз заблестел.

На стенках ванны остались ошмётки дерьма. Я ополоснул ванну из душевой головки. Следы моего присутствия стекли в канализацию.

Моё усердие повергло бухгалтершу в шок.

– Где делают таких сантехников?

– Таких уже не делают.

– Жаль. Вы – просто подарок судьбы. Появились в нужном месте в нужное время. Сколько здесь живу – столько и слышу, как наши канализаторщики приезжают не раньше, чем в квартире наберётся дерьма по колено. Господи, я так этого боюсь!

– Бойтесь чего? Ходить по колено в дерьме?

– Канализаторщики. Они же вечно пьяные в дым! А вы трезвый. Я слышала, что они ходят по квартире, даже не снимая свои вонючие сапоги!

– В чём же им ходить по дерьму-то? Босиком? На мойку глянуть можно?

– По-моему, мойка в порядке. Но вы посмотрите, вдруг чего не так.

Я вошёл в кухню. На столе – одна чашка, одно блюдо, одна кофейная ложка. Три табурета под столом наверняка к линолеуму приросли, выдвинут только один.

Для блезиру я осмотрел мойку, слил пару литров воды.

На выходе из кухни взгляду открылась комната. Разобранная постель с одной подушкой. Вонючие мужские носки на люстре не висят.

Ни на кухне, ни в комнате синих вельветовых тапок сорок пятого размера я не углядел.

Когда вышел в коридор, бухгалтерша взялась за старое.

– Господи, как же мне повезло! Это ж надо! Стою мокрая, одной рукой вытираюсь, другой звоню в ЖЭК... Аварийку у нас вызвать – целая эпопея. А тут вы под балконом сигналите! Да ещё телефон на машине! Сервис, как в лучших домах...

– Меня ещё ждут те, к кому я приехал. Людям надо установить мойку.

– Да, да, конечно!

Я указал взглядом на телефон.

– Позвоните в ЖЭК, отмените вызов.

Хозяйка кивнула, порылась в кармане халата, выудила мятую купюру. За те копейки, что мне приготовила казначей, ни один частный сантехник в подвал, полный дерьма, не полезет.

Казначей улыбнулась, протянула гонорар.

– Большое вам спасибо!

– Спасибо – не деньги. С вас десять баксов, хозяйечка.

Можно по курсу.

– Сколько?! Я думала...

– Вернуть всё назад, как было?

– Нет! Я сейчас, подождите. Просто я думала...

Бухгалтерша метнулась в комнату, пошуршала бумажками, вынесла зелёный червонец, протянула мне. Я открыл дверь, сунул десятку в задний карман комбеза, шагнул из квартиры вон.

Тот задний карман в комбезе уже сто лет как распорот. Червонец выпал из кармана без промедления. Я сделал вид, что не заметил. Хозяйка промолчала.

Не видеть, как червонец упал на пол, бухгалтерша не могла. Значит, решила денежки прикарманить. Что ж, мы квиты: я надул её, она – меня. Правда, я схимичил первым...

Я сделал хозяйке ручкой, зашагал вверх по лестнице. Для пущей правдоподобности постоял на переходе между вторым и третьим четверть часа, затем спустился к машине.

Ромкин казначей вешала на балконной верёвке банное по-

лотенце, махнула мне рукой: мол, пока! Я ответил, мы друг другу улыбнулись, я отчалил.

За первым же поворотом я отодрал от бортов моего джипчика надпись “сантехработы” и номер телефона. Обрывки плёнки-самоклейки упокоились на дне ближайшего мусорного контейнера.

Я подкатил к парку Петровского. До открытия ромкиного кабака оставалось полчаса. Я прогулялся по парку. Вход в ромкин кабак из виду не упускал.

Без пяти девять в кабак вошла бухгалтерша. Через четверть часа вышла с папкой в руке, направилась к воротам парка. Спустя пять минут в кабак вошёл я.

*

*

Бармен поздоровался кивком. Я ответил жестом, осмотрелся. Заведение сверкало чистотой столов и пустотой стульев. Ни единого клиента.

Я подошёл к стойке. Бармен поставил передо мной чашку, улыбнулся как алкаш трезвеннику.

– Зелёный или чёрный?

– Вчера зелёного вроде не было.

– Шеф распорядился купить. Я так думаю, что специально для вас. Зелёный, чёрный?

– Я на минуту. Вчера я здесь разговаривал с...

С Анютой. Бармен видел. Мне лучше прийти вечером. Сейчас Аня ещё спит, это точно. Вчера сидела до двена-

дцати, набралась под завязку. Девочки отвели её домой.

Где Анюта живёт, бармен знает, но не скажет. Почему? Бармен не хочет, чтобы у него закончились чаевые. Телефон Анюты тоже не даст. Разве что с её разрешения. Звонить Анюте не станет, ибо будить человека грех.

Как добраться до Анюты, в кабаке знает вся обслуга, но ни один дурак мне не поможет. У обслуги правило: частная жизнь клиента – закон. Мне лучше прийти где-то после четырёх. Анюта уже будет.

Мы обменялись прощальными жестами.

На выходе из кабака я нос к носу столкнулся с Ромкой и фигуристой пышной девицей, казначеем.

Ромка застыл в дверях. Бухгалтерша расцвела, улыбнулась мне как боевому товарищу.

– О! Ещё раз здравствуйте! Вы уже отработали?

– Да.

– Мойку установили? Всё в порядке?

– В полном.

– У меня тоже. Канализация работает. Спасибо.

Ромка посмотрел на меня, перевёл взгляд на бухгалтершу.

– Ты это о чём? Вы знакомы? Какая канализация? Это Янов, частный сыщик.

Бухгалтерша сузила глаза.

– Сыщик?

Ромка посмотрел на меня.

– О чём вы оба говорите? Какая канализация? Какая мой-

ка?

– Я подрабатываю сантехником.

– Шутите?

– Ничуть. Спросите у своего бухгалтера. Час назад я спас её квартиру от потопа и заработал десять баксов. Правда, тот червонец я потерял.

Бухгалтерша отвела взгляд. Ромка пожал плечами.

– Ну и дела!

Я шагнул к выходу. Бухгалтерша очнулась, посмотрела на меня с издёвкой.

– Обычно Дик на незнакомых рычит. Вам Дик вилял хвостом. Всё ясно. Вы его прикормили. Хм... Значит, потоп устроили мне вы, да? И тогда же встретились с Диком. Тогда его и подкормили. Вот только откуда вы знали, что Дик будет на лестнице именно в тот момент? И кстати, откуда у вас ключи от моего подвала?

– Вам не бухгалтером, вам бы сыщиком работать.

– А я дура, со страху сразу и не допёрла, что такие совпадения бывают только в сказках. И канализация потекла, и сантехник появился сразу...

– А я, дурак, так и не понял, куда делись мои десять баксов. Ну, те, что вы мне заплатили.

Казначей покраснела.

– Кто дал вам право влезать в мою квартиру?

– Вы меня позвали. Разве не так?

– Да, но...

– Ещё и обокрали. Где мой червонец?

Бухгалтер проглотила язык. Я улыбнулся.

– Пока!

Без двадцати десять я причалил к дому. От нечего делать выдраил любимый джипчик: прошёлся пылесосом по салону, удалил с бортов следы плёнки-самоклейки, навёл глянец на кузов, стёкла, диски.

В половине одиннадцатого позвонил Крысько. Пригласил на допрос на три часа дня.

Я смотался на рынок, пополнил съестные припасы, ото-бедал, до двух вздремнул. В половине третьего я двинул на допрос.

*

*

На втором этаже конторы я нашёл девятое окно от угла дома, запарковал машину через дорогу напротив.

Перед тем, как отправиться к Крысько, я включил ноут, создал два ящика на майл-точка-ру, настроил пересылку писем с одного ящика на другой. Напоследок запустил и настроил программу, что сигнал с микрофона моего мобильного переводит в цифру и отправляет полученный файл на почтовый ящик.

Я спрятал ноут под сидение, представил финал допроса, ухмыльнулся.

Когда я вошёл в кабинет, крысиные глазки Крысько засияли, взгляд отправился шарить по моим карманам.

Я достал из кармана мобильник. Крысько улыбнулся, если можно назвать улыбкой обнажённые желтые зубы и пачку морщин вокруг крысиного носа.

Крысько указал взглядом на мою трубку.

– Прощу мобильный телефон выключить.

Я выключил мобильник, протянул Крысько. От радости следователь чуть не заплясал.

– Ну, Янов, теперь ты попал по полной!

– Пояснее можно?

Можно. Меня обвиняют в незаконном проникновении в чужое жилище. Кто обвиняет? Бухгалтер кабака, в котором я сую свой нос куда не надо. Надоедаю честным гражданам расспросами. Меня обвиняют в незаконном проникновении в чужое жилище, или в расспросах? Я обманом проник в квартиру потерпевшей. Есть заявление. Крысько может дать почитать.

Я отмахнулся.

– Читайте этот бред сами, Крысько.

– Что ты вынюхивал у бухгалтера?

– Для чего вы меня вызвали? Потерпевшая обвиняет меня в проникновении, или вы хотите узнать, что я вынюхивал?

– Не выёживайся, Янов!

– Проникнуть в её квартиру ваша жертва меня попросила. Есть запись. Дать послушать?

Крысько изменился в лице, от чего краше не стал ни на грамм, разве что только злее.

– У тебя есть запись?

– Диктофон сейчас на каждом мобильнике. Примочка классная, не использовать грех. Так что я не мошенник. Вошёл в её квартиру по её же просьбе.

– Но ты же не сантехник.

– Работу сантехника я выполнил, канализацию прочистил. А там не важно, кто я – слесарь или токарь.

Крысько сжал губы в белую полоску, засопел.

– Что ты вынюхивал у бухгалтера?

Я почесал затылок, рассмотрел трещину на потолке, перевёл взгляд на Крысько.

– Господин следователь, мне кажется, что я вам рассказал всё. Я прочистил даме трубы. Канализационные. Догадываетесь, что было внутри труб? Вот это дерьмо я у бухгалтера и вынюхивал.

– Не полощи мне мозги, Янов! Я тебе задал вопрос! Отвечать!

Я молчал. Морда Крысько наливалась кровью.

Крысько взял со стола мой мобильник, отстегнул от трубки батарею.

Я скорчил гримасу дурачка.

– Господин следователь, вы сняли батарею с моего мобильного на всякий случай? Чтобы трубка не позвонила моему адвокату, когда вы будете меня бить?

Крысько подошёл ко мне.

От первого удара в ухо я увернулся. Морда Крысько – и

без того багровая – получила новую порцию крови. Не морда, а светофор.

– Встать, падла!

Приказ я выполнил ещё до того, как Крысько захлопнул пасть. Я даже успел вставить пару слов.

– Вы мажете, Крысько. Хотели дать мне в ухо, или гоняете ветер кулаками ради разминки?

– Я тебе сейчас, мля, махну! Ты у меня, урод, юшки нахлебаешься до посинения!

– Только не бейте, это же незаконно!

– Здесь я – закон!

От второго удара в живот я не уворачивался. Не тот у Крысько удар, чтобы бояться последствий. Для приличия согнулся пополам, постонал, подышал как загнанный суслик.

Когда я разогнулся, Крысько сиял.

– Ещё умничать будешь, падла? Или добавить?

– Добавьте, господин следователь. Иначе буду умничать.

Третий удар планировался по почкам. Крысько уже занёс кулак, как напоролся на мой издевательский взгляд. Крысько опустил руку, сузил крысиные глазки.

– Что лыбишься, урод? Ты ж мобилку сдал!

– Вы ж меня не обыскали. Наш разговор записан.

– А ну, сдать!

– Что сдать? Файл с записью вашего допроса с пристрастием? Он на почтовом сервере, а тот в Москве.

Крысько забрал ноздрями пару вёдер воздуха с шумом

пылесоса, сложил руки за спиной.

– Если ты меня дуришь, молись! Пока не докажешь, твои слова останутся только словами. Я тебя запросто посажу суток на пятнадцать. Причину придумай сам.

Я кивнул на монитор, что стоял задней крышкой ко мне, к креслу Крысько передом.

– Выйти в интернет этот компьютер может? Если да, то вы можете прослушать наш разговор вплоть до этой секунды. Или до этой. Или до той, до какой захотите.

– Выход в интернет есть.

– Зайдите на почтовик майл-точка-ру.

Крысько сел к монитору, пощёлкал мышью.

– Ну, вошёл.

– Введите логин латиницей. Диктую по буквам: к-р-и-с-е-о-т-д-р-у-г-а. Выберите домен майл-точка-ру. Пароль: три единицы. Проверьте почту.

Крысько щелкнул мышью, уставился в экран. Я подождал, пока до аналитика дойдёт смысл тем, указанных в письмах, что лежали в папке для входящих.

Крысько покрутил колёсико мышки, уставился на меня.

– Здесь куча писем с цифрами в темах. Что эти цифры означают? Какое письмо открывать?

– Цифры – это время в секундах от момента, когда я включил микрофон на запись. Письма приходят с интервалом в минуту. Видите, последние цифры в темах писем отличаются? Открывать можете любое письмо, но лучше то, что при-

шло последним. Там запись длиннее на минуту.

Крысько щёлкнул мышкой. Через пять секунд из динамиков донёлся вопрос Крысько: “Какое письмо открывать?”, заданный минуту назад. Крысько прервал воспроизведение, постучал ногтем по мышке.

Я улыбнулся.

– Как видите, Крысько, я вас не обманул. Микрофон слушает, машина пишет, почта шлёт. Всё работает как часы. Ваши угрозы и звуки избиения подозреваемого записаны в прекрасном качестве. Служба внутренних расследований от восторга изойдёт кипятком.

Крысько пощёлкал мышью, встал из-за стола, подошёл ко мне, ощерился.

– Дурак ты, Янов. Я стёр весь твой компромат. Ты же дал мне доступ к этому ящику. Ты что, тупой?

Я хохотнул.

– Неужели вы думаете, Крысько, что я отдал вам компромат как последний дурачок?

Крысько уставился на меня как, наверное, смотрит в зеркало после перепоя и пытается узнать того дебила, что в отражении.

– Что ты мне недорассказал?

– Самую малость. На тот ящик, пароль от которого я вам дал, копии файлов с записью пересылаются с другого ящика автоматически. Каждую минуту – новое письмо с копией записи. Вот от того – другого – ящика, я вам пароль не дам,

и не просите.

Крысько вернулся за монитор.

– Каждую минуту, говоришь? Проверим.

Судя по тому, как Крысько заиграл желваками и заелозил по коврику мышкой, почта работала как часы.

Я улыбнулся.

– Вы удалили ещё пару писем? Какой смысл? Каждую минуту на этот адрес будет приходить новое письмо до тех пор, пока я здесь.

– До тех пор, пока микрофон передаёт сигнал. Я вот тебя сейчас обыщу, и письма приходить перестанут. Запись-то остановится.

– Глупо. Письма будут приходить до тех пор, пока я не отключу их отправку. Письма будут новые, а файл в них – с последним обновлением. Так что отключай микрофон, не отключай, а писем в вашем ящике будет полно.

Крысько заскрипел извилинами, засверкал глазками. Я заулыбался.

– Ведёте себя неразумно, Крысько. У меня осталась ещё та, первая запись. Теперь есть и эти. Что будете делать, если я отправлю записи куда следует?

Крысько сопел, молчал, взглядом сверлил дырки в моей груди.

Я взял со стола мой мобильник, пристегнул батарею, сделал Крысько ручкой.

– Адиос, амиго! Попробуйте меня остановить.

Крысько уставился в монитор. Наверное, ждал, когда взорвутся серверы по адресу майл-точка-ру.

Если бы Крысько меня спросил, как я записал наш разговор, я бы рассказал, что когда он отстегнул батарею от моего мобильного, в трубке включился микрофон. Заодно заработала маленькая платка-передатчик, что питается от микробатарейки. У меня есть знакомый радиолюбитель, он пасть такие штучки обожает. Сигнал от передатчика принимает ноут, что лежит в моей машине, которую я запарковал напротив окон Крысько. Нехитрая прога пишет сигнал в файл, и передаёт на почту. То же происходит при выключении трубки. Вот и вся недолга.

Как я провернул фокус с письмами, Крысько не спросил. Нет вопроса – нет ответа.

Я вышел. За дверью раздался грохот. Наверное, Крысько треснул по столу кулаком. Лучше бы головой, тогда в следующий раз терять на идиота кучу времени не придётся.

В машине я достал из-под сидения ноут, отключил создание и пересылку писем на ящик Крысько.

Системные часы на ноуте показывали половину четвёртого. После четырёх в кабаке Ромки приходит Анюта.

Я выключил ноут, завёл мотор, пришпорил джипчик, взял курс на парк Петровского.

*

*

Джипчик я оставил у центрального входа в парк. Моя про-

гулка по тенистой аллее закончилась возле скамьи, от которой видны и вход в ромкин кабак, и летняя площадка у входа, и дорожка от центральной аллеи парка к кабаку.

На посту я проторчал час с лишним: уселся на скамью в четыре, эмо Анюта зацокала каблуками-шпильками по дорожке к кабаку в семь минут шестого.

Я нагнал девушку эмо возле входа на летнюю площадку, взял под локоть. Анюта улыбнулась, поправила волосы.

– То, что я просила, вы узнали?

– Давай отойдём. Пока я узнавал, нажил в этом кабаке кучу друзей.

Я взял Анюту под руку, увлёл к центральной аллее. Мою скамейку старички и старушки занять не успели.

Эмо Анюта плюхнулась на деревянное сидение, ударилась костями, ойкнула, окинула меня осуждающим взглядом.

– В ромкином кабаке стулья поудобнее.

– Рассказывай, где искать кровь очкарика.

– Сначала вы.

– Синих мужских вельветовых тапок сорок пятого размера в квартире бухгалтерши не видел. В ванной нет ни помазка, ни бритвы, ни пены, ни бальзама, ни лосьона, ни второй зубной щётки. Отдельного полотенца тоже нет. Банный халат один, и тот женский. Вонючие мужские носки на люстрах не висят. Табуретки из-под кухонного стола выдвигаются по праздникам. Подушка на кровати одна.

Анюта фыркнула.

– Жаль, что ошиблась. Так хотела её поймать!

– Может, имеет смысл ловить ту, которая сидит у Ромки на коленях, пока ты подозреваешь бухгалтершу?

– Ту ловить нечего. Она у Ромки на пару дней.

– Что с кровью очкарика?

– Проверьте ромкин джип. Вчера утром обивку на полу багажника Ромка отстирывал от крови.

Я принялся задавать уточняющие вопросы. Анята с огромной неохотой принялась отвечать.

Вчера с утра бухгалтерша ездила с Ромкой по делам. На ромкином джипе почти все девчонки из кабака съездили с Ромкой по делам. За то Анята Ромку и ненавидит.

Ромка по пути заехал на автомойку, дал задание мойщику вымыть на полу багажника пятно от крови. Бухгалтерше сказал, что кровь натекла из пакета, где лежало мясо для шашлыков.

Вчера вечером бухгалтерша вышла в зал, выпила пару рюмок. Она не пьёт вообще, только чай. А тут водка! Ну, Анята и подседа. Вдруг бухгалтерша с Ромкой разругалась, интересно ведь! Поболтали. Казначей сказала, что боится. Все знают, что очкарик пропал, и что Ромку с друзьями подозревают, а тут кровь!

Бухгалтерша не сказала, что в ромкином джипе кровь очкарика. Только подозревает. Анята, наоборот, уверена. Анята ездила с Ромкой на шашлык не раз и не два, и крови в багажнике не было. А тут пропадает очкарик и в багажнике

Ромки появляется кровь. Если та Дура-Толстая-Корова бухгалтерша ещё сомневается, то Анята уверена: джип Ромки залит кровью очкарика.

Я обмозговал инфу, хмыкнул.

– По-моему, я купил у тебя туфту, Анята. То вполне может быть кровь от мяса. Крови очкарика в машине Ромки не найдут.

– Думайте, как хотите. Та кровь не от шашлыка.

– Ты Ромку ненавидишь, и готова увидеть кровь очкарика у Ромки на лбу. Где эта автомойка?

– Какая разница? Раз я продала вам туфту...

– Если пятно крови видела только бухгалтерша, и я начну расспрашивать о пятне, то Ромка сообразит, кто его сдал.

– Ну и пусть! Пусть он этой суке даст по морде!

– Анята, подумай хоть минуту. Если бухгалтерша кроме тебя о пятне не говорила никому, то она поймёт, что её сдала ты. В отместку скажет Ромке. Тебе это надо?

– Я Ромку не боюсь. У меня брат – снайпер.

Девушка эмо с минуту рассматривала бесконечность.

Когда очнулась, шлёпнула себя по бедру.

– Ладно, вы правы. Лишние проблемы мне не нужны. Автомойка на углу Проспекта и Гражданской.

– Так бы сразу.

– Я тут подумала... Если Ромка знает, что пятно видела только бухгалтерша и мойщик, то Ромка устроит парню весёлую жизнь. И всё из-за вас.

– И из-за тебя. Кстати, зачем ты топишь Ромку?

– Будет знать, как меня бросать.

– Если он сядет, то ты его уже не увидишь.

– Он всё равно ко мне не вернётся.

– Ты подставляешь и бухгалтершу.

– А вот её надо было вообще в первую очередь...

– Ты забыла, что синих тапок я у неё не нашёл.

– Она спрятала. Она хитрая.

– Вас, женщин, понять – проще застрелиться. Верите

только в то, что втемяшилось в голову.

Анюта фыркнула, оторвала зад от скамейки, оправила нанюбку, зацокала каблуками к ромкиному кабаку.

Я провёл девушку эмо взглядом, засмотрелся на восьмёрки, что выписывала нанюбка, вспомнил подсудный возраст Анюты, зашагал к машине.

Когда включил зажигание, часы на приборной доске показали половину шестого. Час пик. Работники автомоек в мыле, выкроить минутку для разговора сложно.

Я погнал джипчик на автомойку.

*

*

Без двадцати шесть я застрял в пробке на углу Проспекта Ленина и Гражданской. Рабочая перевозка ещё не закончилась. До цели не доехал полквартала. Осталось смотреть на автомойку сквозь стекло, пока течение выносило меня с перекрёстка.

Десять минут я полз в пробке со скоростью пять метров в минуту. От нечего делать рассматривал территорию автомойки. Забыл, как сие чудо выглядит, ведь на мойку не заезжал сто лет, машину мою дома.

Территория автомойки сияла чистотой. Ни пятнышка на бетоне, ни единой машины в очереди. Мировой финансовый кризис. Денег у народа нет даже на мытьё машины.

Когда, наконец, вырвался из пробки, я подкатил джипчик ко въезду в бокс мойки.

От стены отлепился полусонный паренёк-автомойщик под два метра ростом. Подошёл, осмотрел машину, пожал плечами.

– Зачем её мыть-то? Она ж блестит!

– Хотел дать вам на чай.

– За что?

Я вышел из машины, протянул парню руку.

– Ян.

Мойщик обтёр ладонь об комбез, пожал мне руку.

– Колян. Так за что хотели дать на чай, Ян?

– Хочу узнать, кто здесь работал вчера утром.

– Эта неделя моя. С понедельника.

– То есть со вчера. Отлично. Вчера утром сюда приезжал джип. За рулём сидел толстый пацан, под сто кило. С ним была крепкая девушка.

Колян девушку запомнил. Как не помнить! Девка клёвая. Жаль, ездит с идиотами. Ведь она прикатила с депутатским

сынком. Колян газеты читает. Тот толстяк с корешами побил какого-то доходягу. Урод, ещё и жлоб.

Почему жлоб? Чаевых не дал. Колян старался, а тот толстяк, мля... На таких уродов нет слов, одни маты.

За что тот толстяк должен был дать чаевые? Тот жлоб сказал отмыть пятно крови в багажнике. Пятно до конца не отстиралось. Колян то пятно и так, и эдак, а оно ни в какую. Чуть-чуть осталось. Совсем малость. Если не присматриваться, не увидишь. А это падло сказало, что раз Колян пятно не отмыл, значит, на чай не заработал. И ещё улыбнулся, скот!

Колян сплюнул, сообщил, что этих богатеньких уродов ненавидит. Эти падлы на джипах, а Колян хватает только на пиво да на китайский мопед в рассрочку. Чего их любить, уродов?

Я подытожил инфу Коляна, спросил, где конкретно искать то пятно в багажнике. На полу, на потолке? Куда смотреть, чтобы его увидеть?

Колян ткнул пальцем в воздух перед собой.

– Прямо по центру. С полметра вглубь. Оно хоть полностью и не отмылось, но заметить его сходу сложно. Надо приглядеться. Зачем вам так точно?

– Та кровь может быть пацана, который недавно пропал. Дело пахнет керосином. Не боитесь?

– Чего бояться? На мне той крови нет.

– Я не об этом. Вам придётся давать показания.

– Что тут страшного?

– Ваши показания нужны, чтобы следователь смог получить разрешение на обыск того джипа. Если вы письменных показаний не дадите, обыска не будет.

– Писать сейчас? Где?

– Если понадобится, к вам приедет следователь. Кстати, у вас есть шанс отвести от девушки неприятности.

– Красивая?

– Большая, высокая и фигуристая. Вы её видели. Она приезжала в том джипе, где пятно крови.

– О! Что ж вы молчали? Познакомите?

– Не сейчас. Через недельку-другую.

– Идёт. Я всё понял. Скажу, что кровь увидел сам, и заявил тоже сам, и вас не видел.

– Не бойтесь, что назовут стукачом?

– Я и сам собирался позвонить ментам, чтоб они толстого потаскали на допросы. Чтоб знал, жлоб, как зажимать чаевые.

– Кстати, о чаевых. Я потратил ваше время.

Я протянул Коляну зелёный червонец. Колян сунул червонец в карман, улыбнулся во все двадцать восемь.

– От этого дела отказываться грех.

– Вы уверены, что пятно от крови, не от краски?

– Я таких пятен посмотрелся на сто лет вперёд. Это кровь. Только я не знал, что человеческая. Тот толстяк сказал, что натекла из пакета, где лежало мясо для шашлыка.

– Не бойтесь, что толстяк, когда узнает, кто на него стукнул, вам припомнит?

– Я его, сынка, по всей мойке разложу на запчасти.

Я окинул взглядом двухметрового накачанного мойщика, представил в руках парня монтировку. Угроза выглядела реальной.

К мойке подкатил здоровенный американский пикап. На фоне монстра из Детройта мой джипчик выглядел машинкой из “Детского Мира”. Не хватало только верёвочки на бампере.

Колян жестом дал мне понять, что задерживаю. Я откатил машину, уступил место пикапу.

Как обычно – опосля – мелькнула умная мысль. Я притормозил на выезде с территории мойки, дал извилинам поскрипеть. Через минуту я утопил педальку газа. Джипчик помчал меня к парку Петровского.

*

*

Джип Ромки стоял у входа в парк, на видном и людном месте. Подобраться к машине незамеченным мог только человек-невидимка.

Я отогнал джипчик домой, оставил у подъезда. Желудок затребовал перекуса.

Ужинал я без спешки. Ждал начала сумерек.

В семь я переоделся в дежурный наряд взломщика. Шляпа на носу, очки на пол-лица, красная футболка. За пояс за-

ткнул тонкую зелёную майку-безрукавку. Чтобы прохожих не пугать, очки спрятал в карман.

К парку шёл пешком.

Джип Ромки стоял на том же месте – у ворот центрального входа в парк, у всех на виду.

Я прошёл мимо джипа в двух миллиметрах, едва не стёр штаниной пыль с переднего крыла. Сигнализация не сработала.

Остановился я в полусотне метров от джипа, под туями, где влюбленные любят назначать встречи. Я прилип к воротам парка взглядом ожидающего. Ради тренировки бокового зрения не упускал из виду джип Ромки. Чуть не окосел.

Вечерком, после дневной жары, желающих погулять под акациями и каштанами нашлось море. Пенсионеры, мамы с колясками, семейные пары сплошным потоком стекались в парк.

На десятой минуте, когда ждать я уже устал, любителей свежего воздуха поубавилось. Ворота парка опустели. От джипа Ромки до ближайшего пенсионера, топающего в парк, я насчитал метров семьдесят.

Я метнулся к джипу, на ходу натянул на нос очки, в три секунды вскрыл замок багажника, поднял дверцу.

Завыла сигнализация. Пенсионер, что топал в парк, глянул на мигающие повороты ромкиного джипа, на меня, на мои перчатки, засеменял прочь.

Я снял очки, осмотрел обивку на полу багажника. Сумер-

ки дали разглядеть ноль кровавых пятен.

Сигнализация не умолкала, выла на весь город. Я глянул по сторонам. Спасать ромкин джип от взломщика желающих не нашлось.

Я осветил центр багажника фонариком. Там, где сказал Колян с автомойки – в полуметре вглубь салона – на фоне бежевой обивки темнел контур пятна. Я выхватил из кармана лезвие, срезал с пятна кусочек обивки, сунул добычу в пакет.

В глубине багажника я заметил коробку с нарисованным кроссовком. Я дотянулся, сорвал крышку. В коробке лежали новые кроссовки размером с запаску джипа. Я схватил коробку, захлопнул дверцу багажника, рванул от воющего джипа прочь.

Из ворот парка выбежал охранник ромкиного кабака. Я включил режим спринта, пролетел до угла парка, оглянулся. Охранник не отставал. Я отбросил коробку с кроссовками, ходу прибавил. Через полсотни метров оглянулся. Охранник рассматривал содержимое коробки. Я перевёл дыхание. Охранник погрозил мне кулаком, потопал к джипу.

На всякий пожарный я пробежал ещё два квартала, нырнул в проходной двор. Я снял очки, шляпу, сменил красную футболку на зелёную майку-безрукавку – ту, что ждала своей очереди за поясом. Пусть теперь ищут вора в шляпе, очках и красной футболке.

Домой я вернулся прогулочным шагом. Полкилометра бе-

га по вечерней духоте дали о себе знать. По спине стекал пот, от подмышек несло таким ароматом, что Анюта из ромкиного кабака подумала бы трижды, прежде чем набиваться мне в компанию.

В восемь я выволок себя из душа. Если бы не сила воли, простоял бы под прохладной водой до утра.

Я заварил чай, набрал номер Юсупа. В ответ прослушал вереницу длинных гудков.

*

*

Не успел я набрать номер Юсупа заново, как с улицы донёсся сигнал юсуповой машины. Я отложил мобильник, пошёл открывать гостю.

Юсуп вполз как тот старый волк, которого ноги давно не кормят. По силе рукопожатия я бы сказал, что следовательно не ел и не спал с недельку.

Без витиеватых приветствий гость добрался до кухни, выпил мой чай, причмокнул.

– А чаёк-то хорош! Что новенького?

Я принёс прозрачный пакетик с кусочком бежевой обивки ромкиного джипа, положил перед Юсупом.

– Тебе подарок.

Юсуп поднёс пакетик к лампе, рассмотрел кусочек бежевой синтетики.

– Что за ерундень?

– Обивка багажника. Из джипа Ромки Маслины.

– Ромка? Ты ж звал его тарантиной.

– Отвык. На этом кусочке должна быть кровь. Мой источник божится, что кровь натекла из очкарика.

– Ну-ка, сбацай чайку, сыскарь-любитель. Сдаётся, в пять минут не уложимся.

Я включил чайник. Юсуп спрятал пакетик с обрезком обивки в карман.

– Ян, давай по-порядку. Когда, где, кто?

Я рассказал всё, что узнал о пятне. Источник инфы – Анюту – утаил. Затем я упомянул про автомойку, в подробностях передал показания мойщика Коляна. Напоследок объяснил, как добыл кусочек бежевой синтетики из багажника ромкиного джипа.

Для начала Юсуп отчитал меня за взлом машины. Затем сказал, что за улики, добытые взломом машины, ромкины адвокаты его засмеют. Напоследок утешился обещанием мойщика Коляна показания подписать.

Я попросил Юсупа сделать так, чтобы всем казалось, что пацан с автомойки позвонил сам, а уже на его звонок приехал Юсуп. Другим знать не надо, что инфа пришла к Юсупу от меня или от кого бы то ни было кроме пацана с автомойки. Юсуп пошёл навстречу. Старый лозунг “Береги информатора!” – всё ещё железное правило, а не анахронизм.

Чайник закипел. Я разлил кипяток по чашкам. Юсуп всыпал в чашку сахару, размешал.

– Ян, а если Ромка после твоего героического поступка

почует стрём? Ты срезал с пятна кусок обивки. Не то, чтобы кусок большой, но если Ромка присмотрится, то заметит. Поймёт, что машину взломали из-за пятна, и обивку выбросит.

– Вряд ли. Я стырил из багажника кроссовки, чтобы Ромка подумал на обычного вора. Когда за мной погнался охранник ромкиного кабака, кроссовки я бросил. Дурачок червячка проглотил, и не задумался.

– Он тебя видел? А если опознает?

– Плевать! Насчёт трубки очкарика мысли есть?

– Какие мысли? Да, мобильник очкарика отключился там, где тарантины шашлычничали. Да, в то же время, на которое у тарантин алиби липовое. Но это и всё. Как использовать, не знаю.

Юсуп улыбнулся.

– Ян, мы нашли того, кто снял кучу денег со счета в банке “Рантье”.

– И ты до сих пор молчал?!

– Получатель с воскресенья прохлаждается в морге.

– Чудненько!

– Кстати, я прошёлся и по другим версиям. Глухо. У родни очкарик не появлялся. Пылкой любовью – чтоб до романтического побега на Сахалин – не страдал.

– Сужает круг. Что там с банком?

Юсуп разразился монологом. Эти менеджеры... Ломались, ломались, пели песни о защите прав клиента, о том,

как они клиенту будут смотреть в глаза, ведь такой хороший клиент, столько денег перевёл, правда, все снял, но они и на комиссии заработали, и клиент не захочет работать с их банком опять, если они его сдадут милиции...

Юсуп ознакомил менеджеров со статьёй, на которую они себе наговорят, если не заткнутся и не начнут сотрудничать. Через пять минут Юсуп знал о клиенте всё, что знает служба информации банка “Рантье”.

Менеджеры дали Юсупу координаты получателя денег, Юсуп поехал по указанному адресу. Когда подъехали к дому, до Юсупа дошло: в воскресенье он на этот адрес уже выезжал. Кстати, тут рядом, на Колодезной. Третий дом.

По тому адресу живёт алкаш. Жил. В воскресенье соседи вызвали милицию, ведь алкаша не видели с пятницы. Каждый день алкаш возле рыгаловки – как штык. А тут исчез.

Соседи сказали, что последнее время мужика иногда видели трезвым, бритым, и даже чисто одетым. Наверное, тогда деньги и получал. В общем, участковый выбил дверь в квартиру, и нашёл алкаша со сломанной шеей. Лежал возле стремянки. Похоже, мужичку свернули шею, а потом поставили стремянку рядом. Классика.

За что алкаша ронять со стремянки? Алкаш снял полмиллиона баксов.

Теперь Юсуп уверен, что упасть алкашу помогли. В первый приезд – в воскресенье – Юсуп думал, что алкаш неудачно свалился со стремянки, или родственничка уронили из-

за жилья наследнички. Родни у алкаша не нашлось. Значит, упал сам. Теперь Юсуп так, как в воскресенье, не думает.

Полмиллиона в квартире алкаша не нашли.

Когда Юсуп был у алкаша в воскресенье, то и мысли не допускал, что надо искать деньги. Квартира грязная, полно хлама... а какой ей быть у мужика, у которого последняя копейка уходит на самогон? Как Юсуп мог подумать, что надо поискать под половичком полмиллиона баксов?

Квартира алкаша опечатана. Когда Юсуп приехал на квартиру алкаша после банка, печать проверил по всем статьям. Не тронута. Квартиру перерыл. В кошельке покойного насобиралось на пузырь, да за обоями в туалете сто баксов по двадцатке. Наверное, процент алкаша за снятие денег.

Полмиллиона алкаш снял в пять заходов по сто тысяч за раз. Ходил в банк всю неделю, включая пятницу.

Юсуп помолчал, затем озвучил очередную версию: “О том, что алкаш снял кучу денег, прознали нехорошие дядьки”.

В таком случае дядьки пришли к алкашу домой, попросили поделиться. Понятное дело, у алкаша денег не нашлось. Дядьки спросили, где искать полмиллиона. Алкаш рассказал про очкарика. Дядьки свернули алкашу шею, чтоб не болтал. Затем дядьки добрались до очкарика. В таком случае очкарика тоже грохнули. Забрали деньги или нет, осталось лишь гадать.

Как злые дядьки на алкаша вышли? Юсуп винит работ-

ничков банка. Юсуп из них всю душу вытряс, а без толку. Клянутся, что алкаша не выдавали. Говорят, такие клиенты на вес золота. Если не врут, даже предлагали алкашу подвезти его с деньгами до дома на машине директора. Отказался. Конечно, откажется. Его же за углом ждал очкарик.

Вопрос в другом: как через алкаша можно было выйти на очкарика? Неужели очкарик оставил алкашу свой адрес?

Может, алкаш очкарика увидел случайно? Живут-то рядом. Жили. Увидел да проследил, а потом сказал нехорошим дядькам, где видел очкарика. А может дядьки, когда узнали об очкарике, подождали, пока очкарик захочет с алкашом встретиться, и...

Юсуп хлопнул по столу, аж чашки подпрыгнули.

– Это идея! Очкарик пропал в субботу после обеда. Доктор сказал, что алкаш покинул нас в субботу где-то в районе обеда, плюс-минус три часа с поправкой на жару.

– Алкашу свернули шею в субботу в обед? Выходит, очкарика можно не искать? Вернее, надо искать не очкарика, а могилку? Где будешь рыть?

Юсуп указал взглядом на потолок.

– Спрошу у него. Он знает всё.

– А я бы покопался рядом с речкой возле Щучьего. Там, где шашлычничали тарантины. На субботу, на после обеда алиби у них липовое.

– На завтра я уже снарядил экспедицию. Практиканты получают лупы и пинцеты, и...

– Завтра? Оперативненько.

– Как ты мне надоел со своими подначками!

– Кто вам покажет точное место шашлыков?

– Расспросим местных. Не знать, куда приезжают на шашлык городские, местные не могут. Плюс попросим оператора дать точное расположение вышки, которая приняла последний сигнал с мобильного очкарика. Не брать же с собой сына Маслины, чтобы указывал дорогу!

Юсуп отхлебнул чаю, воткнул взгляд в сахарницу. Через минуту Юсуп очнулся. Спросил, мог ли знать о сумме, которую снял очкарик, админ Серёга из техникума.

Я отмёл такую возможность сходу. Админ Серёга мог только угадать, как угадал я. Прямых наводок у админа нет. Как он – простой смертный – мог узнать то, что банк не хотел сообщать следователю?

Влезть в систему “Маниклик”, и там узнать о сумме админ Серёга мог, но это ж каким надо быть умником! С такими способностями “Маниклик” возьмёт Серёгу на работу с окладом в полмиллиона в месяц. И не надо мочить очкариков.

Минуту мы пили чай. Тишину нарушил я.

– Мы говорим так, будто связь очкарика с алкашом доказали, будто уверены, что на счёт алкаша деньги переводил очкарик, а не родственники алкаша из Америки.

– Такое возможно?

– Запросто.

– Что ж ты мне голову морочишь?!

– Спокойно, утомлённый свержурочник, спокойно! Алкаш получал деньги для очкарика, могу поспорить.

– С чего вдруг такая уверенность, спорщик?

– Когда ты узнавал о переводе из “Маниклик”, для общего развития поинтересовался, сколько таких переводов “Рантье” получает в месяц? Хочешь, поспорим на твои сто баксов, что такие переводы в Андрееве – птица редкая?

– Спорить не стану, потому как проспорю. Переводов из “Маниклик” всего-то и было, что только те, которые получил алкаш. Я узнавал.

Я на пальцах объяснил Юсупу, что таких совпадений не бывает. Сначала очкарик из забытого богом Андреева по нескольку раз в день заходит на страницу системы “Маниклик”, а затем из “Маниклик” в андреевский филиал “Рантье” на счёт алкаша приходят редчайшие для Андреева переводы.

Проверить легко. По времени переводы на счёт алкаша в “Рантье” совпадут с регистрациями очкарика в системе “Маниклик”. То есть после каждого входа очкарика на сайт “Маниклик” на счёт алкаша в “Рантье” зачислялись деньги.

Юсуп записал способ проверки в блокнот.

Я принёс диск, положил на стол перед Юсупом.

– Держи. Там копия тех файлов, что мне скинул на флэшку админ из техникума. Пусть ваши спецы проверят, совпадают ли по времени входы очкарика на “Маниклик” с попол-

нениями на счету алкаша в “Рантье”.

Юсуп повертел диск в руках.

– Ян, почему очкарик решил деньги вывести?

– Возможно, боялся их потерять. Мне было бы спокойнее, когда деньги в руках, а не в интернет-системе, которая может закрыться в любой момент. Если счёт заблокируют, что тогда? Деньги есть, а снять нельзя.

– А если очкарик жив? Сидит себе в уголке, да над нами смеётся. Пусть тут все побегают, а он пока посидит на Сахалине с подружкой, и потратит заработанные денежки.

– Почему нет?

– Как узнать, заходит сейчас очкарик на свои сайты или нет? Ведь он владелец, должен заходить на особую страницу, для хозяина.

– По-моему, узнать можно у владельца сервера.

– Чудненько! Нам и карты в руки. Ты говорил, что сервер стоит в Гондурасе. Завтра слетаю.

– В Эквадоре.

– Что так, что этак, а всё равно – глухарь. Что у нас в сухом остатке?

– Деньги получил алкаш. Мы не уверены, что деньги алкашу переводил очкарик. Очкарик пропал в субботу после обеда, и алкаша со стремянки уронили тогда же, и тарантинны с липовым алиби припадают как раз на то же время.

– Не густо.

Юсуп глянул на часы.

– Уже девять. Пойду. Мне ещё на мойку.

– Впереди целая ночь. Всё равно ты спать отвык.

Я провёл гостя, вышел на балкон глотнуть вечерней прохлады.

Юсуп завёл мотор, дважды пальнул по моему балкону дальним светом, посигналил, отчалил.

После мытья посуды и душа я завалился спать. Планов на среду не строил, ведь мой график зависел от результатов экспертизы того кусочка синтетики, что унёс Юсуп.

*

*

Юсуп позвонил в девять утра. Новостей – мешок, и сверху котомка.

Тот кусок обивки, что я срезал в ромкином джипе, пропитан кровью человека. Михалыч только что сдал кровь. К вечеру Юсуп будет знать, чья в багажнике кровь – очкарика или нет. Джип Маслины стоит у Юсупа. Опечатанный и разобранный по винтикам. Ковырялись всю ночь.

Накануне, после того, как погостил у меня, Юсуп поехал на автомойку. Мойщик Колян накатал заяву. По горячему Юсуп поднял шефа. Выковыряли экспертов из тёплой постельки. Эксперты приехали мигом. Ну и всю ночь напролёт. Спать Юсуп лёг в пять утра. Проснулся в половине девятого.

Кроссовки, что я стырил из джипа Ромки, в джип не вернулись. Наверное, охранник оставил себе. Сказал Ромке, что украли, кроссовки продал, а вырученные деньги...

Ромка написал заявку. Мол, вчера джип ограбили, кроссовки пропали. Заодно хотел Юсупу втюхать, что пятно появилось после того, как взломали джип. Шустряк, однако! Когда Юсуп сказал, что мойщик Колян видел пятно на день раньше... Хорошо, что адвокат был рядом. Подхватил под ручки, а то у Ромки затряслись коленки.

Переводы на счёт алкаша в “Рантье” и заходы очкарика на сайт “Маниклик” по времени почти совпадают. Выходит, алкашу деньги переводил очкарик.

Алкашу свернули шею. Очкарик пропал. Денег нет. Радужных мыслей у Юсупа не добавилось.

Зато появилась версия: может, очкарик ещё жив? Приковали к батарее да задают вопросы с пристрастием, а он пока молчит? Хотя вряд ли. Молчит уже четыре дня? Так долго? Либо уже сказал, где деньги, и тогда он – труп, либо... Либо не сказал, и тогда он – опять-таки труп. Весело.

Экспедиция практикантов с пинцетами и лупами радиogramм пока не посылает. Только-только приехали на место раскопок. Как что нароют, Юсуп звякнет.

Ромка гуляет на свободе. Что ему предъявлять? Даже если предъявить кровь очкарика, а не свиньи, у Ромки на субботу-воскресенье есть алиби. Ну и что, что липовое? Зато есть.

Михалыч, когда его вызвали, заявил: “Или вы говорите, зачем мне сдавать кровь, или я не сдаю!”. Пришлось сказать. От того, что Михалыч знает о пятне, Юсуп не в восторге. Михалыч и так тарантин не обожает, а теперь ещё и пятно

крови в багажнике Ромки. Михалычу-то терять нечего.

Под конец разговора Юсуп пообещал держать меня в курсе.

Не прошло и часа, как Юсуп позвонил вновь.

– Слушай, Ян, тут такое дело... Когда сможешь поговорить с Михалычем?

– Если он дома, то через семь минут.

– Ты к нему сходи, а? Пока этот осёл не наворотил делов, надо вправить ему мозги. Я ему звонил, но меня он не слушает. Зато тебя ставил нам в пример. Ты у него в авторитетах.

– В чём дело-то?

– Этот мститель попёрся в кабак Маслины, но Ромку не застал. Поклялся там прилюдно, дурак, что Ромку убьёт, и дружков-тарантин тоже. Пообещал ходить в кабак до тех пор, пока Ромку не застанет. Обслуга кабака в шоке. Говорит, орал как ненормальный.

– Кто говорит?

– Мне позвонил адвокат Ромки. Он всё и рассказал. Потом позвонил шефу. Сам понимаешь.

– Я должен объяснить Михалычу, какой Ромка хороший?

– Не ерунди, Ян! Скажи, чтобы помалкивал. Ещё один такой выбрык, и мы его загребём за угрозы. Тем более что нас об этом просят.

– Депутат Маслина и мэр?

– Получи приз за догадливость.

– Я схожу.

– Вот и ладненько. Кстати, спасибо за пятно.

– Сочтёмся.

– Куркуль. Такое понятие как бескорыстная мужская дружба тебе знакомо?

– Нет.

Юсуп хохотнул, связь разорвал.

Я вспомнил гнилостную вонь от ног Михалыча, поморщился.

По пути к Михалычу прокачал через лёгкие пару тонн воздуха, потому как предстояло кислородное голодание.

*

*

Я утопил кнопку звонка раз десять. Михалыч открыл, когда я уже решил, что пришёл поцеловать замок.

Михалыч посторонился, жестом пригласил войти. Я включил режим пониженного потребления кислорода, шагнул в коридор.

На замок входную дверь Михалыч не закрыл, меня в комнату не пригласил.

Я протянул Михалычу нетбук очкарика.

– Возвращаю в целости и сохранности.

Михалыч отнёс нетбук в комнату сына, вернулся, замаялся.

– Вы знаете, что милиция нашла пятно крови в багажнике депутатского сынка?

Я кивнул.

– А знаете, что кровь может быть моего Толика?

– Это не доказано.

– Для меня ещё как доказано!

– Вы сегодня ходили в кабак Ромки Маслины.

– Откуда вы знаете?

– Позвольте утаить.

– Да, ходил. Пообещал их, скотов, поубивать. Жаль, что никого из тех уродов не застал. Охранник, сволочь, меня выставил. Меня, больного человека! Я так перенервничал, что еле дошёл до дома. Лежал, пока не пришли вы.

– Вы понимаете, что ведёте себя глупо? Неужели не знаете, что за такие угрозы можете сесть?

– Плевать! Я их поубиваю!

Михалыч опустил голову.

– Ян, я устал.

– Посидите дома, отдохните. Зачем тратить силы на угрозы? Тем более что ваши угрозы больше навредят вам, чем тарантинам.

Михалыч встрепенулся.

– Почему?

– Как вы собрались убить всех троих? Ну, одного, согласен. До второго не доберётесь. Вас повяжут в момент. Если уж хотели с ними разобраться, то угрожать в кабаке не стоило. Теперь случись что, и вы – подозреваемый номер один.

Михалыч задумался.

– Хм! Надо было с вами поговорить раньше.

– Давайте подождём результатов экспертизы. Обвинять тарантин сейчас рано. А если они ни при чём?

– Хорошо. Подожду. Юсуп обещал позвонить вечером. Но если кровь Толика... Если в их джипе кровь моего сына, и милиция тарантин не посадит, я тарантин поубиваю.

– Если тарантины виновны, Юсуп от них не отцепится. Кого-кого, а Юсупа я знаю. Обещайте, что в кабак Ромки ни ногой. Чтоб о вас там забыли.

Михалыч вздохнул.

– Ладно. Уговорили. Пока в кабак не пойду.

– Вот и отлично!

Я открыл дверь, шагнул на площадку. Михалыч за мной запер, на словах прощания силы сэкономил.

На улице меня разобрал чих. Душок от ног Михалыча зашел в ноздрих крепче осеннего насморка.

До вечера я слонялся по квартире, не знал, куда себя при-ткнуть. За что ни брался – валилось из рук. Даже буженину испечь, и то по-людски не смог. Прошляпил, вынул из духовки обугленный кусок мяса. Я ждал результатов экспертизы, остальное вылетало из головы за ненадобностью.

*

*

Вечером, после девяти, позвонил Юсуп.

– Ян, как успехи? С Михалычем говорил?

– Обещал пока тарантин не трогать.

– Его обещание сейчас очень кстати. Я тебе за догадливость давал переходящий красный вымпел. Посмотрим, останется он у тебя, или...

– В багажнике нашли кровь очкарика?

– Вымпел остаётся у тебя. Только что получил результат. Эксперты клянутся, что вероятность ошибки – один к триллиону.

– Михалычу звонил?

– И не думал. Что говорить-то? Мол, в багажнике нашли кровь вашего сына, но вы к тарантинам не лезьте, мы сами с усами. Он меня выслушает, зарядит дедовский дробовик, и вперёд, в засаду!

– Экспедиция из Щучьего вернулась?

– Еле приползли. У практикантов язык на плече, старички матерятся. Облазили там всё. Ноль. Памятника очкарику не нашли.

– Ты бы Михалычу всё же позвонил. Он ждёт результатов экспертизы.

– Чтобы завтра я нашёл тарантин с дырками в черепаушках? Ян, не ерунди!

– Ты ему обещал.

– Созвонимся, Ян.

Юсуп повесил трубку.

Я отправился спать.

Заснуть сходу не дали мысли о крови очкарика в багажнике Ромки. Дня, убитого на ожидание результатов экспер-

тизы, мне показалось мало. В довесок я угробил ещё час, отведённый для сна: ломал голову, как уберечь тарантин от Михалыча.

В багажнике Ромки нашли кровь очкарика. Мобильник очкарика выключился рядом с тем местом, где шашлычниками тарантины. Как доказать Михалычу невиновность тарантин? В рукаве остался разве что провал юсуповой экспедиции к Щучьему. Следов очкарика на бережку не нашли. Хоть и слабое, но Михалычу утешение.

Не помню, на какой мысли заснул, только всю ночь смотрел бесплатный триллер с Михалычем в главной роли. Тарантины исполняли роли трупов.

*

*

После утренней тренировки меня придавила скука. Клиенты заказами не забросали, Юсуп не позвонил, делать нечего.

Трижды я набирал номер Юсупа, гладил пальцем зелёную клавишу, нажимал красную. Когда захотелось позвонить Юсупу в четвёртый раз, я отправился на пляж, снимать зуд нетерпежа.

Терпение лопнуло к обеду. Ради тренировки выдержки я не прикасался к мобильнику аж до тех пор, пока не вернулся домой и не пообедал.

После мытья посуды я дал нетерпению волю. Схватил мобильник, набрал номер. Вызов нажать не успел, потому как

мобильник запиликал, высветил на экране номер Юсупа. Я снял трубку.

– Ян, к Михалычу сходить не хочешь?

– Что я у него забыл?

– Позвонил с самого утра, я только проснулся. И хватило ж ума дать ему свой номер! Наехал на меня не по-детски. Мол, если я ему результат экспертизы не скажу, он меня затаскает по судам.

– И ты ему на это...

– Сказал, что результаты экспертизы не готовы. Поверил или нет, не знаю. Через час он позвонил опять. Звонил каждый час, пока меня не достал. Пришлось сослаться на тайну следствия.

– Можешь не продолжать. Что он тебе сказал, я знаю. Мне опять идти его успокаивать? Он меня пошлёт.

– Значит, заберём его от греха подальше.

– И как это будет выглядеть? Тарантины на свободе, а отец пропавшего очкарика – в камере?

– Вот так и будет выглядеть.

– Класс!

– Это ещё не класс. Если он возьмёт монтировку и проломит тарантинам головёшки, вот тогда будет класс. А если тарантины ни при чём?

– Тарантины у вас?

– Что им здесь делать? У них всё на мази. Адвокаты забрали их сразу после допросов.

– Клёво!

– Мы ещё и джип Маслины собрали. Ещё и отмыли. Хозяину отдали, в ножки поклонились. Только обивку багажника оставили себе не память. Мы и не такое умеем, только бы мэр перестал гавкать. Уволюсь к монахам!

– Что сказали тарантины?

Тарантины валяют ваньку. В глухом отказе. Адвокаты депутатских сынков так натаскали, что этих адвокатов хоть стреляй. Про очкарика тарантины молчат. Поют, что кушали шашлык, пили водочку, а очкариков не видели. И как правдоподобно поют!

Как ни крути, а у тарантин алиби. Оно у них есть, и хоть ты тресни! С ними на шашлыках было полгорода. Обычно тарантины в субботу ездят сами, а тут взяли с собой целый автобус очевидцев. У Юсупа бумажек от свидетелей хватит, чтобы набить мешок. Так что не мог бы я к Михалычу сходить, а?

Юсуп отключился прежде, чем я успел отказаться.

Святое дело – послеобеденный сон – меня не дождалось. Я ворочался, считал овечек, насчитал две отары, а сон не шёл.

Когда заставил себя встать с кровати, глянул на часы. Без четверти три. И спать не спал, и провалялся полтора часа.

Я присел к компу. Проверил почту. Убил десять минут на борьбу со спамом. Из тридцати писем тридцать – спам.

Пару минут я не знал, чем себя занять, затем пробежал по новостным сайтам, заглянул на страничку “Вечернего

Андреева”. Журналист Заливайло выдал очередную муть о мерзких бандюгах, подкинувших в джип трижды невинного Ромки Маслины пятно крови.

Я вспомнил, что на прошлой неделе собирался отдать колёса на балансировку. От радости, что нашёл себе занятие, я понёсся к машине прыжками. О том, что забыл дома мобильник, я вспомнил уже на шиномонтажке.

В пять подошла моя очередь на балансировку, в шесть я расплатился с мастером, в начале седьмого на полчаса застрял в пробке, в семь до моего дома осталось пять минут езды.

На третьей минуте езды от дома я проехал центральный вход в парк Петровского, увидел ромкин джип, в десятке метров – знакомый силуэт. Я притормозил, – в лёгких сумерках с полсотни метров детали на ходу не различишь, – пригляделся.

Когда понял, что к чему, ударил по тормозам, выскочил из машины, чуть не угодил под колёса встречной маршрутки, побежал к ромкиному джипу.

Я бы шёл, не бежал, если бы к джипу Ромки не подходил Михалыч с метровой арматуриной в руке.

*

*

Михалыч меня заметил, выставил арматурину перед собой.

– Уйди, Ян!

– Отдайте железяку!

– Пошёл вон!

Михалыч махнул арматуриной. Я отпрыгнул. Арматурина со свистом раскроила воздух. И откуда только силы взялись? На вид задохлик, а арматуриной машет как шаолиньский монах.

Пока я соображал, как отобрать у Михалыча арматури-ну, тот одним ударом растрошил лобовое стекло ромкиного джипа.

Завыла сигнализация.

Михалыч замер. Я подскочил к Михалычу со спины, вы-вернул руку. Михалыч вскрикнул, арматурина звякнула об асфальт.

Я заломил Михалычу руку за спину, опомниться не дал, вытолкал на дорогу прочь от воющего джипа.

Через семь секунд я дотолкал Михалыча до моего джип-чика. Михалыч упирался, в машину лезть не хотел. Я гарк-нул матом. Половина прохожих обернулась. Михалыч опу-стился на сиденье. Я затолкал ноги Михалыча в салон, – да-же не помню, уловил ли вонь от ног клиента, – захлопнул дверцу.

Я пулей слетал за арматуриной, сунул её Михалычу в ру-ки, прыгнул за руль, утопил кнопку старта, придавил педаль-ку газа к полу. Когда тронулся, увидел в зеркало, как к джи-пу Ромки подбегал охранник ромкиного кабака.

Я ехал на сплошном выдохе. От ног Михалыча смердело

как от тысячи тухлых устриц. Опущенные стёкла не помогали.

Пару минут спустя я причалил к дому Михалыча.

Михалыч выбрался из машины с трудом. Махать арматуриной в предсмертном состоянии – это не мыльные пузыри пускать.

Арматурину я у Михалыча отобрал. Михалыч посмотрел на мой трофей с сожалением.

– Ян, эта железяка всё-таки моя.

– Вам такие погремушки противопоказаны.

Вонь от ног собеседника валила с копыт. Я уложил арматурину в багажник, обошёл Михалыча так, чтобы ветерок дул мне в спину.

Михалыч переступил с ноги на ногу.

– Зачем, Ян? Почему вы меня остановили?

– У вас хватило дурости при людях угрожать Ромке. Теперь разбили ему машину. Сходите с ума?

– Бармен сказал, что его нет. Машина есть, а его нет. Они меня держат за идиота? Прячется, урод.

– При чём здесь машина? Зачем разбили стекло?

– Чтобы сработала сигнализация. Чтобы тот депутатский урод выскочил к своей машине, а тут – я.

– Глупо. Когда мы отъехали, выбежал не Ромка, а охранник. Вам повезло. Он пацан крепкий, из вас котлету сбацал бы вмиг.

Михалыч потупился.

– Да, я сдал сильно. Раньше я бы этому охраннику рога пообломал бы.

– Вы опять пошли в кабак? Вы же мне обещали...

Михалыч набычился.

– Пошёл ты, Ян, со своими обещаниями знаешь, куда? К своему брехливому Юсупу!

На глазах Михалыча блеснули слёзы.

– Милиция-то не помогает! Что ж делать-то, а?

– Не махать же монтировками! Хотите сесть? Вас посадят. На зоне вы склеите ласты. Сколько вам доктор отвёл? Три года? На зоне не протяните и одного. Уверены, что Толика убили тарантины? Тогда кто отомстит за Толика, если тарантины виновны, суд их оправдает, а вы уже на небесах?

– То вы хотите, чтобы я оставил их в покое, то спрашиваете, кто отомстит. Я вас не понимаю.

– Месть в ваших понятиях – это только убийство? Есть ещё суд. Суд, и только суд. Будем искать. Найдём ещё сто улик. Кто ищет – найдёт. Я помогу. Нашёл пятно, найду и...

Я прикусил язык. Михалыч прищурился.

– Пятно нашла не милиция? Вы?

– Я проболтался. Для всех – милиция. Если проболтаетесь и вы, то подставим тарантинам невинного человека. Обещайте молчать. Только обещайте не так, как обещали не ходить к Ромке в кабак.

Михалыч кивнул. Я продолжил.

– Сейчас тарантин трогать всё равно что переделать их из

подозреваемых в потерпевших.

– Я их должен гладить по головке? В багажнике их джипа – кровь моего сына!

– Слова. Доказательств у вас ноль. Вы делаете тарантин жертвами. Даже если они виновны, судья из жалости – мальчики так пострадали от нападений злобного мужика! – срок тарантинам скостит. Хотите этого?

Михалыч поджал губы.

– Ян, милиция молчит. Ваш Юсуп отнекивается. Говорит какую-то муть про тайну следствия. Они вешают мне лапшу. В багажнике тарантин – кровь моего Толика, я знаю. Если там кровь от шашлыков, то сказали бы сразу.

– Юсуп защищать тарантин не станет.

– Уже начал. Я ему не верю. Вам тоже. Прощайте!

Михалыч повернулся ко мне спиной с такой скоростью, что чуть не упал, шагнул прочь.

Я зацокал языком.

– Речь, небось, готовили с воскресенья? На Юсупа вы бочку катите зря. Один хороший результат у Юсупа для вас есть.

Михалыч остановился, развернулся на каблуках. Я протянул руку, попросил мобильник. Сказал, что свой забыл дома. Михалыч пощелкал кнопками, протянул мобильник мне.

– Я держу на пароле. Разблокировал.

Я набрал номер Юсупа. Выслушал с десятков гудков, дал отбой. Позвонил на городской. Длинные гудки. Я отправил эсэмэску: “Стахановец, это Ян. Возьми трубку!”. Через ми-

нугу набрал номер Юсупа ещё раз. Юсуп снял трубку после первого гудка.

– Юсуп, я звоню с трубки Михалыча.

– Сам понимаешь, брать не хотел.

– Забыл свой мобильник дома.

– А я тебе наярываю! Звонил уже раз десять.

– Юсуп, здесь рядом стоит Михалыч. Скажи ему результат экспедиции к Щучьему. А то мы только что разбили лобовуху в джипе Маслины.

– Потому тебе и звоню. Маслина лично звонил мне, рассказал про разбитый джип Ромки и про маленький джипчик, в котором уехали те, кто...

– Юсуп, передаю трубку Михалычу. Скажи про экспедицию. Иначе мы тут весь депутатский корпус лишим наследников.

Я передал трубку Михалычу. Михалыч выслушал Юсупа, кивнул, связь разорвал, спрятал трубку в карман, поднял взгляд на меня.

– Ян, спасибо.

– Довольны? Тогда спокойной ночи.

Михалыч махнул рукой: мол, какая тут к чёрту спокойная ночь!

Я уселся в машину, завёл мотор. Михалыч ссутулился, поплёлся в подъезд. Я отчалил.

По пути домой я остановился возле заброшенной стройки, закинул арматуру на кучу мусора.

Дома я первым делом пролистал пропущенные звонки. Девять от Юсупа, один неизвестный.

Я забрался в душ. Пока мочалка драила тело, я пытался угадать, откуда у депутата Маслина инфа о маленьком джипчике, в котором уехали те, кто раздолбал лобовуху ромкиного джипа.

*

*

Ужинал я без спешки, растянул кайф на полчаса. К концу трапезы, когда чая осталось два глотка, я набрал номер Юсупа.

Абонент ответил без проволочек.

Юсуп сказал, что Маслина звонил опять. Я нажил себе нового друга. Как Маслина узнал про джипчик? После того, как я влез в ромкин джип, Ромка поставил камеру. Она не только джипчик, она и меня видела, и Михалыча, и как я героически защищал депутатский джип. Запись Маслина пока придержит. Сначала хочет поговорить со мной.

Камера такая хорошая, что не опознать меня сможет только слепой, как сказал Юсупу депутат Маслина. Меня, кстати, на записи опознал и Ромка, и бармен, и бухгалтерша. Михалыча – бармен и полкабака. Маслина говорит, что свидетельства подпишут.

Маслина сказал, что я не беру трубку. Юсуп сказал, что я забыл мобильник дома. Маслина сказал, что ко мне заедет побазарить. Юсупу для подстраховки приезжать?

Я отказался. Возражения Юсупа я отключил при помощи красной кнопки на трубке.

Я допил чай, вымыл посуду, заварил свежего чаю, вышел с чашкой на балкон. В голове носились варианты ответов на каверзные вопросы депутата Маслины. Чёрт, надо ж было не заметить камеру!

*

*

Вечерней прохладой я наслаждался аж три минуты, пока к дому не подкатил джип размером в половину моей однушки.

Из джипа выпрыгнул высокий поджарый мужик. Депутат Маслина собственной персоной. По лестнице, ведущей в подъезд, отец Ромки взлетел скачками.

Звякнул дверной звонок. Я пошёл открывать.

Маслина окинул меня взглядом.

– Я тебе звонил, но ты не брал трубку. Не хочешь со мной говорить?

– Забыл мобильник дома.

– Так и будем стоять в дверях?

Я посторонился, впустил гостя. Маслина вошёл в коридор, шагнул к комнате. Я положил руку на депутатское плечо. Маслина обернулся.

– Чего? Будем стоять в коридоре?

– Будем уважать труд уборщицы. Тапочки для гостей красные.

Маслина крякнул, скинул туфли, надел тапочки. Я жестом

пригласил гостя в комнату, указал на кресло.

– Располагайтесь.

Маслина упал в кресло.

– Я пришёл насчёт Михалыча. Ты бы с ним поговорил, Ян.

– Последние дни только этим и занимаюсь. Вы эффект заметили?

– Не утомонится – напишу заяву про джип. Расплачиваться замучается. Только не надо делать вид, что ты не знаешь, как Михалыч разбил стекло в джипе моего Ромки.

– Как докажете, что Михалыч?

Докажет. Докажет Маслина и то, что после стеклобития Михалыч сел в маленький джипчик. Короче, у Маслины есть запись. Скинул на мобильник. На записи прекрасно видно, как Михалыч треснул прутом по лобовухе ромкиного джипа. Стеклу хана. Знаю ли я, во сколько выйдет ремонт? В дофига бабла. Эти бабки Маслина снимет с того, кто стекло разбил.

Маслина может Михалыча простить, если Михалыч от Ромки отцепится. Маслина хочет, чтобы я объяснил тому ослу, что цепляться к Ромке только из-за того, что ему кажется... Я же понимаю, что Маслина за это стекло Михалыча посадит запросто?

Кроме того, на той записи некто, очень похожий на меня, подъехал на маленьком джипчике, схватил старого придурка, и потащил к своему джипчику.

Этот похожий на меня водитель джипчика видел, как Михалыч разбивал стекло в джипе Ромки. Маслина подаст за-

яву и на водителя джипчика. За недонесение о совершённом преступлении и помощь преступнику скрыться с места преступления. Или я помогаю Маслине, а Маслина про запись молчит, или...

Я предложил Маслине написать на меня заявку. На записи стекло разбиваю я? Нет. Какие ко мне претензии? Я не донёс о преступлении, свидетелем которого стал? Как ажурно сказано! Я посоветовал Маслине позвонить адвокату и узнать, насколько скользкую статью Маслина решил мне приклеить. По этой статье привлечь – легче застрелиться.

Маслина выбил пальцами по подлокотнику хит “Спартак чемпион”.

– Ян, а может, папаша сам своего сынка того... грохнул. А потом взломал ромкин джип и подкинул кровь, а? Такое возможно?

– В этот бред граждане судьи не поверят.

Депутат отмахнулся.

– Дело не в судьях. Я действительно не понимаю, как кровь очкарика могла появиться в багажнике Ромки!

Маслина разошёлся не на шутку. Чуть не кричал. Ромка Маслина не мокрушник. Если тогда в парке дал очкарику по морде, то это не значит, что может и убить. Маслину-папу хоть режь, а убить очкарика его Ромка не мог. Не мог, и всё! Маслина это говорит как отец. И ещё: Ромка клянётся, что его друзья тоже ни при чём.

Ромка Маслина пацан хороший. Связался с этими урода-

ми, мать бы их! Как сказали бы раньше, попал в дурную компанию. Вытянуть его оттуда Маслина пока не может, ведь с дружками Ромке интереснее, чем с отцом. Но Маслина ищет способы, на месте не стоит. Вот только времени на сына не хватает.

А из-за меня – недосыщика – Ромка теперь как параноик! Оглядывается на каждом шагу, везде ему мерещится Михайлыч.

Я Маслину выслушал, хмыкнул.

– Зачем вы это говорите мне? Чтобы я пустил слезу?

Маслина в сердцах шлёпнул ладонью по подлокотнику.

– Знаешь, каково ночами не спать, ждать сына-придурка домой? Жена последний год живёт на снотворном.

– Сожалею.

– Хм... Слушай, как я сразу-то не догнал! Может, ты хочешь денег? Так будь мужиком, скажи. Чего виляешь? Сколько?

– Идите вы со своими деньгами...

– Что ты сказал?! Ты кого посылаешь? Ты...

Маслина выпрыгнул из кресла, сжал кулаки. Я схватил депутата за грудки, встряхнул. Рубашка Маслины пошла по швам. По паркету зацокали пуговицы.

– Договаривайте, уважаемый. Чего замолчали? Посылаю я вас, дорогой. Чем мне это грозит? Собираетесь меня отшлёпать? Вперёд! У вас есть шанс выехать отсюда на носилках.

Маслина дёрнулся в попытке освободиться.

– Не знал, что тебе так не нравятся деньги, что ты посылаешь всех подряд. Замяли? Отпусти.

Я разжал пальцы. Маслина вернулся в кресло, оправил рубашку, рассмотрел то, что осталось от швов, качнул головой.

– Мда... Сто баксов.

– Надо было надеть костюм сварщика. Он крепче.

– Кто ж знал, что ты такой резвый? Ладно, поговорим, как люди деловые. Мне ссориться с тобой сейчас не выгодно. С отцом очкарика поговоришь?

– Да. Скажу, как было: вы пришли ко мне, и расписали, какой ваш Ромка невинный карапуз. Думаете, Михалыч поверит, что Ромка очкарика не трогал?

– Жена из-за его угроз эту ночь не спала. Ей нельзя. У неё сердце... Врачи говорят, что если так пойдёт и дальше... Пожалей хоть её.

– Её пожалею.

– Я пришёл к тебе, как к человеку. Вижу, что не ошибся. С отцом очкарика всё ясно. Ты с ним поговоришь. Остался ты. Я хочу, чтобы ты от моего Ромки отцепился. Сколько возьмёшь?

– Вам пора.

Маслина фыркнул, выбрался из кресла, вышел в коридор, надел туфли. Квартиру покинул без единого слова, скачками сбежал по ступенькам. На улице прожужжал стартером депутатский джип, хлопнула дверца, по асфальту прошуршали шины.

Я вернулся на балкон ловить кайф от вечерней прохлады. Пока пил остывший чай, в голову лез предстоящий разговор с Михалычем.

*

*

Наутро я составил план уговоров Михалыча. Пока готовил завтрак, отполировал речь до блеска. Чтобы не портить аппетит, отложил беседу с клиентом на послезавтрака.

В девять я набрал номер Михалыча. Когда услышал приветствие клиента, толкнул речь, которую готовил всё утро.

– Вы допрыгались. Если не уgomонитесь, Маслина вас посадит.

Михалыч подал голос после приличной паузы.

– Ян, я ничего не понял. За что меня сажать?

– За разбитое стекло ромкиного джипа, за преследование Ромки, за угрозы. Проще перечислить, в чём вы невиновны.

– Как он узнал про стекло? Ведь мы уехали.

– У него на джип направлена камера. Я запись не видел, но очень похоже, что вас опознали все кому не лень. Мало того, будут письменные свидетельства.

– Мда...

– Маслина сказал, что он заявку на вас не подаст, если вы преследовать Ромку прекратите.

– Пусть подаёт. Ну, оштрафуют за хулиганство.

– Оштрафуют Ромку, если такое учудит он. Вас посадят. Вам выпишут по полной. Кто такой Маслина, не забыли?

Против этого лома ваша арматура не поможет.

Михалыч включил паузу. Когда я решил, что связь разорвалась, Михалыч объявился.

– Ян, вы говорите, что Маслина заявление не подаст, если я остановлюсь. Откуда вы знаете?

– От Маслины. Пришёл вчера после того, как вы раздолбили лобовуху. С записью вашего подвига. Я, кстати, на той записи тоже засветился.

– Из-за меня у вас будут проблемы?

– Нет. Но на будущее соображайте. Из-за ваших глупостей могут пострадать другие. И ещё. Маслина сказал, что из-за ваших угроз его жена не спит, а у неё больное сердце. Не знаю, насколько это правда. За что купил, за то и продаю. Решайте сами. Если она...

– Я понял. С одной стороны, она и Маслина воспитали урода. Вот и пусть не спят. С другой... с другой этот урод – их сын. Как и мой Толик... Ладно, Ян, я всё понял. Я ведь сегодня тоже не спал. Думал, думал, думал... Надо передохнуть.

– Вот и отлично. Сходите на пляж.

– Ян, вы в своём уме? У меня пропал сын, а вы предлагаете мне валяться на пляже!

– Простите, если обидел. Я думал о другом. Когда вы повалитесь на тёплом песке, вас отпустит. Вы сможете мыслить трезво. Ошибок станет меньше.

– Хм... Вы правы.

– Отдыхайте. Созвонимся.

Я отключился, наградил себя орденом “Заслуженный переговорщик”. Минуту спустя поразмыслил, орден снял. Уж сколько раз я Михалыча уговаривал, а толку?

*

*

Пятницу, субботу и утро воскресенья об очкарике я вспоминал лишь постольку, поскольку убил на него кучу времени.

В пятницу за сто баксов искал пропавшего мейнкуна. Нашёл на крыше соседнего дома.

В субботу сопровождал богатую трезвую компанию на грибы и пьяную, на мой гонорар в пять зелёных соток обедневшую – обратно. Как в ролексах выехали, так и вернулись.

Воскресенье отвёл отдыху. С утра, пока не придавила жара, прогулялся по парку. Как вернулся, уселся за комп расслабиться в стрелялке. Прошёл два уровня, вышел на кухню хлебнуть чайку.

Звякнул телефон. Экран сообщил, что меня хочет слышать Анюта. Я снял трубку.

Анюта едва не задыхалась – так её, беднягу, трясло.

Анюте позвонили девочки. Они поехали к Ромке и пацанам на шашлыки, под Щучье, а там ни Ромки, ни пацанов, один пустой ромкин джип.

Девочки сначала обзвонили знакомых, не забыли и Анюту. Когда пацанов у знакомых не нашли, позвонили родите-

лям пацанов, родители – в милицию. Только что подружка позвонила, сказала, что милиция уже ищет.

Анюта боится. Я говорил, что если Ромку убьют... а Анюта мне такого наговорила... Я же не скажу следователю, что Анюта хотела Ромку убить? Анюта ведь туда даже не ездила. Да она только-только легла спать! Анюта всю ночь провела в кабаке...

Я успокоил Анюту как сумел. Пообещал о её угрозах в адрес Ромки молчать, если не найду против Анюты улики.

Я разорвал связь, глянул на экран мобильного. Часы показывали четверть первого.

Три минуты я набирал номер Юсупа, слушал короткие гудки, давал отбой, набирал заново. Когда надоело, я мобильник отложил, набрал кабинет Юсупа с городского.

Юсуп снял трубку на седьмом гудке.

– Ты на работе, мент-стахановец? Сегодня ж воскресенье.

– Спасибо, что напомнил. Ян, у меня запарка. Перезвони позже. Тарантины исчезли. Все трое. Поехали на шашлык, и пропали. Михалыч таки до них добрался.

– Юсуп, тебе пора в отпуск. Ты заработался. Разве тарантины не могли куда-то по пьяне слинять? Может, валяются сейчас под кустами на бережку. Кто сообщил?

– Девки, что приехали к тарантинам на шашлык.

– Свидетели у тебя клёвые. Девки, небось, и сами после вчерашнего, а ты уже поднял караул. Меня с собой берёшь?

– Куда?

– К Щучьему. Только не говори, что ты туда не едешь, не поверю.

– Буду ждать на выезде из города. Пять минут. Опоздаешь – езжай сам.

На сборы я затратил две минуты. Пока переодевался, бежал к машине, заводил мотор, отчаливал, в голове пронеслись три миллиона вариантов пропажи тарантин. Как я ни старался найти версию позакковыристее, на первое место вылезала простейшая – месь Михалыча.

*

*

Спешка – вещь препаршивая. Уже когда отъехал от дома с полкилометра, вспомнил, что оставил балкон открытым. Квартира на первом этаже, да без решёток... Я выписал себе за несобранность, увернулся от грузовика, понял, что головой не на дороге, а дома. Я переключился на дорогу, иначе до Щучьего мог и не доехать.

Под знаком с перечёркнутым словом “Андреев” я остановился без четверти час. Юсупов бобик подъехал через десять минут.

Юсуп не остановился, только чуть снизил скорость, махнул из окна: мол, езжай за мной.

Через полчаса слева от трассы потянулся сосновый лес. Обочину украсили машины воскресных грибников.

Без четверти два Юсупов бобик мигнул тормозными фонарями раз, другой, третий. Впереди слева показался просё-

лок, ныряющий в лес.

Юсупов бобик почти остановился, свернул в лес, на грунтовку. Я вошёл в поворот с резвостью Шумахера, за что чуть не поплатился. На грунтовке резина буксанула, любимый джипчик едва не выбросило на сосновый пень. Я притормозил, до выезда из лесу полз за бобиком Юсупа тише улитки.

В лесу грибники обнаглели, оставили машины прямо посреди дороги. Пока каждую объедешь – это ж надо съехать с грунтовок на лесной песок! – набуксуешься до семиэтажных матов. Мало того, что дорога ухабистая, не едешь – ползёшь, так ещё объезжай этих остолопов!

Лес кончился как обрезало.

Дорога тянулась к реке ещё полсотни метров, затем терялась в песке.

В ста метрах прямо по курсу – речка. Берег порос камышом. Кое-где камыш расступался, оставлял пять-десять метров песчаного пляжа. Возле самого большого пляжа – ромкин джип. Рядом – палатка. Между палаткой и речкой – кострище. На берегу, возле воды – три девичьи фигурки.

Юсупов бобик остановился. Юсуп приоткрыл дверь, повернулся ко мне, указал пальцем на дорогу.

– Ян, по грунтовке не ехать! Задавишь следы – убью! Ясно?

Я кивнул: мол, куда уж яснее!

Юсупов бобик свернул вправо, на рыхлый песок, погрёб к ромкиному джипу. Я остановился. Мой джипчик всё же не

крутой пацанский джип, на рыхлом речном песке сядет на брюхо вмиг.

Я заглушил мотор, натянул на нос шляпу, вытек из машины. Солнце жарило так, что топтать под ласковыми лучиками да ещё по песку мне хотелось, как медузе греться в микро-волновке.

Юсупов бобик мне на зависть допыхтел до цели за полминуты. Остановился в тридцати метрах от ромкиного джипа. Из бобика выбрались овчарка, кинолог, два криминалиста с чемоданами, фотограф, водила, и Юсуп.

Девчонки, что сидели на берегу у воды, как по команде встали, двинулись к Юсупу. Юсуп поднял руку. Девчонки остановились.

Юсуп указал пальцем девчонкам под ноги.

– Стойте, где стоите! И так, наверное, всё тут затоптали! Я к вам потом подойду, а пока посидите там.

Когда я добрался до юсупова бобика, пот с меня тёк как с боксёра в двенадцатом раунде.

Юсуп улыбнулся.

– Поджарило?

Я обмахнулся шляпой, кивнул в сторону девчонок.

– Как ты узнал дорогу? Связывался по мобилке с девчонками?

– В среду здесь были мои бойцы, забыл? Всё, ходи аккуратно, не мешай, что заметишь – говори.

– Есть, пан начальник!

– Пошёл ты! А это что за... Твою мать! Маслина!

Я глянул в сторону леса. По грунтовке нёсся джип, оставив за собой грязь, навливаясь не собиравшись.

Юсуп сорвался с места, побежал навстречу джипу, замазал руками: мол, куда прёшь?!

Джип остановился в трёх метрах от Юсупа. Из салона выпрыгнул депутат Маслина, следом – четыре крутоплечих мордovorота.

Юсуп качнул головой.

– Вы вроде не дурак, гражданин Маслина, а ведёте себя как идиот!

Маслина сыграл желваками мотив “На кого хвост поднял, мусор?!”. Юсуп указал пальцем на джип.

– Садитесь в машину, и чтобы я вас здесь не видел! За топчете хоть один след – пойдёте по статье. Пойдёте все, до единого идиота.

Маслина сплюнул под ноги.

– Как там тебя? Юсуп? Ты не въехал. Здесь ищут моего сына.

– Точно. Только ищу я. Вы здесь лишний.

– Что здесь делает этот...

Маслина указал взглядом на меня. Презрения во взгляд Маслина отвесил вовсе не как законченный скупец.

Юсуп улыбнулся.

– Гражданин Янов привлечён к делу как ценный... нет, как ценнейший свидетель. А вы, господин Маслина, пожа-

луйста, очистите от себя и своих людей территорию. Затопчете мне следы...

– Слышь, следопыт! Ты с кем разговариваешь так борзо? Со мной?! С Маслиной?!

Юсуп сложил руки за спиной. Я ткнул Юсупа в бок локтем.

– Плюнь. Юсуп. У гражданина депутата приступ мании величия. Кстати, я знаю, чем лечить.

Взгляд Маслины говорил, что я давно созрел для тройного удара по голове монтировкой. По голове моей, само собой.

Я подошёл к Маслине, ткнул пальцем в депутатскую грудь.

– У вас новая рубашка. Не жалко?

– Только тронь, и от тебя ничего не останется.

– Давайте попробуем. А то на язык вы герой.

Маслина дал знак. К депутату подошли крутоплечие мордороты. Потыкали в меня взглядами, иголки пообломали, очи поотводили.

Юсуп присвистнул.

– Граждане, граждане! А ну-ка, разошлись! Маслина, убери своих орлов, кому сказал?! Пальнуть в воздух, или дойдёт и так?

Маслина сплюнул под ноги, потопал к джипу. Крутоплечие личности взяли шефа в коробочку, сопроводили до дверцы.

Через минуту джип Маслины скрылся из виду в клубах поднятой буксующими колёсами пылищи.

Юсуп улыбнулся.

– Как мы его, а?

– Тебе от шефа будет чем уши прочистить.

– Я – к девчонкам. Не следи.

– Считай, что уже оскорбил до глубины души.

Юсуп улыбнулся, ткнул меня кулаком в плечо, направился к девчонкам.

Когда Юсуп подошёл, троица поднялась с песка. Девчонки понурились: мол, мы не виноваты, но крайними вы всё равно сделаете нас. Юсуп обернулся, жестом дал мне понять, что моя задача – как минимум не смущать девчонок пронизательным взглядом Великого Сыщика.

Я подошёл к кострищу, осмотрелся.

Песок вокруг кострища и джипа истоптан, следов драки нет. Скатерть, служившая тарантинам столом, кровью не залита, не скомкана. Шашлыки недоедены, водка недопита, костёр не залит, догорел дотла, не осталось ни единой головёшки.

Возле кострища, в пакете, под тучей мух – почти ведро сырого мяса. От пакета к камышам тянулись дорожка из крысиных следов и узкая неглубокая колея. Похоже, местная крыса ночью утащила из пакета шмат мяса. Кусок выбрала большой, тяжёлый, в зубах не унесла. Пришлось бедняге волочить мясо по песку. Отсюда и колея.

От трёх сторон скатерти, служившей тарантинам столом, в сторону лесной дороги тянулись три колеи – глубокие, словно тащили нечто в центнер весом. Тела тарантин, например.

Три колеи заканчивались в двадцати метрах от скатерти-стола, ближе к лесной дороге, в одной точке – там, где начинались следы от машины.

Я подождал, пока фотограф снимет кострище, три глубокие колеи и песок вокруг ромкиного джипа.

Чтобы не стоять даром, я наблюдал за овчаркой, учился работать с прилежанием, а не так, как я. Метр за метром псина обнюхивала берег, нос от земли не оторвала ни разу.

Фотограф жестом показал мне, что закончил.

Вдоль колеёй, что тянулись от скатерти-стола в сторону лесной дороги, я прошёл до места, где колеи обрывались. Три колеи сходились в одной точке. Дальше – следы от машины, что ездила взад-вперёд как минимум три раза. В четырёх местах машина буксовала.

Я оглядел окрестности. Возле кромки леса, в сотне метров от берега – густой кустарник.

Когда я подошёл к лесу поближе, узнал в кустарнике можжевельник. Я обошёл заросли со стороны леса.

Высокие – порядка двух метров – кусты можжевела срослись в плотную ширму. Со стороны леса за ширмой можно хоть плясать, а с берега плясуна не увидят. Зато плясун, если подойдёт к ширме вплотную, увидит всех, кто на берегу, и

бинокля не надо.

Я прилёг под кустами, рассмотрел берег. Пляж тарантин как на ладони.

Из-под кустов я видел ромкин джип, юсупов бобик со спящим водилой, скучающего фотографа, криминалистов у кострища, кинолога с овчаркой, Юсупа, трёх девчонок – я видел всё, что творилось на берегу.

Когда насмотрелся на тарантинов пляж, прогулялся вдоль можжевелевой ширмы.

По толстому мягкому слою сосновой хвои я ступал как индейский следопыт, не смещал с места ни хвоинки.

Каждый квадратный сантиметр хвои за можжевелевой ширмой я обшарил взглядом с прилежанием той овчарки, что рыскала по тарантинову пляжу.

Посередине ширмы, в двух метрах от кустов, я нашёл полусгнивший пенёк. Хвоя вокруг взрыхлена, словно кто-то сидел на пеньке, и изредка разминал затёкшие ноги. Напротив пенька, ближе к кустам, лежал сухой толстый сосновый сук. Лежал так, чтобы упереться в него ступнями, когда сидеть с вытянутыми вперёд ногами устанешь, а под коленями засвербит тянущая боль.

Прежде, чем сесть на пенёк, я покрыл сидение платком. Когда уселся, посмотрел на тарантинов пляж сквозь заросли можжевела. Пляж я увидел во всех подробностях.

Чтобы из-за ширмы разглядывать Юсупа и его команду на берегу мне не мешали ветки можжевела, несколько веток

чья-то заботливая рука обломилась. Получилось отличное окно. Сломанные ветки засохли, как если бы их обломали с неделю назад.

Моё внимание привлёк слабый запах. Я принюхался. Запах знакомый, а откуда – не помню. Не запах даже, а вонь.

Я изобразил собаку-ищейку, повёл носом влево-вправо. Запах усилился, когда я нагнул голову. Я натянул перчатку, поднял сук, что лежал перед пеньком, понюхал, скривился от вони. Так смердели ноги Михалыча.

Вонючий сук я вернул на место.

Через три минуты я вернулся к тарантинову кострищу. Юсуп покинул девчонок, подошёл ко мне.

– Что там, в лесу? Или просто приспичило?

– Ты первый. Что сказали дамы?

Юсуп пожал плечами: мол, особенного мало. Девчонки приехали к тарантинам на шашлыки. Вышли на трассе как обычно. Пацаны вовремя не приехали. Дамы сели на телефоны. Парни не отвечали. Девчонки решили, что пацаны ещё не проснулись после вчерашнего. Чтобы на трассе не жариться под солнцем, потихоньку потопали к речке. В лесу всё-таки тени больше. Через час добрались сюда.

Тут идти всего-то три километра, но девчонки ползли целый час. По такой-то жаре, да ещё после вчерашнего!

Когда девчонки притопали на бережок, и тарантин не застал, позвонили: мол, вы где, пацаны? Трубки тарантин запиликали рядом. Пошли на звонок, и увидели мобильники

на скатерти. Девчонки убрали трубки в машину, подальше от солнца, ведь мобильники дорогие, стало жалко. Когда сунулись в машину, увидели в салоне одежду тарантин, и три портмоне с кучей денег в каждом.

В последний раз дамы звонили тарантинам накануне в девять вечера. Дозвониться не могли долго, но таки дозвонились. С тарантинами говорила некая Анюта, подружка этих красавиц по ромкиному кабаку. Наверное, закадычная.

Значит, в девять вечера тарантины – или хотя бы один из них – были живы.

Рассказ Юсуп закончил выводом: дело странное. Тарантин нет, а деньги и дорогие мобильники на месте. Джип тоже не тронут. Какие будут мнения?

Пока я собирался с мыслями, Юсуп указал пальцем на пакет с мясом, что стоял возле кострища.

– Следопыт-любитель, видел от пакета следы к камышам? Крыса. Наверное, гульнула ночью по полной. Жаль, столько мяса пропало.

– Да уж, тарантины – транжиры. Кстати, о крысе. Если крыса брюхо мясом и набила, то тарантины не успели. Пьянка кончилась не по плану, слишком рано.

– Думаешь?

– Уверен. Иначе почему остаток мяса не просто не доели, а даже не спрятали от крыс и лис? Перепились? Так быстро? Если им хватает так мало, то зачем покупают так много мяса? Чтобы выбросить? Не жалко? Чтобы кормить местное

зверье?

– У богатых – свои причуды.

– Ты посмотри, сколько мяса осталось. Пакет только-только начали. Перекус шёл от силы часа два.

– Оставили наутро, на закуску к похмелюге? Ведь к ним должны были приехать девочки. Чем кормить дам? Камышом?

– Да тут мяса почти ведро! Обычно наутро не едят, а похмеляются.

– А девочки?

– Им много не надо. Поклюют как птички, и всё, наелись. Блюдут фигуру. Тарантины не знали, какие к ним приедут едоки? Знали, и оставили почти ведро мяса?

– Значит, пьянка закончилась раньше, чем тарантины планировали. И где прерыватель пьянок?

– Удалился. Гад, даже не оставил паспорта.

Юсуп улыбнулся, посмотрел на три колеи, что тянулись от тарантинова покрывала-стола в сторону лесной дороги.

Я подошёл к ближайшей колее, присел, ковырнул пальцем песок на дне колеи. На глубине двух сантиметров показался влажный песок. Я ковырнул песок рядом с колеей. Песок на глубину в спичечный коробок оказался сухим и сыпучим.

Юсуп присел рядом, хмыкнул.

– Свежие. Песок не просох.

– Как тебе эти три колеи, Юсуп?

– Скажи, что думаешь ты, и я проверю, насколько ты оши-

баешься.

– Думаю, тарантины лежали на скатерти, каждый на своей стороне, кушали водочку. Затем случилось нечто, и тарантины отключились. Некто оттащил тела тарантин к машине, отсюда и три колеи от трёх сторон скатерти – на каждое тело по колее. Причём тарантины – судя по следам – не сопротивлялись. Так думаю я.

– Наши версии совпали. Что скажешь о следах машины? Вон тех, куда сошлись колеи.

Юсуп поднялся, указал взглядом на точку, откуда три колеи разбежались веером к скатерти-столу.

Я встал, отряхнул от песка руки.

– Тут, Юсуп, всё просто. Машина ездилa взад-вперёд три или, скорее, четыре раза. При этом четыре раза пробуксовала.

– Это я вижу и сам. Зачем кататься туда-сюда?

Я, Великий Следопыт, объяснил, что возле покрывала, где лежали тарантины, песок слишком рыхлый. Там, где каталась машина – поплотнее. Даже там, на плотном песке, была пробуксовка. Наверное, водила не хотел посадить машину на брюхо, и подъезжать к самому покрывалу, на рыхлый песок, побоялся.

Зачем кататься туда-сюда, причём несколько раз? Чтобы не таскать тела по песку вручную, и не рвать спину, водила привязывал тело к буксировочному ремню, подтягивал машиной к тому месту, где машина на брюхо уже не садится,

потом возвращал машину на место старта, тело отвязывал и загружал в машину.

Вывод: наш подозреваемый – человек не шибко крепкий. Иначе подтащил бы тарантин к плотному песку ручками, а не елозил машиной туда-сюда, чтобы вытащить туши с рыхлого песка. Это ж надо привязать тело, оттащить, отвязать, вернуться...

С другой стороны, тарантины весят под сотню кило. Если такая туша будет лежать без сознания, расслабленная, даже нам с Юсупом вдвоём её тащить по рыхлому песку – пупки надорвём.

Проблема тут скорее не в хиляке-водице, а в машине. Наверное, подогнать машину прямо к кострищу водила так и не смог. Теперь мы знаем, что здесь катался не танк и не вездеход, и даже не джип, это точно.

Разъяснения Великого Следопыта Юсуп выслушал с превеликим вниманием. Затем хмыкнул.

– Кто у нас из ближайших подозреваемых такой хилый, что тарантину не сможет протащить по песку в принципе?

Я отмахнулся.

– Юсуп, ты ответ знаешь. Зачем спрашиваешь?

– Чтобы ты потом не говорил, что я к Михалычу цепляюсь без повода. Он угрожал тарантин грохнуть, и он же – хиляк, который как раз и мог таскать здесь тела на буксире.

Юсуп туфлей сгрёб кучку песка в колею, посмотрел на меня.

– Почему Михал... тот, кто здесь туда-сюда катался, колеи не разровнял? Песок рыхлый, разровнять колею и для красоты затоптать – пять секунд. Спешил?

– Колею могли оставить специально. Чтобы у тебя вариантов было поменьше. Тела утащили, и баста. Детки не пошли в Африку гулять, а получили по башке, и злой разбойник детишек утащил.

– Кто так хотел детишек утащить?

Я пожал плечами. Юсуп усмехнулся.

– Ян, ты заметил, что мы говорим о тарантинах так, будто их убили?

– Я говорю так, будто тела тарантин оттащили от костра, погрузили в машину, и увезли. Это не значит, что увезли трупы.

– Тогда что? Дали по башке? Всем троим сразу? Не может быть. Была бы драка, и следы бы остались.

Юсуп смотрел на полупустую бутылку водки, что стояла на скатерти, расстеленной у кострища и служившей тарантинам столом.

Я помахал шляпой у Юсупа перед носом.

– Эй, медитатор, очнись!

– Я вот думаю... Может, их траванули? Клофелин? Надо проверить бутылку и стаканы.

– По-моему, твои криминалисты уже это сделали. Я видел, как они здесь возились, когда я сидел вон там.

Я указал на заросли можжевельника, что вытянулись

вдоль кромки леса. Сказал, что там, за кустами, кто-то сидел. Там стоит пенёк, на котором кто-то сидел совсем недавно, может, ещё вчера. Кусты как ширма. Из-за кустов видно весь берег, а отсюда того, кто за ширмой, не увидишь. Отличное место для слежки.

Некто устроился поудобнее, и рассматривал тарантин. Чтобы лучше видеть пляж и депутатских деток, наш наблюдатель по имени Некто обломил в кустах ветки, сделал как бы окно. Места переломов засохли прилично. То есть ветки обломили не вчера, а с неделю назад. Как раз неделю назад в этом районе отключился мобильник очкарика.

Если я не ошибаюсь, то дядька Некто сидел за кустами можжевела один. Окурки, объедки, визитку тайный наблюдатель оставить забыл. Серию и номер паспорта, накарябаные кровью на пеньке, я, как ни старался, не разглядел.

Почему этот наблюдательный пункт не нашла экспедиция Юсупа? Ведь ту точку дядька Некто приготовил ещё неделю назад. На мой взгляд потому, что в состав экспедиции входили практиканты и лентяюги. Юсуп мою догадку подтвердил, пообещал виновных пожурить.

Почему я пошёл именно туда? Почему не в сторону дороги, почему не влево, не вправо, а именно туда, прямо к кустам? Именно оттуда, из-за кустов можжевела, за тарантинами следить удобнее и безопаснее всего. Если тарантины слежку и засекут, и пойдут к кустам с монтировками, то времени, чтобы удрать, у дядьки Некто полно. Всё-таки от кост-

рища тарантин до кустов можжевела метров сто.

С чего я взял, что за тарантинами должен был кто-то следить? По колеям решил, что тарантин увезли в состоянии полутрупов.

Когда я закончил говорить, Юсуп вздохнул.

– Ты родился оратором, однако. Допустим, дядька Некто за тарантинами следил. Но зачем? Как бы он к ним подобрался? Кстати, чего мы здесь стоим? Пошли, покажешь мне свои кусты.

Мы двинулись к зарослям можжевельника. По дороге я объяснил, как дядька Некто мог подобраться к тарантинам несмотря на то, что место между кустами можжевела и берегом открытое.

К тарантинам можно подкрасться вдоль камышей. В последний раз девчонки дозвонились до тарантин в девять вечера. Как раз начались хорошие сумерки. Видимость упала на порядок. Если идти тихо вдоль камышей в сумерках, то можно подойти к тарантинам не просто близко, а вплотную. Вдобавок тарантины уже приняли на грудь, орут, и ни черта не боятся.

Дядька Некто вышел из кустов можжевела, прошёл вдоль кромки леса метров двести в сторону от тарантин, при этом из лесу не высовывался. Затем Некто спустился к речке, к камышам. В сумерках человека с двухсот метров не заметишь. Ну а потом можно смело идти вдоль камышей к самому тарантинову пляжу.

Я предложил Юсупу оглянуться, чтобы увидеть, как великолепно камыши скроют дядьку Некто.

Юсуп остановился, обернулся, рассмотрел берег, продолжил шагать к зарослям можжевельника.

– Согласен, Ян. Подобраться к тарантинам можно. Твои камыши сработают, дядьку Некто спрячут. Но что потом? Выскочить из-за камышей, и одновременно стукнуть всех троих монтировкой по башке? Нереально. А ведь следов драки нет, крови тоже нет.

– Только что ты допускал, что в тарантиновой бутылке может быть клофелин.

– Я помню. Только теперь не могу понять, как его туда сунули. Что, вот так просто дядька Некто подошёл, и накачал бутылку клофелином? И никто ему за это не настучал по башке?

– Юсуп, тарантины уже хряпнули, забыл? От водки внимание у них на нуле. Пока они купаются, можно подкрасться к костерку, да сыпануть в бутылку клофелина. После девяти сумерки уже приличные, видимость паршивая.

– Но и костёр горит. А бутылка возле огня. Освещена как на сцене.

– Но и купаются не трезвые, а загазованные. Я бы на месте дядьки Некто рискнул.

– Ты да бы! Где факты?

Мы подошли к зарослям можжевельника. Я подвёл Юсупа к пеньку.

– Вот тут сидел наш дядька Некто. Что-нибудь ещё объяснить?

Юсуп присел возле пенька, посмотрел сквозь просветы в можжевеловой ширме на тарантинов пляж, качнул головой. Мол, что тут объяснять? Всё ясно. Берег видно как в цветном телевизоре.

Юсуп поднялся, вышел из-за можжевеловой ширмы, замахал руками.

– Эй, мужики! Все сюда!

С берега к нам зашагала юсупова команда. Юсуп хмыкнул.

– А практикантам я головы поотрываю. Позорят меня перед любителем.

Юсуп перевёл взгляд на меня.

– О чём думаешь? Я же вижу, что у тебя в голове война. С кем воюешь, Ян?

– Есть одна штука... нашёл там, возле пенька. Там лежит толстый сук. Заметил? А запах слышал? Проверь нюх. От того сучка так смердит, что уши вянут.

– Ну, и кого это выдаёт с головой? Местного ассенизатора?

– Так воняют ноги Михалыча.

Юсуп сплюнул.

– Ян, ты понимаешь, что это значит?! Всё ясно. Михалыч об тот сучок тёр ноги, ведь от грибка ноги чешутся и зудят.

Ещё Юсуп добавил, что Михалыч молодец. Устроился за

кустами с комфортом. Сел на пенёк, ноги поставил на толстый сучок. Лепота! Об этот же сук и чесал ноги, когда они зудели от грибка. Потому и запах остался.

Я возразил: мол, такой запах может быть у кого угодно. Грибок воняет у всех почти одинаково. Может, тот, кто здесь сидел и караулил тарантин, тоже с грибком, и с точно таким же, как у Михалыча? Для начала пусть спецы проверят сук, найдут там частички кожи или пота, сделают генетическую экспертизу...

Юсуп меня не дослушал, продолжил гнуть своё.

– Ян, а если докажут, что тут сидел Михалыч?

– Юсуп, чего ты меня спрашиваешь? Хочешь его забрать?

Забирай, если есть что предъявить.

Юсуп хлопнул себя по бедру.

– Так ведь почти нечего! Как его поймать?

– Спрашиваешь меня?

Подошла юсупова команда.

Юсуп указал пальцем на пенёк.

– Так, ребятки. Сначала пустить собачку. Обнюхать тут за кустами всё до последнего паука. Особое внимание пеньку и всему, что рядом. Затем фотосессия. А тем, кто любит упаковывать в пакетики всякую ерунду, тут есть что упаковать. Возле пенька лежит толстый сук, его забрать с собой. Отдадим генетикам.

Овчарка принялась за работу. Мы с Юсупом двинулись к реке.

– Ян, тебе слово. Как тебе это всё?

Я сказал, что ситуёвина не очень, чтобы пахла фиалками. Денег не взяли, джип не угнали, мобильники тоже оставили. На грабёж не похоже. Мечь Михалыча – вот это да, это самое оно. Почему нет? Михалыч решил не распыляться, не бегать по городу за каждым тарантиной, и грохнул всех одним махом. Подходит?

Как ни печально, но версия “тарантин грохнул Михалыч” – единственная, что приходит в голову. Разве кроме Михалыча тарантинам кто-то угрожал? А тут ещё этот запах от его грибка... Говорил я ему, что теперь он первый, кого Юсуп вызовет на допрос. Накаркал.

С другой стороны, если там, за кустами, сидел Михалыч, то куда деть мобильник очкарика? Как объяснить, что именно здесь неделю назад мобильник очкарика отключился? Не Михалыч же грохнул сына!

Неудобный вопрос про мобильник очкарика Юсуп пропустил мимо ушей. Взамен Юсуп кивнул в сторону лесной дороги, откуда мы приехали на пляж.

– Ян, а если тарантины не поделили с грибниками урожай? Видел, сколько их было на дороге? Машины стоят через метр!

– Какие грибники после девяти вечера? Охотники за чернобыльским светлячком?

– Тоже верно. А если купались пьяные, и утонули?

– Все втрём? Разом? Такого не бывает.

– Надо проверить.

– Посмотри, какое тут течение. Если они и утонули, то искать их надо где-то в километре ниже.

– Мда... Искать будем долго.

Юсуп обернулся, остановился.

– Ян, глянь.

Палец Юсупа указывал на пару кинолог-овчарка. Овчарка тянула кинолога вдоль леса в сторону от тарантинова пляжа.

Юсуп хмыкнул.

– Похоже, ты был прав. Дядька Некто шёл к тарантинам так, как ты и говорил. Сначала ушёл подальше от тарантин, чтобы не бросаться в глаза. Интересно, собачка к речке спустится?

Овчарка отбежала от кустов можжевельника сотню метров, свернула к камышам.

Юсуп ткнул меня в бок.

– Соображаешь, следопыт-любитель.

Мы дотопали до ромкиного джипа. Юсуп сел на водительское сидение, погладил руль.

– Ян, как думаешь, кто поведёт эту железку в город?

– Ты. Ладно, Юсуп, я пойду.

– Валяй. Только не по дороге. Иди рядом, по песочку, и следы не затаптывай.

– Маслина своим джипом загрёб все следы, которые только можно.

– Ян, иди рядом. Повторить?

Юсуп попрощался жестом, принялся рассматривать внутренности ромкиного джипа. Я побрёл к выезду из леса, где оставил джипчик.

Шёл вдоль дороги, как наказал Юсуп. В пути по привычке разглядывал следы. Кроме автомобильных, на песчаной дороге оказалось полно человеческих. Найденные следы я изо всех сил пытался пришить к пропаже тарантин. Белые нитки рвались ещё в начале шва.

Когда я протопал шагов двадцать, справа от дороги заметил площадку размером с детскую песочницу.

Я бы прошёл мимо, если бы площадка не оказалась глиняной, а в слое глиняной пыли не отпечатались следы наполовину лысых покрышек. Качество отпечатков великолепное, хоть носи в музей криминалистики. Получатся не слепки, а загляденье.

Я обернулся, свистнул, махнул рукой. Юсуп выглянул из джипа.

– Ян, ты ещё не утомился? Что ты там нашёл?

– Что может найти следопыт? Следы. Иди, глянь.

Юсуп захлопнул дверцу джипа, зашагал ко мне. Когда подошёл, я указал на следы в глиняной пыли.

– Глянь, какая красота.

Юсуп присел, рассмотрел следы, потрогал засохшую глину пальцем, поднял взгляд на меня.

– Как получились такие сказочные отпечатки? Стоит жара, глина как камень. Её полили водой? Тогда всё сделано

специально?

Я выдал свою версию: накануне вечером выпала роса. Поэтому пыль от глины и стала влажной. Отсюда и классные отпечатки. А вот кто и что тут объезжал, это вопрос.

Что здесь, на дороге, могло стоять такое большое, что надо было съезжать с дороги, и выезжать на глину? Джип Ромки? Вряд ли. До шашлыков далековато. Тарантины оставили машину так далеко от костра? И если джип стоял здесь, то зачем его потом отгонять к костру? Сначала дядька Некто объехал джип по глине, оставил нам отпечатки своей резины, а потом отогнал джип к шашлыкам? Бред.

Следы, бесспорно, вышли на славу. Отпечатки прекрасные, спецы будут в диком восторге. Вот только если это следы не той машины, которая увезла тарантин, то как бы нам не найти тарантас какого-нибудь грибника...

С другой стороны, судя по следам, машина шла загруженная под завязку. Шины аж расплющило.

Источник моих догадок итссяк. Юсуп свои версии озвучивать не пожелал. Я протянул Юсупу руку, мы обменялись прощаниями, я двинул к лесу, к машине.

Не успел я отойти и пяти метров, как сзади донёсся смешок. Я обернулся. Юсуп поманил меня пальцем.

– Следопыт, ты угадал. Видишь, откуда притопала собачка?

Я посмотрел, куда указывал Юсуп – в сторону тарантино-ва кострища. Овчарка подтянула кинолога к покрывалу, что

у костра, села, посмотрела на хозяина, вильнула хвостом.

Юсуп улыбнулся.

– Ян, ты всё прозевал. Собачка пришла из-за камышей. Так, как ты и сказал. Дядька Некто прошёл от кустов по лесу, потом свернул к камышам, и вдоль камышей подошёл к тарантинам. Хотел бы я знать, что было дальше. Звякну-ка я Михалычу.

– Что ты ему скажешь? На месте преступления воняло так же, как и от ваших ног? Вы такой жедохлый, как и тот, кого мы подозреваем в нападении на депутатских деток?

– Включу громкую связь, чтоб ты слышал и не плакал, что я твоего Михалыча обижаю.

Юсуп порывлся в записной книжке мобильного, нажал вызов. Через три гудка динамик закричал голосом Михалыча.

– Алло!

– Вы где? Это Юсуп.

– Я в поезде. Еду домой.

Юсуп уменьшил громкость динамика, иначе кроме меня, Михалыча слышали лягушки на том берегу речки.

– Откуда едете, если не секрет? С рыбалки?

– Как вы угадали? Да, с рыбалки. Почему вы звоните? Узнали что-нибудь о Толике?

– Нет. Где вы были вчера вечером и этой ночью?

– На рыбалке. Я ж сказал, что еду с рыбалки. Со вчера я был на ставке, под Новоделкино.

– Свидетели вашей ночной рыбалки есть?

– Нет. Что случилось? Вы меня пугаете.

– Я вам перезвоню. Будьте готовы прийти ко мне и подписать то, что вы только что сказали. И захватите тот билет на поезд, с которым вы сейчас едете.

– Скажите, Юсуп, в чём дело?

– Те, кто бил вашего Толика в парке, пропали. Учитывая ваши в их адрес угрозы...

– Ясно. Хочу вас огорчить. Я ни при чём, хоть и жаль. Куда они исчезли, не имею даже понятия.

– Когда вы приехали на рыбалку?

– Вчера в шесть вечера. Не ломайте себе голову, Юсуп. Я к тем уродам не прикасался. Я выехал из Андреева вчера в двенадцать дня. В Новоделкино ходит только один поезд, и только в двенадцать. Обратно в Андреев поезд идёт из Новоделкино тоже в двенадцать. Других поездов нет. Так что и на вчерашний вечер, и на эту ночь у меня алиби есть. Вам билеты подойдут? У меня есть билеты как в Новоделкино, так и обратно.

– Странно, что вы сохраняете никому не нужные билеты. Знали, что понадобятся?

– Билеты я сохраняю по привычке. Я часто ездил в командировки. Приеду в Андреев в шесть. Звоните. Приду и подпишу всё, что сказал. До встречи.

Михалыч повесил трубку. Юсуп хмыкнул, набрал номер. Громкую связь оставил включённой.

Юсупу ответила телефонистка, с которой у меня договор

на прослушку номера очкарика. После приветствия Юсуп продиктовал номер Михалыча. Сказал, что только что с этим абонентом разговаривал. Попросил узнать, где трубка недавнего собеседника находится сейчас.

Уже через секунду телефонистка сообщила, что трубка Михалыча сигналит из района железной дороги, километрах в ста от Андреева. Судя по данным, полученным от трубки в последние минуты, абонент движется с севера, со стороны Новоделкино, в направлении Андреева.

Когда телефонистка отключилась, Юсуп потёр подбородок.

– Похоже, твой Михалыч не врёт.

– Значит, пока отпадает?

– Только пока. Он мог тарантин... не знаю, что он с ними сделал, а потом уехал на такси в сторону Новоделкино. Теперь возвращается на поезде.

– Юсуп, на Михалыча дунуть, и он завянет. Он почти труп. Каждый из тарантин весит втрое больше твоего главного подозреваемого. Что он им мог сделать?

– Разве твой полудохлый Михалыч не мог пальнуть им в башку? Разве сил для этого надо много?

– Не подумал, извиняйте. Только где мозги тарантин? Где кровь от простреленных головушек?

– Если Михалыч докажет, что эту ночь просидел в Новоделкино, тогда он отпадает. Паршиво.

– Да уж, если у него нет вертолёта, то он здесь не появ-

лялся, и тарантин не трогал.

Юсуп повертел мобильник в руке, сунул в карман.

– Странный он тип, твой Михалыч. У него пропал сын, а он двинул на рыбалку! Клёво, а?

Я пожал плечами: мол, кто их, михалычей, поймёт? Юсуп улыбнулся, хлопнул меня по плечу, зашагал к ромкиному джипу.

Через час я подъехал к парку Петровского. По пути расписывал в деталях разговор с девушкой эмо. На левую чашу весов я укладывал мои каверзные вопросы, на правую – уверенные ответы Аниюты. Когда левая чаша правую перевесила, я угомонился.

*

*

Я остановил машину возле центрального входа в парк, на том месте, где Ромка парковал джип. Вышел, осмотрелся. Напротив, над кованым забором парка нависла ветвями акация. Я прошёлся взглядом по стволу, в трёх метрах над землёй нашёл дупло.

Когда подошёл ближе и присмотрелся, заметил в дупле не природный блик. Глаз птицы так не бликует. Зато объектив видеокамеры – запросто.

Я сделал камере ручкой, указал оператору пальцем на мой джипчик: мол, стереги!

В парке я уселся на той скамейке, где отчитывался девушке эмо о ненайденных синих вельветовых тапках сорок пя-

того размера.

Я позвонил Анюте, пригласил на встречу.

Когда девушка эмо подплыла к скамейке, я встал. Анюта подставила щёчку. Я улыбнулся, не поцеловал. Девушка эмо накуксилась.

– Я думала, мы хорошие знакомые.

Анюта напустила во взгляд зелёной тоски, присела на краешек скамейки. Совсем как приличная леди, только в нанобке длиной с трамвайный талончик.

– Слушаю, Ян.

– Где ты была со вчерашнего вечера?

Анюта напряглась.

– Где была я? А с какой стати я должна отчитываться, тем более перед вами? Вы кто?

– Или говоришь, где была, или я рассказываю следовательно, как ты грозила убить Ромку.

– Когда я вам в обед позвонила, вы сказали, что будете молчать, пока не найдёте против меня улики.

Я пояснил, что для того, чтобы найти улики как против Анюты, так и её защиту, я должен хоть что-то узнать. К примеру, где Анюта была накануне вечером и ночью. Но Анюта молчит. Как мне быть? Пойти к анютиному брату?

При чём здесь братишка? Анюта не так давно заявляла, что Ромку не боится, потому что у неё брат – снайпер.

Нет, там, где пропали Ромка и его друзья, кровь и трупы с дырками не нашли. Но разве это проблема для следователя

– человека, который ищет, к чему бы придраться, только бы найти пропавших тарантин?

К примеру, Ромка с дружками пошёл купаться, а анютин братишка расстрелял троицу с другого берега. Крови нет, трупы унесло течением. Кстати, рядом с братом сидела Анюта, и показывала меткому братишке, в кого стрелять первого. Хотела убить Ромку, а для прикрытия хлопнули всех троих. Мол, в Щучьем завёлся маньяк, потрошитель депутатских детишек.

Девушка эмо меня выслушала, обмозговала, дала волю эмоциям. Глаза Анюты вылезли на лоб, челюсть отвисла.

– Ну, это... Это ещё надо доказать!

– Само собой. Вас обоих будут год таскать на допросы. Потом ещё год – на заседания суда. При этом будете под подпиской о невыезде.

– Зачем?

– Вы – подозреваемые. Чтобы не смылись, черту города вам пересекать запретят. Нарушите запрет – сядете.

– Но я их не убивала!

– Я не говорил, что ты их убила. Я спросил, где ты пропала со вчерашнего вечера до этого момента. Не бойся, я тебя на слове ловить не собираюсь. Ты сказала, что их не убивала даже не зная, убиты они или нет. Вполне объяснимо.

– Не знаю, честно!

– Верю.

– Почему? У меня такие честные глаза?

Я пустился в законы психологии, убил на дополнительное образование Анюты пять минут, хотя мог уложиться в минуту.

Если сжать мою речь в два слова, то я сказал Анюте, что сейчас в анютино-ромкином кабаке пропажа Ромки – тема номер один. Каждый суёт своё, всё смешивается, и получается триллер. Одна сказала, что кто-то пропал, вторая подозревает убийство, а третья уже обвиняет конкретного гнусного типа, который на днях захотел с ней потанцевать, а от него так несло перегаром, что хоть вешайся, ещё и ноги отдал, скотина.

Анюта улыбнулась.

– Вы что, подслушивали наши разговоры?

– Такие разговоры всегда одни и те же. Давай поговорим серьёзно. Откуда ты знаешь, что крови на месте шашлыков не нашли, и дырок в телах пацанов тоже нет?

– Про то, что нет крови, сказали девочки – те, которые поехали на шашлыки. И вы меня не путайте. Никаких тел девочки не видели. Они сказали, что пацаны пропали. Я сразу спросила, есть ли кровь. Интересно ведь. В детективах всегда...

– Ясно. Где этой ночью была ты?

Анюта кивнула в сторону ромкиного кабака.

– Здесь. Спросите бармена. Да что бармен! Меня помнит весь кабак. Я тут отмачивала такое!

– Какое?

Анюта попыталась выдавить на щёки румянец. Когда прикинуться благовоспитанной девицей не вышло, продолжила.

– Чуть выпила, и... потанцевала на столе.

Анюта хихикнула. Я сварганил строгое лицо. Анюта улыбке спрятала.

– Всю ночь мы просидели в кабаке. Хотите – верьте, хотите – нет.

Анюта принялась расписывать всеобщее веселье в деталях. Я перевёл разговор в нужное русло. Анюта вспомнила, что после весёлой ночки она с подружками посадила трёх девочек из их ночной компании на маршрутку, которая идёт в Щучье, попрощалась с подружками, и потопала спать.

Девочек посадили в маршрутку около десяти. Точно Анюта не помнит. Ехать раньше десяти глупо, потому как пацаны после выпитого накануне спят.

Если девочки выехали в десять, то на месте были – в десять сели в маршрутку да плюс час на дорогу – в одиннадцать. А потом пацаны должны были девочек забрать с трассы на джипе, как обычно.

Где-то через два часа, примерно в начале первого, девочки – которые умотали на шашлыки к мальчикам – начали наяривать подружкам. Анюта уже досматривала десятый сон. Девочки-шашлычницы сказали, что пацаны пропали, и что девочки шли к речке пешком. Потом Анюта позвонила мне. Вот и всё.

Я решил ковать железо, не отходя от репродуктора, про-

должил вопрошать.

– Вчера вечером вы Ромке звонили?

– Конечно. Как выпьем, звоним всегда.

– Кто звонил конкретно?

– Все. Мы звонили-звонили, но пацаны не отвечали. Мы подумали, что они уже перепились.

– Когда звонили в последний раз?

– Да всю ночь. То одна позвонит, то другая.

– Когда в последний раз дозвонились?

– В девять. Ночью нам так и не повезло.

– Кто с пацанами говорил?

– Я, конечно я. Я дозвонилась – я и говорила.

– Всё у них было в порядке?

– Вроде да. Пошутили, и всё. Они уже были пьяненькие.

Как и мы.

– Ты разговаривала со всеми тремя?

– Нет, конечно. Я звонила Ромке. Но я слышала голоса и других. Были живые, только пьяные.

– Сегодня утром, перед тем, как садиться на маршрутку в Щучье, девочки мальчикам не звонили?

– Звонили. Те не ответили.

– Вы не удивились?

– Бывает. Может, спят упитые. Как-то такое уже было. Мы шли от трассы к их пляжу пешком. Целый час, наверное. Чуть ноги не стоптали.

– Час? Там идти от силы три километра.

– Ага, по солнышку да после вчерашнего... нам казалось, что дошли до Парижа.

Я посмотрел в небо, перевёл взгляд на Анюту.

– У меня вопросы закончились.

– Господи, какое счастье! Такое ещё бывает?

Анюта поднялась.

– Ну, заглядывайте в наш кабачок. Только не ночью, а то я буду танцевать на столе, а у меня юбка короткая. Я буду краснеть.

Девушка эмо оправила наноюбку с жеманной улыбочкой. Я изо всех сил старался ниже шеи Анюты взгляда не опускать. Девушка эмо улыбнулась, чмокнула воздух, сдула поцелуй на меня. Я кивнул: мол, и тебе до свидания.

Анюта зацокала каблуками по камням дорожки, что ведёт к ромкиному кабаку.

Я разложил ответы Анюты по полочкам. Пришлось признать, что тычусь носом куда попало, только не туда, куда надо. Слепые котята знают куда топать больше, чем знал я.

С другой стороны, унывать рано. Время даром не потерял – уже хорошо. Да, после разговора с девушкой эмо причину пропажи тарантин не узнал. Зато я мог поспорить хоть на миллион, что Анюта и её сёстры по кабаку виновны в пропаже тарантин меньше, чем я. Какой-никакой, а результат.

Я поплёлся к машине. На полпути вспомнил, что отъезжал к Щучьему в дикой спешке, из-за которой балконную дверь оставил открытой.

Домой я прилетел не пулей – лучом света.

*

*

Как и предполагал, о незапертой балконной двери я пожалел. Нет, ворьё двуногое на моё жилище не покусилось. Зато следов налётчика о четырёх лапах я нашёл в избытке.

Соседский котяра до сушёных бычков, что висели на верёвках на балконе, не добрался, так отыгрался на кухне. Куда только не залез! Кошачьих следов я не нашёл разве что на потолке.

В качестве мести за недоступность сушёных бычков котяра испоганил буханку хлеба. Съесть не съел, но с трёх сторон понадгрызал. Перед уходом по-хозяйски пометил территорию, гадёныш.

Полчаса я отмывал следы кошачьих лап, выдраивал смердящие метки, заливал одеколоном помеченные места. Когда вонь меток смешалась с запахом одеколona, кухня пропиталась адским духом.

Ужинать впринюшку я отказался, потому отправился в булочную. Кухню оставил открытой, чтобы проветрилась. Перед выходом поумолял кошачьих богов, чтобы ближайшие четверть часа соседского изверга в мою кухню не пускали.

В булочной из свеженького остались только бублики. Пришлось планировать ужин без хлеба.

На обратном пути, когда я проходил мимо газетного ки-

оска, в глаза бросился жирный заголовок “Месть психопата”.

Я подошёл ближе. За стеклом висел “Вечерний Андреев”, свежий номер. Подзаголовок статьи “Месть психопата” от заголовка не отставал: “Ему казалось, что они виновны. Теперь они пропали”. Статью подписал журналист Заливайло.

Я купил газету, поспешил домой.

Статья удалась. Пенсионеры и домохозяйки наверняка завалили редакцию письмами поддержки, раскалили телефон главреда, а под конец вышли на демонстрацию солидарности с родителями пропавших тарантин.

Журналист Заливайло в подробностях расписал угрозы Михалыча в адрес Ромки и дружков. Не забыл добавить подробностей и от себя, чтоб вышло пострашнее. Получился не полуживой Михалыч, а свирепый живодер, что угрожал невинным детишкам лютой смертью.

Как Михалыч разбивал лобовуху ромкиного джипа, Заливайло в красках описывал три абзаца. Вспомнил и обо мне – как я на маленьком джипчике увёз Михалыча из-под носа охранника. Слова подкрепил кадрами из записи видеокamеры, что спрятана в дупле акации, и следит за стоянкой ромкиного джипа.

Похищение кроссовок из ромкиного джипа Заливайло приписал тому же Михалычу.

Каждое слово статьи заставляло читателя посылать Михалычу проклятья. Под конец Заливайло высказал уверенность, что тарантин – невинных овечек – похитил кровожад-

ный Михалыч.

Как странно ведёт себя милиция, граждане! Виновный давно известен, а следователи хлопают ушами! Похититель наших детей разгуливает на свободе, и обезумевшим от горя родителям смеётся в лицо!

Статью завершал пламенный призыв журналиста Заливайло наказать злобного Михалыча если не по закону, так по совести.

О пропаже тарантин целая статья. О пропавшем очкарике ни слова. Пляска журналиста Заливайло под дудочку депутата Маслины удалась.

Я отложил газету, вышел на балкон, сменил в лёгких смесь котячьих меток с одеколоном на воздух.

Когда отдышался, попытался представить, как с тарантинами мог расквитаться Михалыч. Против тщедушного тельца Михалыча воображение выставляло три толстенных туши тарантин. Как один не юный задохлик мог справиться с тремя молодыми и крепкими бегемотами?

Да, Михалыч мог пухнуть в тарантин из... да хоть из пулемёта. Где кровь? Где следы суматохи? Как застрелить троих одновременно? Не лежали же тарантины и ждали, пока Михалыч всадит каждому по пуле!

Юсупов вариант с клофелином в тарантиновой бутылке водки мне нравился больше. До идеала не дотягивал, но объяснял, как тарантин мог порешить Михалыч, а не дядька Некто.

Три колеи в песке от покрывала, где лежали тарантины, до твёрдой дороги мог сделать Михалыч, ведь сил таскать на горбу тарантиновы туши у него нет, потому подтягивал тела буксировочным тросом. Вдобавок на месте для слежки в зарослях можжевела лежал сук, провонявший михалычевым грибком.

Чтобы стать идеальным, варианту с клофелином не хватало объяснения, как Михалыч всыпал клофелин в бутылку.

Метнуться к бутылке, когда пьяненькие тарантины пойдут купаться, зарядить бутылку клофелином, вернуться за камыши – дело десятка секунд. Пока тарантины заходят в воду, и в этот момент к бутылке спиной, можно успеть запросто. Другой вопрос – кому запросто, а кому и нет.

Да, арматуриной возле ромкиного джипа Михалыч размахивал как монах Шаолиня. Казалось бы – порядок. Ан нет. Руки – не ноги. Может, руками Михалыч ещё и размахивает, а вот ходит с трудом. Бегуном не назовёшь.

Скоростной как улитка Михалыч смог подобраться к тарантиновой бутылке, всыпать клофелин, смыться обратно за камыши – и уложился в десяток секунд? Со скоростями Михалыча времени уйдёт вшестеро больше. Тарантины заходили в воду целую минуту, и ни разу не оглянулись? Ведь если бы оглянулись, то Михалычу хана, понятно и кретину.

Я отбросил дурные мысли, покинул балкон, развалился в кресле. Через пару минут мысли вернулись. Ещё через пять минут от бардака в голове меня спас звонок мобильного.

Не успел я поднести трубку к уху, как Юсуп уже заговорил.

– Я на мобильниках тарантин нашёл миллион пропущенных вызовов. Пацанам наяривали с вечера до утра, а те трубку не брали.

– Когда до них дозвонились в девять вечера, были живы все трое. Живые и пьяные.

– Уже легче. Главное, что живые. Мы тут опросили местных, что живут на краю села со стороны речки. Народ ни сном, ни духом. Ничего не слышали, ничего не видели, и мало ли кто здесь на речке отдыхает! Ладно, я уже выезжаю. Созвонимся.

Я отложил мобильник, прикрыл глаза.

Когда трубка звякнула, я проснулся, нажал зелёную кнопку. Опоздал. На экране мобильного – номер Михалыча. Я глянул на часы. Семь. Дрых всего пятнадцать минут, а снов успел увидеть на целую ночь.

Михалыч себя ждать не заставил, перезвонил через пять секунд.

– Ян, жду вас на углу Шестой Продольной и Восьмой Поперечной. У меня тут... Нет, не по телефону. Приходите. Это срочно. Срочнее некуда.

Михалыч трубку повесил раньше, чем я успел сказать, что выхожу, вот только закрою балконную дверь.

По пути к месту встречи с Михалычем я успел из догадок выстроить небоскрёб. Стройке мешала назойливая мыслиш-

ка: а не собрался ли Михалыч писать покаяние? Тогда зачем нужен я?

*

*

Михалыч стоял на углу Шестой Продольной и Восьмой Поперечной, прям посреди перекрёстка.

Когда я подъехал, Михалыч кивком поздоровался, жестом пригласил следовать за ним, потопал по дороге.

Я потащился за клиентом почти на холостых оборотах. Когда я поравнялся с Михалычем, чтобы спросить, куда ползём, в нос шибанула вонь от ног клиента. Задавать вопросы я передумал, на пару метров отстал, поднял стекло.

Пока ехал, осмотрел окрестности.

Справа вдоль дороги тянулась стена хлебозавода высотой метра в четыре и длиной в квартал. Слева, на всю ширину квартала – ряд кирпичных гаражей. Воротами гаражи смотрели на стену хлебозавода. Ночью здесь прохожего не встретишь.

Посередине квартала, перед открытым гаражом, задом к дороге, стоял потрёпанный жигулёнок-копейка.

Михалыч дополз до жигулёнка, опёрся о багажник, схватился за ворот рубашки. Я ударил по тормозам, выпрыгнул из машины, подбежал к Михалычу.

– Давайте я вас отвезу в больницу, а?

Михалыч отмахнулся, сглотнул.

– Уже отпустило. Слишком много нервов.

– Сейчас подойду. Не умирайте.

– Попробую.

Я вернулся в машину, прижал джипчик к бордюру, достал из аптечки ампулу нашатыря, сунул в карман.

Пока я парковался, сожалел, что не захватил из дому ведёрко одеколona. От ног Михалыча разило грибком аж до тошноты.

Михалыч кивком указал внутрь гаража.

– Спускайтесь в подвал. Спускайтесь, не бойтесь. Они уже не кусаются.

В подвал гаража вела добротная деревянная лестница. Пока я спускался, ни одна ступенька не скрипнула.

Яркая – ватт на сто пятьдесят – лампочка освещала каждый сантиметр подвала. Я окинул взглядом стеллажи с консервацией, три толстых тела.

Пыльные банки с огурцами меня тронули куда меньше, чем три туши в шортах и с кляпами, подвешенные за руки под потолок.

Я выбрался из подвала, подошёл к Михалычу.

– В милицию звонили?

– Только вам.

– Вы фильмы смотрите? Там постоянно твердят, что в таких случаях надо звонить в милицию, а на месте преступления ничего не трогать.

– Я и не трогал.

– Кто выгнал из гаража машину?

– Я. Как бы я спустился в подвал? Машина мешает.

Я позвонил Юсупу. Сказал, что в гараже Михалыча, в подвале, под потолком, уже как минимум полдня висят три трупа. Угол Шестой Продольной и Восьмой Поперечной.

Юсуп пообещал приехать через полчаса: заглянет к себе да оставит лаборантам сучок и бутылку со стаканами. На меня возложил охрану трупов и Михалыча.

Михалыч посмотрел на меня, кивнул в сторону подвала.

– Ян, это они? Это дети депутатов? Почему вы на меня так смотрите? Я их раньше не видел.

– Да, это тарантины. Когда вы их нашли?

– Я только приехал с... с рыбалки, перекусил, и сразу пошёл в гараж. А тут они...

– Что вы забыли в гараже? Вы же говорили, что за руль не сажались давно.

– Так и есть. Я здесь храню удочки, садок. От них запах, знаете ли... Не люблю, когда в квартире воняет рыбой. Я сушу леску, стираю садок, и отношу в гараж.

– Вы только что приехали с рыбалки. Когда садок успел высохнуть?

– Сегодня я садок не сушил. И не стирал. Что мне делать, Ян? Юсуп мне теперь не поверит. Я ему сказал, что был на рыбалке.

Я назадал Михалычу немых вопросов на год вперёд. Михалыч развёл руками. Я дал Михалычу собраться с мыслями. Затем приступил к работе.

Михалыч Юсупу соврал. На рыбалку Михалыч не ездил. Ездил к бабке, ясновидящей. Хотел узнать, где Толик.

Зачем забирал из гаража удочки, если собирался к бабке? Тут не так всё просто. Сосед сказал, что Михалычу пора съездить на рыбалку. Мол, Михалыч за последние дни сильно сдал, надо бы отдохнуть. Ну, Михалыч и смекнул: сделаю для соседа вид, что иду на рыбалку, а сам поеду к бабке. Потому и удочки из гаража принёс, чтобы сосед, если бы Михалыча встретил с удочками, поверил.

Зачем душить соседа? Михалыч этих бабок не любит. Врут на каждом слове. Сосед знает, как Михалыч к этим шарлатанам относится. Михалычу было стыдно признаться, где пропал почти два дня: не на уважаемой соседом рыбалке, а в очереди у презренной шарлатанки. А с удочками в руках всегда можно сказать, что был на рыбалке.

Почему, чтобы съездить к бабке, надо потратить два дня? Она живёт далеко? Да почти рядом. В Новоделкино, шесть часов на поезде. Михалыч пару лет назад ехал на рыбалку, и в поезде услышал про эту бабку.

Почему на рыбалку ездит так далеко? Так ведь под Новоделкино не карп – зверь! А здесь, под Андреевом, как те раки по три рубля.

Улов в дороге не тухнет? Всё-таки шесть часов на поезде сюда, плюс в Новоделкино от ставка до станции, да здесь от поезда до дому, да всё по такой жаре. В ответ Михалыч авторитетным тоном заявил, что карп – рыба живучая. Не тух-

нет. Довозит живьём.

Я обдумал ответы Михалыча. Вспомнил, что не так страшен чёрт, как обманутый Юсуп. Страшного вранья в словах Михалыча я не откопал.

Мотался Михалыч на рыбалку или к бабке – не важно. Главное, что мотался далеко от Щучьего.

И всё-таки, зачем к бабке ездить на два дня? Так ведь к ней очередь, как отсюда до Стамбула. Говорили, что там можно проторчать и день, и два. Народ к ней так и валит. А Михалычу привычно, он и так на рыбалку всегда ездит с ночёвкой.

Где удочки и садок, которые Михалыч принёс? В углу, возле верстака. Так с удочками к бабке и ездил? Да. Вдруг с бабушкой управился бы раньше, так чего не посидеть у ставка?

Значит, на рыбалке Михалыча не видели. Да, тут прокол. Свидетелей нет. Михалыч всегда ездит один и так, чтобы во-круг рыбаков было поменьше. Они обычно на рыбалке пьют, горланят, а Михалыч любит тишину.

Михалыча у бабки кто-нибудь запомнить мог? Бабка, соседка по очереди? Нет. Там народ на месте не стоит, прямо людской поток. Кому Михалыч там нужен, чтобы его запоминать? Бабка... Вряд ли она вспомнит. Через неё только при Михалыче прошло человек сто.

Когда Михалыч попал на приём к бабке? Часов в десять утра. Проторчал в очереди целую ночь.

Хоть в поезде Михалыча кто-то вспомнит? Вряд ли. Ми-

халыч в спальном вагоне на рыбалку не ездит. В плацкарте тоже. В общем вагоне билет будет подешевле. А там народу как тех сельдей в бочке.

Я пораскинул мозгами, пришёл к выводу: железным алиби Михалыча мог назвать только кретин. Затем я вспомнил о жигулёнке Михалыча. Зачем Михалыч выгнал жигулёнок из гаража? Чтобы залезть в подвал. Зачем лезть в подвал? Я продолжил опрос.

Зачем Михалыч полез в подвал, если удочки и садок хранит наверху, возле верстака? В подвале горел свет. Михалыч не любит, когда свет горит впустую. Не любит сам, и всю жизнь учил Толика.

Кто включил свет в подвале? Ответа на этот вопрос Михалыч не знал. Михалыч не включал, и точка.

Вырубить свет во всём гараже одним рубильником – что на стене возле входа – можно? Нет. В подвале свет эээ... идёт мимо счётчика.

На вопрос, ворует ли Михалыч свет, я получил типичную отмазку в стиле “Да сколько я там украл?”.

Проводка левая и отдельная, потому сверху, рубильником, подвальный свет выключить нельзя. Только выключателем в подвале, а в подвал спуститься нельзя, пока не отгонишь машину хотя бы на пару метров. Потому Михалыч машину и отогнал.

У кого кроме Михалыча есть ключи от гаража? Ни у кого. Ключ один. Остальные растеряли. Где хранится единствен-

ный ключ?

Михалыч подошёл к гаражу, ткнул пальцем в кирпич над верхним обрезом стальной рамы ворот.

– Этот кирпич вынимается. За ним я храню ключ. Что вы так смотрите? Думаете, я дурак? Ключ здесь уже лет десять, и никаких проблем. Дома я всегда ключи терял, а здесь – как в сейфе.

– Соседи по гаражу об этой заначке знают?

– Конечно. Но их можете не подозревать. Честнейшие люди.

– Если я вашу систему понял правильно, то, чтобы не потерять ключ от машины, вы храните его в замке зажигания. Угадал?

Михалыч улыбнулся.

– Ян, кому моя старушка нужна? Ведь старьё, рухлядь. Это депутатские сынки катаются на джипах.

Михалыч жестом попросил перерыв. Через минуту Михалыч покачал головой, вздохнул.

– Когда я был у бабки, она сказала окунуться в пруд, чтобы снять негатив. Есть там рядом с её домом прудик. Окунулся. Видите, сколько мне добавилось позитива? Я же говорил, что врут они, эти бабки, врут.

– Что сказала бабка про вашего Толика?

– Среди мёртвых она сына не видит.

– Вы довольны?

– Вы это серьёзно? Верите в бабкины сказки?

– Зачем же вы к ней ездили? Чтобы не поверить?

– Цепляюсь за соломинку. Глупо, понимаю, но поехал к ней скорее за враньём. Очень хотелось услышать, что Толик жив.

– А вы? Сами-то вы его уже похоронили?

– Я? Да.

Глаза Михалыча заволокла влага. Я замялся.

– Ну... Вы тут постоитте, успокойтесь, а я пока ещё раз схожу в подвал.

Михалыч кивнул, отвернулся.

Возле лестницы, ведущей в подвал, на бетонном полу я нашёл едва заметные мазки крови. На пятой и седьмой ступеньках от пола подвала – кровавые риски. К рискам прилипли волосинки.

Когда спустился в подвал, осмотрел тела тарантин. Ромка и дружки висели, привязанные за руки к арматуринам, что торчали из бетонных плит потолка. Ноги связаны, до пола не достают.

Лица тарантин в ссадинах. У Ромки на левой щеке рваный порез. Бритва, даже опасная, такие порезы не оставляет.

Я присмотрелся к полу подвала. Между лестницей и Ромкой нашёл торчавший из бетона и истончённый ржавчиной кончик арматуры. Острый штырёк покрывала засохшая кровь. Длина штырька всего три миллиметра, но если по нему протащить меня лицом, то на коже останется рваный порез как на щеке Ромки.

Дыры от пуль во лбах тарантин не зияли, рукояти ножей в области сердца не торчали. Зато на шеях троицы следы от удавки. Капроновая верёвка лежала под ногами Ромки.

После подвала я рассмотрел покрышки жигулёнка. Протектор оказался наполовину стёрт. Полулысая резина с таким же рисунком протектора оставила след в глине недалеко от речки, что течёт рядом со Щучьим.

Когда я управился с осмотром, со стороны перекрёстка Шестой Продольной и Восьмой Поперечной донеслось пыхтение. Не прошло и полугода, как возле моего джипчика со скрипом затормозили юсупов бобик и уазик-буханка с красным крестом на борту.

Юсуп выбрался из бобика, подошёл ко мне, приняхался, фыркнул, отступил на шаг.

– Чего от тебя так прёт одеколоном?

– Забыл закрыть балкон. Соседский котяра пометил мне всю кухню. Заливал одеколоном. Что у нас по плану?

– Осмотр места происшествия.

– Валяйте, гражданин следователь. Не затопчите лестницу. Ступайте по левому краю ступенек. В подвале прижмитесь к правой стене.

– Учту. Не уезжай, Ян. Поговорим.

– Буду в машине. Ты на Михалыча сильно не дави. Его тут прихватило.

– Со мной доктор.

– Твой доктор – спец по трупам.

Юсуп отмахнулся, подошёл к Михалычу. Пара дежурных вопросов-ответов – и Юсуп вслед за Михалычем спустился в подвал. Понятые, медик и кинолог остались у входа в гараж. Криминалисты и фотограф занялись жигулёнком.

Я сел в машину, включил мозги.

Кровь и волосы на полу подвала и на лестнице говорят только об одном: тарантины бились головами об ступеньки. Значит, в подвал тела стаскивали за ноги. Порез на левой щеке Ромки и кусок арматуры в полу, об который можно было так порезаться, лишнее тому подтверждение.

Если бы меня стаскивали по лестнице за ноги, то я бы спокойно бился головой об ступеньки, и как Ромка елозил бы щекой по острой ржавой арматурине? Они были без сознания, ясен пень.

Как полудохлый Михалыч мог подвесить тяжеленные туши к потолку? Пара рычагов, и готово.

Зачем Михалычу везти тарантин в свой гараж? Он бы ещё развесил трупы на люстре у себя дома. С другой стороны мстителям главное – отомстить. Судя по поведению Михалыча в последнее время... Терять-то ему нечего: одной ногой он уже в могиле.

Неужели Михалыч мог спокойно задушить троих пацанов, причём связанных и беспомощных? Душил спокойно или нет, не важно. Может, он обливался слезами. Что в сухом остатке? Три трупа в гараже Михалыча. И алиби дохлое.

Это даже не месть, это казнь! В гараж тарантин привёз жи-

выми. Задушил уже после того, как подвесил к потолку. Наверняка дождался, когда пацаны придут в себя, а потом повязал каждому пионерский галстук. Чтобы знали, что умирают, и ничего сделать не могли.

Почему Михалыч не убил тарантин ещё там, на бережку, под Щучьим? Зачем тащить пацанов сюда? Не знал, когда они очнутся от того, чем он их напоил. А вдруг тарантины оклемались бы от его пошла только к обеду? Ведь под Щучьим полно грибников, весь кайф поломают.

От чего кайф? Хотел убить их так, чтобы они были в сознании. Может, даже зачитал им обвинительный приговор. Может, спрашивал с пристрастием, где его сын.

Зачем же Михалыч вызвал меня? Чтобы показать, какой он герой? Мол, я гадов казнил. Почему, когда я приехал, о своём геройстве даже не заикнулся? Испугался. Когда звонил мне, ещё ходил с поднятым хвостом: я, мол, верховный судья, мне сам бог помогает! Затем понял, что натворил, и испугался. Стандарт. Такие они все, герои.

Зачем, когда Юсуп Михалычу звонил, Михалыч говорил, что он в поезде, что едет с рыбалки? Если он герой-палач, то зачем отмазывался? Наоборот, должен бить себя пяткой в грудь: мол, их грохнул я! Мало того, в момент разговора телефонистка засекла мобильник Михалыча на пути из Новоделкино.

Михалыч мог в Новоделкино и не появляться. Билет купил для отмазки. Смотрелся в Щучье, привёз тарантин в га-

раж, убил. Затем на такси отъехал от города километров сто, сел на поезд из Новоделкино. Вот и объяснение, почему мобильник Михалыча телефонистка засекала в районе железной дороги Новоделкино-Андреев.

Если Михалыч – герой-палач, то зачем клепал себе алиби с билетами на поезд в Новоделкино и обратно? Если хотел убийство скрыть, то зачем привёз трупы к себе в гараж?

А если Михалыч – палач, но не герой? Казнил тарантин не на публику, а для себя? Мол, пока вы там возитесь со своим правосудием, я их по праву отца загубленного очкарика...

Тогда всё сходится. Тарантин привёз к себе в гараж, потому как не знал, когда очнутся от его пошла, а он хотел, чтобы перед казнью они пришли в сознание, и чтобы посторонних вокруг не было. Подвал гаража – место идеальное.

Я осмотрел окрестности.

С одной стороны улицы выстроились гаражи, с другой небо подпёрла стена хлебозавода. Место глухое. В таком нелюдимом уголке и днём-то двух прохожих в год не наскребёшь, не говоря уже про ночь. Разве что утром да вечером, когда владельцы гаражей берут-возвращают машины.

Михалыч с тарантинами управился, смотался на такси в сторону Новоделкино, сел в поезд на Андреев? Почему нет? Затем вызвал меня. Мол, я тут ни при чём, разбирайтесь, ребятки.

Хитрый ход. Мол, чего мне бояться? Я чист как ангел, потому и вызвал милицию. Если их убил я, то разве стал бы

кого-то вызывать? Так бы в гараже и сгнили, и вряд ли бы кто об этом узнал.

Тут промашка. Узнали бы. Стояла жара. Уже через день воняло бы на весь район. Подвал герметично не закрывается.

Мог завернуть трупы в пакетик, и залить бетоном в том же подвале. По телеку такое показывают через день. Да, но то – по телеку. У нас, в Андрееве, я такого я ещё не встречал.

Юсуп выбил пальцами дробь по крыше моего джипчика.

– Выходи, сачок.

Юсуп присел на капот.

– Как хреново, Ян, а? Три трупа за раз.

Я выбрался из машины, присел на капот рядом с Юсупом.

– Где Михалыч?

– В моём бобике. Пока всё уляжется, ему лучше посидеть в камере. Посажу к интеллигентам, не бойся.

– Он счастлив?

– А то! Говорит, что депутатов не боится, и нечего его от них прятать. Умник! Они его джипом переедут, и я тот джип буду искать до посинения.

– Наверное, ты прав.

– Что надумал?

Я рассказал. Под конец монолога посоветовал узнать, где Михалыч покупал обратный билет: здесь или в Новоделкино. Юсуп кивнул: мол, и сам собирался. Я предложил позвонить телефонистке. Пусть глянет, где мобильник Михалыча сигналил с субботы до воскресенья. Юсуп отмахнулся.

– Уже звонил, Ян. Трубка Михалыча в Новоделкино свети­лась. Он мог дать трубку какому-нибудь корешу.

– Это презумпция виновности.

– В Щучьем мои спецы изучили следы от покрышек, и сказали, что гружёная машина, которая проехала по глине – жигуль. Как я вижу, здесь стоит не мерседес, а? Думаю, слепок со следов под Щучьим совпадёт со слепком с протектора этого жигулёнка. Но спешить не буду. Пусть скажут спецы.

– И?

– Дай мне хоть одно оправдание для Михалыча.

– У тарантин есть враги, что хотели их убрать. А тут и Михалыч подвернулся со своими угрозами.

– Ты так договоришься до зелёных человечков. Если я про врагов тарантин ляпну шефу – он меня уволит.

Мобильник Юсупа звякнул. Юсуп отошёл в сторону.

Пока Юсуп разговаривал, я прогулялся вдоль бордюра вперёд-назад, собрался с мыслями.

Почему я подозреваю Михалыча, а не дворника Степана? Трупы тарантин висят в гараже Михалыча, а не в дворницкой каморке. Если бы трупы висели в моей квартире...

Где должны висеть трупы, чтобы я начал подозревать злых дядек, которые ищут полмиллиона баксов? Те деньги, которые снимал алкаш для очкарика, Юсуп ведь так и не нашёл. Значит, тарантин могли грохнуть злые дядьки, что свернули шею алкашу, и спрятали очкарика.

Злые дядьки могли настучать тарантинам по черепушкам,

и оставить трупы на берегу под Щучьим. Но трупы в гараже Михалыча. Почему?

На кого злым дядькам проще всего свалить убийство тарантин? На Михалыча. Ведь тарантинам смертью угрожал именно Михалыч, а не консьержка Страшилкина.

Трупы в гараже Михалыча потому, что основная цель злых дядек не столько убить тарантин, сколько подставить Михалыча. Чтобы искать злых дядек и не додумались. Всё просто. Тарантины грохнули очкарика, Михалыч грохнул тарантин. Концы в воду. А алкаш неудачно свалился со стремянки.

Злые дядьки Михалычем прикрылись.

Знали, что тарантины рихтовали очкарика в парке. Наверняка знали и о том, что тарантины размяли очкарика ещё и в подъезде. Логика простая: если тарантины напали на очкарика два раза, то третье нападение подозрений не вызовет.

Сначала подкинули кровь очкарика в джип Ромки. Мол, вот они, убийцы, хватайте! Затем, когда Михалыч пару раз поугрожал Ромке, и стал подозреваемым номер один, грохнули тарантин и сунули трупы Михалычу в гараж. Концы в воду.

Если кровь очкарика в багажнике тарантин, то очкарика хлопнули наверняка тарантины, а не дворник Сидоров. Подозрения падают на тарантин, и только. То есть искать тех злых дядек, которые всё это заварили, не станут. Если есть кровь в багажнике, то зачем искать неизвестно кого неясно

где? Умно.

Убрать тарантин – значит убрать возможность появления хоть маленькой, но отмазки для Ромки и компании. Вдруг кто из тарантин что-нибудь вспомнит, что разом оправдает всех троих? Теперь остаётся допрашивать трупы.

Михалыча злые дядьки приплели с умом. Мол, мужик сорвался, и обидчиков порешил.

Может, это банда? Выслеживает тех, кто снимает крупные суммы, разрабатывает план перевода стрелок, и...

Юсуп вернулся ко мне.

– Звонил лаборант. В бутылке и стаканах тарантин нашли клофелин.

– Странно. Почему Михалыч бутылку и стаканы не убрал? Мог хотя бы заменить. Ведь понимал, что следы клофелина в бутылке останутся.

Юсуп включил паузу, рассмотрел надпись на моей футболке. Когда очнулся, выдал обстоятельный ответ.

– Не знаю, Ян. Отнесём к странностям?

– Только не забудем, что кто-то хотел, чтобы мы поняли сразу, что тарантины не сидят за кустами и хихикают, а хлебнули клофелину.

– Таблетки в бутылку могли набросать и тарантины, а потом сесть за кусты и хихикать. Мол, ищите нас, накачанных клофелином. И ещё. На том сучке, что ты нашёл за кустами, материала для генетиков оказалось мало.

– Откуда запах, если следов мало?

– Для запаха хватило, для экспертизы мало. Не станут даже пробовать. Пока я разговаривал с лаборантом, ты изображал из себя мыслителя. Что намыслил?

Я озвучил версию “Михалычем прикрылись злые дядьки”. Юсуп уткнулся взглядом в жигулёнок Михалыча. Я дал Юсупу на размышления целую минуту.

– Юсуп, как злые дядьки узнали, что Михалыч уехал на рыбалку, и – главное! – надолго? Значит, они пасли его до поезда и узнали, что билет у Михалыча до самого Новоделкино. Там смекнули, что обратный поезд будет в Андрееве аж завтра к вечеру. Вот и время, чтобы грохнуть тарантин.

– На бред не похоже. Соседей, конечно, опросим, но тут ловить нечего. Я помню только один случай, когда слежку засекли бабки у подъезда. Один!

– Может, этот будет вторым?

– Вряд ли. Ты забыл про тот запах на сучке, что ты нашёл в кустах можжевела под Щучьим.

– Такой запах может остаться от каждого, у кого на ногах есть грибок.

– Как ни странно, а грибок как раз у Михалыча. Кстати, тот след, что ведёт от кустов к костру тарантин, пахнет так же, как и сучок. Так сказала собачка. Эх, жаль, сучок сейчас у лаборантов! Дал бы собачке понюхать носки Михалыча.

– Дядька Некто мог натянуть на кроссовки носки Михалыча, и бегать по лесу с чужим запахом.

– Ты мне этого дядьку Некто найди. Я дам собачке поню-

хать его носки, и прогоню собачку по следу заново. А пока запах на сучке – единственная живая улика.

– Ну, насчёт единственной – это ты загнул. Их вагон и сзади целый поезд.

Я прошёл в гараж, щёлкнул рубильником. Свет в гараже потух, в подвале – нет. Юсуп подошёл ко мне.

– И что это значит?

Я объяснил, что свет в подвале левый, через основной рубильник не идёт. Для подвального света в подвале под лестницей есть отдельный выключатель. Чтобы свет в подвале выключить, надо в подвал спуститься.

Когда Михалыч пришёл в гараж после Новоделкино, свет в подвале горел. Когда свет горит без толку, Михалыч не любит.

В подвал не спустишься, пока не отгонишь машину, ведь жигулёнок закрывает лестницу. Михалыч сел за руль, отогнал машину, оставил отпечатки. Теперь, даже если злые дядьки свои отпечатки с машины стёрли, или работали в перчатках, на руле и везде, где только можно, остались отпечатки Михалыча.

Свет в подвале оставили, чтобы если и не Михалыч, то кто-нибудь из соседей поинтересовался, почему в подвале горит свет. Тёмным вечерком сосед увидит свет из гаража, Михалычу позвонит, скажет, мол, приедь, выключи свет. Михалыч приедет, машину отгонит...

Юсуп жестом попросил слова.

– Думаешь, тарантин сюда привезли на этом жигулёнке злые дядьки? Не побоялись, что остановит гаишник, и попросит документы?

– Побойтесь бога, сержант, кто такое барахло будет угонять? Это моё, только бумажки забыл дома. Вот вам десять баксов, сержант, и до свидания.

– Как объяснишь сержанту, откуда у тебя в салоне три полутрупа в шортах?

– Три пьяных придурка перегородили дорогу, потребовали подвезти до города. Заплатили щедро. Теперь спят. Попробуй разбуди!

– Ладно, езжайте, гражданин. Кстати, надо проверить, как открыли гараж. Если отмычкой...

– Гараж открыли родным ключом. Знаешь, где Михалыч хранит ключ?

Юсуп покачал головой. Я вышел из гаража, ткнул пальцем в кирпич над верхним обрезом стальной рамы ворот.

– Ключ хранится здесь, за кирпичом.

Кончиками пальцев я ухватил кирпич за кромку, пошатал влево-вправо, потянул на себя. Кирпич не сопротивлялся, вышел из кладки как горячий нож из масла.

Юсуп кхекнул.

– Такого я ещё не видел.

– Угадай, где Михалыч хранит ключ от жигулёнка.

– В замке, что ли?

– Ага.

– Значит, если за Михалычем следили, то увидеть, где хранится ключ от гаража, могли запросто. Чувак зашёл в гараж, взял удочки, и ушёл. Сел на поезд, который возвращается через сутки, и... Теперь делай с машиной, что хочешь. Хоть разбери по винтику.

Юсуп посмотрел на часы.

– Ого! Без пяти девять! Мне ещё надо успеть в квартиру Михалыча.

– Меня понятым возьмёшь?

– Ян, меня сожрут. Созвонимся.

Я потопал к джипчику.

Когда отъезжал, Юсуп и его команда вручную закатывали жигулёнок Михалыча в гараж.

Пока вдоль стены хлебозавода ехал к перекрёстку Шестой Продольной и Восьмой Поперечной, вспомнил, что дома нет хлеба. Заглянул в ларёк при хлебозаводе, купил батон.

От запаха свежего хлеба живот заурчал тремя котами. Чтобы ускорить встречу желудка с ужином, я прижал педальку газа к полу.

После ужина вприкуску к чаю я принялся грызть локти. На обыск Юсуп меня не взял. Мне аж засвербело найти хоть какое-то оправдание Михалычу посерьёзнее тех сказочных версий, что я выдал Юсупу.

Перед тем как провалиться в сон я вспомнил, что Михалыч по велению бабки-ясновидящей окунулся в пруд ради снятия негатива. Что ж, на безрыбье и известь творогом по-

кажется.

*

*

Юсуп позвонил аккурат перед завтраком.

Обыск в квартире Михалыча прошёл вхолостую. Улик нашлось на целый ноль.

Зато спецы Юсупа установили, что на той глине в Щучьем наследил жигулёнок Михалыча. Значит, тарантин с шашлычка в гараж привезли наверняка на том жигулёнке.

Вдобавок в салоне жигулёнка собачка унюхала запах тарантин, всех троих.

На руле, на ключе, на ручке коробки, на дверце отметились пальцы Михалыча.

Напоследок тот сучок, что я нашёл за кустами в Щучьем, Юсуп дал понюхать собачке. Затем дал понюхать собачке носки Михалыча. Собачка сказала, что запахи одинаковые.

К нейтральным по отношению к Михалычу фактам Юсуп отнёс версию, согласно которой в Щучьем дядька Некто подтягивал тела тарантин к жигулёнку буксировочным ремнём. Следы на запястьях тарантин как раз подходят, а на ремне нашли кровь Ромки. У пацана на тыльной стороне ладони содран кусок кожи. Наверное, след от ремня.

Один плюс Михалычу Юсуп таки нашёл. Наверняка Михалыч в Новоделкино ездил. Билеты есть. Обратный куплен на станции Новоделкино, Юсуп проверил. Если Михалычу не купили билет помощнички...

На моё многословное возражение на тему “какие, к чертям собачьим, у Михалыча помощнички?!” Юсуп заметил, что пропало полмиллиона баксов. Недавно внучок зарезал дедку с бабкой за одну пенсию, а тут полмиллиона! За такое баблище и сыночка порешат, и помощничков найдут с десятков. Я согласился.

За всё про всё Юсуп задержал Михалыча на трое суток, потом придётся отпустить, ведь улики всё какие-то скользкие. Кроме запаха на сучке, конечно. Притом алиби... Похоже, в ту ночь он был в Новоделкино.

Билеты на поезд в Новоделкино и запах на сучке стыкуются паршиво. Либо Михалыч был в Новоделкино, либо в Щучьем. Если бы у Михалыча нашлось что-нибудь покруче билетиков на поезд...

Я напомнил Юсупу, что Михалыч возле бабки искупался в пруду. Мол, сбацай, чувак, омовение в святой водице, и будет тебе счастье.

На одежде Михалыча могли остаться бактерии из пруда. Я видел по телеку, как по бактериям из речки нашли убийцу. Там были какие-то особые зверюги, которые водились только в той речке. Убийца клялся-божился, что на той речке не бывал, а парни с микроскопами нашли на его одежде трупы редких зверюшек.

Михалыч говорил, что как приехал от бабки, только перекусил, и сразу пошёл в гараж. Про душ не говорил. Значит, наверняка не переодевался. Не голый же он купался в пруду!

Как минимум в трусах. Там, в ткани трусов этих бактерий, наверное, полно.

Юсуп хохотнул.

– Сказал бы я тебе, чего там полно... Ладно, сейчас звякну лаборантам, перезвоню. Только кто поедет за святой водой? Если я буду тратить бензин на такие прогулки, меня уволят.

– Съезжу я. Ты проверять будешь?

Юсуп перезвонил через пять минут.

– Поезжай. Парни с микроскопами ждут. Трусы с Михалыча уже снимают.

– Я уже выехал.

– Валяй. Только боюсь, что если я Михалыча отпущу, Маслина даст команду переехать мужика джипом. Я Михалыча подержу в камере. Хотя бы до похорон.

– Даже если мы найдём Михалычу алиби?

– Маслине сейчас алиби до лампочки. Созвонимся.

Юсуп повесил трубку. Я присел к столу. Остывшую овсянку с изюмом хотелось проглотить в секунду, чтобы хоть на этой секунде сэкономить время, и побыстрее двинуть в Новоделкино. Когда научусь посылать спешку подальше?

Я сдержался, отвёл трапезе положенные четверть часа. Заодно уделил минутку парочке вопросов.

Что, если я смотаюсь в Новоделкино впустую? Что, если затея с бактериями провалится? Тогда в защиту Михалыча останутся только билеты на поезд. Железным такое алиби я бы не назвал.

*

*

Через три с половиной часа пути я остановился у первого дома на въезде в Новоделкино.

Напротив дома, у обочины, стоял стол в виде ящика из-под стеклотары, покрытого куском фанеры. За столом на табурете сидел дряхлый старик. На столе – всё, без чего в дороге водитель не проживёт: водка, пиво, сигареты.

Я спросил у старика, как найти местную ясновидящую. Дедок меня не расслышал. Я купил у старика пачку сигарет. Вместе со сдачей я получил координаты дома, где принимает баба Настя.

Перед тем, как я вернулся в машину, старик сообщил о двухдневных очередях на приём к бабе Насте. Предложил мне койку в его домишке, чтобы переночевать. Цену ломить не стал, сразу скинул половину от расценок на аренду офиса в центре Москвы. Я отказался.

К моему джипчику со скрипами и скрежетом подкатил китайский пикап. Старик взглядом показал, что мне пора. Водила пикапа высунулся из окна, спросил у старика, как найти бабу Настю. Старик вопроса не расслышал. Я показал водиле пикапа купленную пачку сигарет, тот закатил глаза, заглушил мотор.

Пока я садился в машину и трогался, старик успел всучить водиле пикапа бутылку пива и объяснить, где живёт баба Настя, и где при желании можно недорого снять комнатку

на ночь.

Сигареты я сунул в бардачок. Вдруг какой курец случится, так я ему презентую пачку яду, пусть травится.

Когда добрался до дома бабы Насти, не поверил глазам. Машин – не проедешь. Людей – не протолкнёшься.

Брать интервью у ясновидящей мне расхотелось. Очередь меня бы не подпустила. Если бы я к бабке и прорвался, то что мог узнать об одном из тысяч посетителей? Бабу Настю, мимо которой в день мелькает сотня лиц, надёжным свидетелем судья не сочтёт.

В пруду, что у поворота к дому ясновидящей, я набрал три склянки воды. На всякий пожарный прогулялся по берегу, взял пробы в разных точках.

Те из числа ожидающих приёма у бабы Насти, кто сидел на берегу пруда, наблюдали за каждым моим шагом.

Когда я наполнял последнюю склянку, ко мне подошла толстая дама в шляпе, с душком пота, с литровой бутылкой газировки в руке и изрядной долей недовольства во взгляде.

– Мужчина, что это вы тут колдуете?! Здесь люди делают омовения, а вы? Что вы сюда выливаете?

– Не выливаю, а набираю целебной водицы про запас. Моему знакомому баба Настя посоветовала окунуться в пруд, чтобы снять негатив.

– Хм... Я и не подумала...

Толстая дама вылила свою газировку на траву, зашла в воду по колено, погрузила пустую бутылку в мутную воду. Под

бульканье воздуха, что вырывался из горлышка бутылки, я удалился.

В машине я склянки пронумеровал, в блокноте изобразил пруд, на рисунке отметил, где какую склянку наполнял. По окончании сеанса живописи я бросил желудку на растерзание два бутерброда с сыром.

Когда отъезжал, к пруду с пустыми бутылками подтянулась половина очереди бабы Насти. С такими темпами пруд в Новоделкино обмелеет за неделю.

Через четыре часа я подрулил к конторе Юсупа.

Дежурный сержант вызвал Юсупа, велел обождать на улице. Юсуп вышел через минуту. Я протянул Юсупу склянки и рисунок.

– Три пробы воды и схема пруда.

– Крестиками ты пометил клады?

– То места, где брал воду. Мне подождать, когда твои лаборанты управятся, или...

– Они сейчас заняты. Я тебе позвоню.

– А благодарность от лица конторы за сэкономленный бензин?

– Ты привёз мутную воду. Когда она станет уликой, тогда и проси благодарность. С бабкой говорил?

– К ней очередь как отсюда до Мадрида. Меня бы затоптали. Вот если бы приехал ты, да с ксивой...

– Будет надо – приеду. Я позвоню.

Юсуп хлопнул меня по плечу, вошёл в контору.

Я покатил домой. По пути пару раз поймал себя на мысли, что желаю лаборантам Юсупа зоркости, микроскопов с цейсовской оптикой, и удачи в поисках. Алиби, найденное под микроскопом, поможет Михалычу куда как лучше билетов на поезд.

*

*

Дома я смыл под душем дорожную пыль, отобедал, и только-только развалился в кресле, как позвонил Юсуп.

Лаборанты Юсупа клянутся всеми святыми, что бактерии на трусах Михалыча и бактерии в моих склянках родом из одного болотца.

Бактерии в пруду бабы Насти такие, которым в наших краях жарко. Новоделкино почти на четыреста километров севернее. Там эти твари живут, а у нас им жарко. У нас онидохнут.

Мало того, те бактерии живут без воды только сутки с копейками. Половина бактерий на трусах Михалыча сдохла, остальные крякнут через пару часов. Значит, Михалыч купался в пруду в воскресенье, примерно с утра до обеда. Если купался раньше, все бактерии уже сдохли бы. Если купался после обеда, все были бы живы. А тут половина этих инфузорий скопытилась, половина – на последнем издыхании.

Если Михалыч купался утром в воскресенье, то в Новоделкино выехал в субботу. Поезд в Новоделкино ходит только один, в двенадцать дня. Юсуп проверил. Значит, в ночь

с субботы на воскресенье Михалыч в Щучьем не появлялся. Не обязательно мотался в Новоделкино, но и не южнее.

Купался Михалыч в пруду возле бабки или на ставке на рыбалке, доказать по этим бактериям нельзя. Эти твари могут плавать и там, и там. Главное, что не в Щучьем. Значит, Михалыч был минимум на триста километров севернее Андреева, и уж тем более Щучьего. То есть он вполне мог быть в Новоделкино.

Значит, обратный билет до Андреева Михалыч мог купить на станции в Новоделкино сам, без дружков, которых ему приплетал Юсуп.

Под конец разговора Юсуп ввернул-таки полкило негатива.

– Ян, не хочу тебя расстраивать... Михалыч мог смотаться в Новоделкино, к примеру, в среду, набрать бутылочку святой водицы из пруда возле дома бабки, и приехать в Андреев.

– Грохнул тарантин, пропитал свои трусы водой из пруда, и вызвал меня?

– Спецы сказали, что это возможно. В бутылке бактерии проживут с неделю.

– Неужели Михалыч такой хитровылепленный?

– Если до этого додумался я, то мог и он. А ещё он мог грохнуть тарантин в субботу, ночью на машине уехать в Новоделкино, и в обед воскресенья окунуться в пруд.

– Ты ищешь ему обвинения.

– Ян, кроме Михалыча у меня подозреваемых нет.

– На том буксировочном ремне, которым тарантин подтаскивали к машине, мог остаться запах злого дядьки, а не Михалыча.

– Мог, если бы ты не провонял весь гараж своим одеколоном. Вчера собачка чуть не потеряла нюх.

– Учту. Так что с запахом? На верёвках, которыми тарантин привязали к потолку, на удавке...

– Если он работал без перчаток, то запах остался. Не знаю, что после твоего одеколona смогут унюхать собачки, но... Есть кого нюхать?

– Пока нет. Созвонимся.

Юсуп отключился. Я призадумался: убить тарантин Михалыч мог. Но только ли он?

Я прокрутил в памяти всю историю “Три тарантины и очкарик”. И понял, что одну деталь я упустил. Я знал о ней с самого начала, но отмахнулся, не принимая во внимание самую возможность её существования. Ай да сыщик, ай да тупица...

Чтобы подтвердить мои соображения, мне всего-то и надо было, что поболтать с тарантинами. Но тут я чуток опоздал. Оставалась зыбкая надежда, что меня сможет выручить девушка эмо.

Я глянул на часы. Пять минут шестого. После четырёх Аня уже не спит, сидит в кабаке. Я позвонил Аняте, попросил вспомнить тот вечер, когда Ромка с друзьями отлу-

пил очкарика в парке. Анюта просьбе удивилась.

– Что его вспоминать? Уже сто раз разжевали и выплюнули. Когда очкарик начал Ромку слепить той красной указкой...

– Лазерной?

– Наверное. Такой тонкий лучик. Я тогда уже немного выпила... Когда этот козёл начал нас слепить из-за кустов, я думала, что я его убью! Знаете, как лупит по глазам? Умереть! А я ещё и выпила чуток...

– Так он слепил Ромку или тебя?

– Ромку и его дружков. Но перепало и мне, я ведь сидела рядом.

– Анюта, я с тобой говорю не для протокола. Я понимаю, тебя так говорить попросил ромкин адвокат, и не бесплатно, но я...

– Никто меня не просил, и никто мне не платил. Это было на самом деле. Видели все, кто тогда сидел на улице. Хотите, поклянусь?

– Значит, таки слепил...

– Вы думали, что Ромка врёт, я знаю. Он говорил. Я тогда так и не поняла, почему очкарику вы поверили, а Ромке – нет.

Я поблагодарил за инфу, нажал на мобильнике красную кнопку, и подумал, что если Анюта не врёт, и очкарик тарантин слепил, то назвать меня тупицей – это перехвалить.

*

В парк Петровского я почти бежал.

К вонючим кустам, что обрамляли летнюю площадку ромкиного кабака, я подошёл со стороны, где мог сидеть очкарик с лазерной указкой.

Я прошёл вдоль кустов вперёд-назад, нашёл три места, откуда отдыхающих на летней площадке ромкиного кабака можно хоть слепить лазерной указкой, хоть обстреливать из рогатки.

От кустов до того места, где тарантины рихтовали очкарика, путь пролегал через широкую поляну с молодой акацией посередине. Потеряй указку на поляне летом, и найдёшь не раньше зимы, когда сойдёт трава.

Я включил орлиное зрение, закачал в нервы ведро терпения, приступил к поискам.

Искал четверть часа. Матерные слова закончились на десятой минуте, когда в глазах отдельные травинки слились в сплошное зелёное покрывало, да и сами глаза начали напоминать травинки.

Последние триста секунд я топал как робочел на выставке достижений японского хозяйства: если программа говорит уткнуться взглядом в траву и идти вперёд, то уткнулся и иду.

Мои рысканья по поляне прервал щенячий визг. Я оторвал взгляд от травы, увидел лысого мужика, здоровенную лохматую овчарку-маму, и двух щенков-подростков. Толпа входила на поляну как к себе домой. И это при том, что при

входе в парк висит огромный знак “Выгул собак запрещён”.

Лысый мужик посмотрел на меня как на помеху выгула его псарни. Щенки принялись носиться по поляне. Овчарка-мать села под акацией, уставилась на меня. Я уткнулся взглядом в траву, продолжил поиски.

Через минуту лысый мужик подошёл ко мне.

– Вы здесь что-то потеряли? Дайте какую-нибудь свою вещь. Ключи, платок, что-то в этом роде.

Я задал лысому немой вопрос: мол, с какой стати я тебе должен что-то давать? Мужик указал взглядом на овчарку-маму.

– Моя Дана прекрасно ищет. Я её учил. Если вы дадите ей понюхать, к примеру, свои ключи, она найдёт то, что вы потеряли.

– Думаю, что след староват. Месяца полтора.

– Что потеряли-то? Что-то дорогое? Кольцо?

– Будете смеяться. Лазерную указку за три бакса.

– Да уж, было бы что искать. Постойте-постойте! Лазерная указка? И потеряли вы её полтора месяца назад, когда в газете писали, что здесь побили какого-то парня из-за того, что он кого-то слепил лазерной указкой? Можете не искать. Я её нашёл.

Я наострил уши. Лысый мужик взглядом указал на щенков.

– Вернее, нашёл её не я, а мои щенки. Они тогда были ещё совсем маленькими. Играли, играли, потом у Бестика от

головы вспыхнул красный луч. Я думал, что у меня галлюцинации. В общем, это оказалась указка. Бестик её зубами схватил, и, наверное, нажал на выключатель, потому луч и загорелся.

– Что вы с указкой сделали? Забросили подальше?

– Сначала забрал у Бестика, чтобы зубы не попортил. А потом повесил её вон туда.

Мужик указал пальцем на молодую акацию, что стояла посередине поляны.

– Там есть сучок, на него и повесил. Правда, отсюда не видно, всё уже заросло. Хм... а тогда сучок был голый.

– Так ведь прошло почти два месяца.

Я направился к акации. Лысый мужик – за мной.

– Я ж повесил её на видное место. Чтобы тот, кто потерял, мог найти сразу. Да и чтоб щенки себе зубы об железку не портили.

Мы подошли к акации. Мужик раздвинул листву так, чтобы я видел сучок. На сучке висела лазерная указка.

– Как я спрятал, а? Хотел, чтобы хозяин нашёл, а получилось, что я её спрятал.

Я снял указку с сучка, уложил в пакет. Мужик покосился на пакет, перевёл взгляд на меня, засопел.

– Очень бы мне не хотелось, чтобы из-за этой чёртовой дребедени меня таскали по допросам.

– Скажу, что нашёл сам.

– Вот спасибо!

– И вам всего хорошего.

Мужик вернулся к своей псарне.

Я включил скоростную ходьбу. Спустя двести пятьдесят шагов я остановился у дома Михалыча. В шляпе на носу и чёрных очках на пол-лица в шесть часов вечера я смотрелся как идиот, зато не как Ян Янович Янов, которого в лицо знал очкарик.

*

*

В сотне метров от дома Михалыча я нашёл девятиэтажку, из окон которой можно увидеть, как Михалыч принёс домой удочки.

Подъезд девятиэтажки на консьержку не накопил, потому придумывать очередное враньё не пришлось.

На третьем этаже я нашёл квартиру, окна которой выходили на дом Михалыча, утопил кнопку дверного звонка. Через минуту дверь отворила старушка.

– Вам кого?

– Простите, не туда попал. Я ищу Серёгу. Я думал, он живёт на третьем.

– На четвёртом. Только не знаю, Серёга или нет. Он здесь недавно. А вам от него что нужно?

– Кредит взял, а возвращать не хочет.

– Нехорошо. Стучите крепче. Там звонка нет.

Старушка захлопнула дверь.

Я поднялся на четвёртый этаж. Постучал в дверь, где нет

звонка. В ответ услышал тишину.

Замок я открыл с помощью заколки для волос за семь секунд. Заколку выбросил.

Когда распахнул дверь, нос к носу столкнулся с очкариком. У парня в руке красовался кухонный тесак.

Я перешагнул порог, закрыл дверь.

– Привет, Толик! Тесак-то убери, а то сам знаешь, какую отбивную я из тебя сварганю.

Очкарик закусил губу. Я покачал головой.

– Брось на пол, дружище. Брось.

– Я думал, что воры... Вы не имеете права...

– Брось тесак, Толик.

Очкарик повиновался. Я отфутболил тесак к стене, жестом пригласил Толика в комнату. В комнате я взглядом указал на стул у окна. Толик сел.

На подоконнике лежал бинокль, рядом – початая упаковка чипсов.

Я посмотрел через бинокль на дом напротив, нашёл окна квартиры Михалыча. Все комнаты Михалыча, будь в них включен свет, просматривались бы насквозь.

Толик сглотнул. Я вернул бинокль на подоконник, хмыкнул.

– Хотел посмотреть, как будет убиваться отец после пропажи сына?

– Он, скотина, живёт как и раньше!

– Ему носить траур? Он должен с утра до вечера заливать-

ся слезами?

Очкарик засопел. Я присел на подоконник.

– Толик, я пришёл по делу.

Во взгляде очкарика мелькнуло удивление.

– Странно. И какое у вас ко мне дело?

– Ты постарался убедить всех в том, что тебя похитили тарантины. Но тарантины в морге, и узнать, откуда в их джипе твоя кровь, не получится. Потому искать тебя не будут.

– К чему вы это говорите?

– Кому сообщить, что я тебя нашёл? Следователю? Депутату Маслине? Будут рады оба. Выбирай.

– Что вы скажете следователю?

– Если я ещё разбираюсь в следах от удавки, то, когда ты душил Ромку, ты стоял у пацана за спиной. Не спереди, не сбоку, а сзади. Стоял сзади и дышал в затылок. На затылке, как известно, растут волосы. Запахи в волосы буквально впитываются. Ты дышал тарантинам в затылок. В твоём дыхании всегда есть твой запах. Твой и только твой.

– Другого – похожего – быть не может?

– Спроси это у собачки, которой ты будешь дышать в нос, чтобы она усекла, какой запах искать на затылках тарантин. Для общего развития: твой запах – как и отпечатки пальцев – уникален. Даже у однояйцевых близнецов запахи хоть и очень похожи, но отличаются.

– Запугиваете? Хотите, чтобы я написал признание?

– Твоего запаха на затылках тарантин хватит и без при-

знания.

– А если я вам заплачу половину моих денег?

– Почему нет? Когда?

– Сейчас.

– Зачем мне половина, если могу взять всё?

– Как?

– Просто. Ты хотел заплатить прямо сейчас. Значит, деньги в этой квартире. Найду и заберу.

Глаза очкарика остекленели. Толик сорвался с места с такой прытью, что опрокинул стул. Я дал очкарику добежать до коридора, схватить тесак, двинуться на меня с квадратными глазами. Через три секунды тесак валялся на полу, очкарик скулил рядом, а я растирал кулаки.

На запястье очкарика – над веной – я увидел едва заметный след от укола иглы. Очкарик мой взгляд перехватил.

– Что смотрите? Я наркоман.

– Конечно, ты наркоман, как же! Из этой дырки твоя кровь натекла в багажник ромкиного джипа. Набрал в шприц и вылил кровь в багажник.

Я сдёрнул с кровати покрывало, оторвал узкую ленту, привязал очкарика спиной к батарее.

Я набрал номер Юсупа. Когда Юсуп – на десятом гудке – соизволил ответить, я уже собрался материться.

– Ян, я занят. Дел по горло. Что-то срочное?

– Выдвигайся к подъезду Михалыча. Как приедешь, позвони. Я нашёл очкарика. Живого.

– Еду.

Я утопил на мобильнике красную кнопку, улыбнулся очкарику. Толик уставился в пол.

В коридоре я нашёл ноль долларов и ноль центов. В комнате, кухне, ванной полмиллиона долларов на полу не валялись, в тайниках не пылились.

В туалете висел новый бойлер на сто литров. Стрелка индикатора температуры уткнулась в начало шкалы. Я потянул бойлер на себя. Бойлер подался не как бак, заполненный сотней литров воды, а как пустая жестянка.

Я покачал бойлер взад-вперёд. Внутри болталось нечто не слишком жёсткое, и не тяжёлое. Полмиллиона баксов, например. Зелёные сотенные, упакованные в пятьдесят пачек.

К очкарику я вернулся с улыбкой до ушей. По унылому взгляду пленника понял, что звуки, которые я издавал бойлером, мимо комнаты не пролетели.

Я присел на подоконник.

– Как в бойлере оказался пакет с деньгами, которые пахнут алкашом?

– Каким алкашом?

– Тем, которого нашли со свёрнутой шеей.

– Как докажете, что деньги его?

– Если ты деньги не крутил в стиралке, да с порошочком, то на них остался запах алкаша. Он деньги в банке брал руками, и без перчаток. Собачке дадут понюхать перчатку алкаша и пачку денег из твоего бойлера, и... ты приехал, оста-

новка “тюрьма”. Кроме запаха алкаша, в бойлере есть и твой.

– Откуда?

– Когда ты совал туда деньги, ты не дышал? Дышал. Этого хватит. Ты законсервировал в бойлере запах свой и запах алкаша. С твою несчастью, запахи разных людей не смешиваются. Собачка различит.

Очкарик покусал губы, повращал зрачками.

– Деньги я у алкаша украл. Я знал, что у него есть деньги. Пришёл и украл. Кто его убил, не знаю.

– Сначала перевёл на счёт алкаша полмиллиона, а потом украл? Не проще ли было не переводить вообще, чем потом столько париться?

– Он меня шантажировал.

– На чём таком ужасном ты погорел, что заплатил полмиллиона баксов?

Позвонил Юсуп.

– Я приехал. Ты где?

Я открыл окно, поднял руку.

– Встань спиной к подъезду очкарика и посмотри на четвёртый этаж дома, что напротив. Это далеко, метров сто. У меня открыто окно. Я машу рукой.

– Вижу. Иду.

Я сунул мобильник в карман, закрыл окно, посмотрел на очкарика. Взгляд очкарика пришилил меня к оконной раме, остатки размазал по стеклу.

– Чувствуете себя героем, да? Но вы не герой, вы... Знае-

те, что это такое – жить с моим отцом? Не детство, а сплошной пи...

– У меня на мат аллергия.

– Этот урод мне жизнь испоганил! Эти вонючие ноги... как меня достала эта вонь! Эта посуда, эта консервация... с прошлого года каждый раз остаётся, а ему всё мало. Делай, и всё! То ему посуду помой, то в магазин сходи. Я обязан учиться хорошо, и не имею права гулять после десяти. Свет выключай. Из комнаты вышел – сразу выключи! Прямо обеднеем на эти пять копеек! Думаете, это жизнь? Это кошмар!

– Отцы и дети.

– Ничего подобного! Какой отец заставит своего сына сидеть дома, когда все пацаны во дворе?

– Каждый второй.

– Врёте! Да меня из-за этого козла во дворе за пацана не считали! Мне уже давно восемнадцать, а он прекращать свои приказы и не думал! Надо было терпеть всю жизнь?

– Надо убить четверых, и подставить папашу.

– Надо было прибить и его!

В дверь постучали. Я открыл, впустил Юсупа.

– Ян, с меня магарыч.

– Бойлер здесь не вскрывайте. Там полмиллиона баксов и запахи очкарика и алкаша. Наш герой постарался, и всё хорошо законсервировал.

– Учтём. Где очкарик?

– В комнате. Юсуп, в Щучьем надо проверить след, что ведёт от кустов можжевела к костру тарантин. Дадим собачке понюхать носки очкарика. Как думаешь, собачка след ещё возьмёт?

– Если там не прошёл дождь, и не потоптались местные, то будем молиться, что возьмёт. Всё-таки прошло двое суток...

– Даже если он наследил в папашиных носках, собака учует оба запаха, так? Они ведь не смешиваются, если у меня с памятью порядок.

– Если след живой, то собачки различат.

– Тогда дай собачкам понюхать затылки тарантин. Должны учуять запах очкарика. Ведь он душил их сзади.

– И надышал себе на пожизненное.

*

*

После душа и ужина я засел за отчёт Юсупу. Нет, я не карябал буквы гусиным пером, не набирал текст на клавиатуре. Я записал мемуары на диктофон. У Юсупа в конторе секретарш полно, а у меня каждая минута на вес доллара.

Получился не отчёт – роман.

В начале было слово. И слово было непечатное. Когда я сидел в кабаке, гражданин Крысько твякнул матерное слово в адрес леди.

Ещё чуть раньше очкарик Толик на порносайтах срубил немного денег. Полмиллиона баксов. У Толика на руках больной отец. Папашу сынуля ненавидит за угробленное дет-

ство. Папаша-то у Толика – домашний тиран. На фотки Толика, когда ему было лет десять, смотреть не хочется. Пацан чуть не плачет.

Толик решил от папаша слинять. Смыться с деньгами, и так, чтобы о деньгах папаша не знал.

Вдобавок Толик решил замести следы, чтоб его не искали. Не знаю, сколько он ломал себе голову над тем, как грамотно смыться, но в один прекрасный момент Толик наткнулся на статью в “Вечернем Андрееве”.

В статье журналист Заливайло ныл, как я набил морду Крысько. Толик прочёл статью между строк, поискал инфу обо мне в городской сети, нашёл мой блог, где моё фото, адрес, и инфа о том, что я гуляю в парке. Рядом со мной парк только один. Толику повезло. Меня найти легко.

После того, как я набил морду Крысько в кабаке, и меня потаскали по допросам, я написал в блоге, что ухожу в отпуск. Буду валяться на пляже, вечером гулять в парке, телефон отключу.

Почему Толик выбрал именно меня? В газете написано, что я набил морду Крысько. Отоварил мента, и не побоялся. Значит, уж тарантинам-то за избиение несчастного очкарика я начищу нюх вообще не задумываясь. Да и на моём блоге благодарные клиенты распинаются в комментах, какой я лучший в мире защитник сирых и убогих.

Сначала Толик проследил за мной по парку, узнал мой маршрут. Уточнил время до минуты. Кстати, Толик молодец:

я слезки не заметил.

Затем Толик выбрал исполнителей.

Тарантин Толик знал со школы. Знал, что любимое хобби тарантин – бить доходяг и снимать это на мобильник.

Толик задумал не просто смыться, а сделать так, чтобы тарантин заподозрили в похищении несчастного очкарика. Тарантины будут молчать, ведь они не знают, куда делся очкарик. Следствие уцепится за версию похищения, и искать Толика на сахалинах перестанет.

Толик знал, что папаши-депутаты будут отмазывать детишек по полной, и возможности у них есть. Попрут на следствие как мамонты и, в конце концов, дело закроют.

Кто станет искать очкарика, чтобы ворошить закрытое дело, где замешаны депутатские детишки? Дело закроют, и о Толике забудут. Кто предположит, что Толик удрал на Сахалин, когда в багажнике депутатского джипа найдут кровь Толика?

Если бы я кровь не нашёл, Толик позвонил бы в милицию, и от имени доброжелателя сообщил, где искать кровь пропавшего очкарика.

О трупах в подвале гаража – если бы их долго не могли найти – Толик сообщил бы так же, по телефону. Кто бы кинулся искать доброжелателя, если трупы есть, а у Михалыча нет алиби?

Толик знал, что тарантины по вечерам сидят в кабаке на летней площадке. Три вечера подряд Толик слепил тарантин

лазерной указкой. Два раза тарантины кидали в осветителя камни. Толик убежал. На третий раз Толик тарантин достал. Тарантины схватили из кухни кабака ножички, погнались за Толиком. Чего Толик и добивался.

Толик указку выбросил, ведь если бы её нашли у Толика в кармане, то как бы отмазался?

Толик зашвырнул указку подальше. Указка маленькая, кто её найдёт? Да и кто будет искать? Милиция? Ради чего? Чтобы сказать: да, указка была, а значит, тарантины правильно сделали, что очкарика отлупили?

На всякий пожарный я прогулялся по тем местам, куда Толик мог забросить указку, когда бежал от ромкиного кабака к тому месту, где его должны поймать тарантины. Мне повезло. Указку я нашёл. Понимаю, особого смысла искать указку не было. Моя очередная блажь. Но когда я указку нашёл, в версию очкарика на сто процентов уже не верил.

Зачем Толик слепил тарантин указкой? Чтобы тарантин разозлить, и чтобы они за очкариком погнались, а он бы вывел их на тропу, где по вечерам гуляю я – защитник сырых и убогих. Через минуту-другую на тропу выхожу я, вижу, как тарантины пинают несчастного очкарика, вступаюсь за сирого и убогого.

Если выхожу в парк в девять, то в том уголке – в девять ноль пять, плюс-минус минута. Толик проследил за мной раньше, узнал, во сколько я прихожу.

Если бы погнались на пять минут позже, не беда. Я даль-

ше того глухого уголка не хожу, нарезаю восьмёрки между деревьями вокруг тропы. Если Толик за мной следил, то мой маршрут знал.

Толику повезло. Тарантины погнались вовремя, и я явился как нельзя кстати.

Конечно, Толик рисковал. Я мог его у тарантин и не отбить. Я мог в тот вечер вообще в парк не выйти. Тарантины могли за Толиком и не погнаться, ограничились бы прицельным камнеметанием по кустам.

Но что мешало Толику повторить попытку на следующий день? Так было бы даже эффектнее: мол, злобные тарантины несколько раз ни за что преследуют несчастного очкарика.

Почему лазерная указка? Почему не кинуть в тарантин бутылку из-за кустов?

В бутылку поверят все, ведь останутся осколки. Кто поверит тарантинам, когда они начнут твердить, что их слепили указкой? Бред ведь полный. Где следы красного луча? Где доказательства? Все тарантины и их подружки под мухой. Кто поверит показаниям пьяных очевидцев?

Следователь скорее поверит, что тарантины перепились палёной водки, и им мерещатся красные лучи.

Когда Ромка Маслина мне говорил про указку, я не мог поверить, что найдётся дурак, который будет слепить людей лазерной указкой из-за кустов. Да и кто против кого? Несчастный очкарик против трёх здоровенных тарантин? Слепил указкой? Бред!

Вот тут я и сыграл по сценарию Толика. Я смотрел на очкарика не как на хитрого сценариста, а как на невезунчика, тарантинами избитого.

Сломанное ребро и месяц в больнице. Кто в поломанном очкарике заподозрит сценариста-виртуоза? Зато тарантины теперь подозреваемые номер один в случае, если Толика ещё раз побьют, или даже убьют.

Ведь Толик собирался исчезнуть, но с намёком. Мол, убили, закопали неизвестно где. Кого подозревать? А кто бил очкарика в парке ни за что ни про что?

Для полного эффекта одной драки в парке мало.

Потому Толик запланировал не только драку. Драка нужна, чтобы было на кого обратить внимание в первую очередь. Затем Толик собирался подкинуть тарантинам свою кровь.

Но тут тарантины, дурачье, напали на Толика ещё раз, в подъезде. Как всё прекрасно сложилось! Теперь тарантины – подозреваемые и номер один, и номер два. Толику осталось лишь подкинуть придуркам свою кровь.

Как Толик снабдил тарантин убийственной уликой, могу только предполагать.

Толик знал, что тарантины мясо для шашлыка не маринуют, жарят с кровью. Я рассказал это Толику, когда принёс от Ромки условия выкупа файла с записью второго нападения. Толик усёк, что сырое мясо – отличная возможность подбросить свою кровь так, что если тарантины её и заметят, то спутают с кровью от шашлычного мяса.

Тогда же я сказал Толику, что каждую субботу тарантины всю ночь пьют-спят на берегу речки под Щучьим. И без свидетелей.

Теперь балбесов тарантин можно использовать как козлов отпущения на всю катушку. Если дважды били ни за что, то могли и вывезти за город, там настучать по головёшке повзрослому, и перестараться, и труп закопать.

Затем Толик снял квартиру в девятиэтажке напротив своего дома. Зачем напротив? Чтобы видеть свою квартиру насквозь. Чтобы держать палец на пульсе, и вовремя смыться. Чтобы знать, кто приходит к Михалычу.

К примеру, в бинокль можно увидеть, что приходил я, что именно я рассматривал в комнате Толика. Так можно понять примерное направление, в котором я задумал искать пропажу. Ведь Толик знал, что искать сына Михалыч в первую очередь попросит меня.

Слов-то Толик не слышал, но в интернете полно сайтов, где учат понимать по губам, что человек говорит. Толик в интернете жил, так что найти такую инфу для него не проблема.

Почему Толик не боялся жить так близко от отца? А чего Толику бояться-то? Выходит только по ночам. Продукты покупает в круглосуточном, при этом внешность наверняка меняет. Во второй раз в Щучье ездил, когда знал, что Михалыч на рыбалке. Сидит себе дома, читает “Вечерний Андрей”, поглядывает в бинокль за Михалычем. Чего бояться?

После того как снял квартиру, Толик нашёл алкаша, получил через него деньги, и свернул алкашу шею, чтобы не болтал лишнего.

В субботу, когда тарантины выезжают на шашлык без свидетелей, Толик поехал за тарантинами на папашинем жигулёнке. Толик не боялся, что отец придёт в гараж, а машины нет. Ведь Михалыч в гараж не ходил уже сто лет. За машиной ходил очкарик. В крайнем случае Михалыч подумает, что угнали.

Как Толик на жигулёнке не отстал от джипа Ромки? Толик мог смотаться под Щучье среди недели, как только от меня узнал, где тарантины шашлычничают, и найти кострище на берегу речки. Или выехал заранее, дождался тарантин на трассе возле Щучьего, проследил за джипом Ромки до самого берега.

Затем Толик сел за кустами можжевела, дождался, пока тарантины напьются, выключил трубку для оператора, подкрался к джипу, брызнул из шприца свою кровь в багажник.

Если тарантины пятно крови потом и заметили, то подумали, что натекло из пакета. Даже если бы кто-то из них бил себя пяткой в грудь и кричал, что когда пакет с мясом доставал, пятна не было, другие бы pokrutilи пальцем у виска и сказали бы, что мало выпил, вот его и колбасит. Внимания на такие мелочи обычно не обращают. Кто едет на шашлык и на сто процентов уверен, что не запачкает хоть что-нибудь в маринаде или крови?

Зачем Толик отключал мобильник? В криминальных новостях очень часто бандюков засекают по сигналу от мобилки. Толик знал, что следователь в первую очередь захочет взять под контроль номер Толика. А тут – бац! – трубка отключилась возле тарантин. На кого подумает рядовой следователь? На тарантин.

Мобильник отключил возле тарантин, чтобы следователь решил, будто владельца трубки украли тарантины, отвезли на пустынный бережок, и упокоили беднягу где-то в лесочке или на дне речки. Одёжку сожгли, а трубку разбили и утопили. Ведь кроме тарантин на том бережку никого не было. Свидетелей тоже. Всё как в кино. В принципе, а откуда очкарик мог всё это узнать? Только из телека.

Затем Толик вернулся из-под Щучьего, поставил машину в гараж, и домой уже не возвращался. Ночевал на новой съёмной квартире.

Проходит день, другой, Толик покупает газеты, читает-читает, и никак не въедет: когда же тарантин посадят? В четверг выходит статья Заливайло, где он распинается, как невинным тарантинам злые дядьки подкинули в багажник кровь очкарика.

Представляю, что Толик почувствовал! Тарантин опять отмазали! Вот тут Толик и решил тарантин наказать за всё про всё, и перевести стрелки на тирана-папашу. Заодно сунуть концы в воду. Ведь основные подозреваемые в пропаже очкарика – тарантины. А если они умрут, то дело можно за-

крывать.

Зачем подставлять Михалыча – родного отца! – так круто? В глазах Толика Михалыч не отец, а деспот.

Как по заказу, Михалыч сыночку подсобил. Толик увидел из окна, как папаша пришёл домой с удочками. Тут Толик и прокололся.

Откуда Толик мог знать, что папаша едет к бабке, где может быть куча свидетелей? Ведь Михалыч бабок не признавал, и раньше к ним не ездил. Зато если приходит домой с удочками, значит, едет на рыбалку. Ведь Михалыч удочки и садок дома не хранит, потому как рыбий душок в квартире ему не нравится. Удочки держит в гараже.

В субботу Михалыч едет на рыбалку, и в субботу же тарантины пьянствуют без свидетелей. Вернётся Михалыч в воскресенье вечером. Удочки занесёт в гараж аж в понедельник, когда просохнет садок и леска. Михалыча не будет в Андреевские сутки с лишним. Времени навалом. Что Толику нужно ещё?

При этом у Михалыча – по задумке Толика – алиби не будет. Ведь Толик думает, что папаша едет на рыбалку.

Толик знал, что на том ставке, где рыбачил папаша, безлюдно, и алиби у Михалыча не будет. Едет Михалыч в общем вагоне. Кто его в той толчее запомнит? Наверняка Толик от злости чуть не сдох: сын пропал, а папаша преспокойно едет на рыбалку! Это ещё больше убедило сынулю в том, что папашу надо примерно наказать.

Когда Михалыч с удочками из дому отчалил, Толик заглянул домой, взял из стиралки папашины носки. Почему носки? В каждом детективном сериале есть серия, где злодей натягивает на ботинки носки того, кого хочет подставить. Иначе чем очкарик оставил запах Михалыча под Щучьим? Носками проще всего.

Соседи могли, конечно, Толика заметить, но с какой стати? Соседи только и делают, что подсматривают в дверной глазок? Если идти тихо, да знать, во сколько у соседа по телеку любимый сериал, можно вынести хоть полквартиры.

Затем Толик покупает клофелин, летит под Щучье, к тарантинам.

Толик взял папашин жигулёнок. Гараж – в глухом безлюдном месте. Ключ от ворот – над воротами в тайнике. Ключ от машины – в замке зажигания. Мечта угонщика.

Когда приехал под Щучье, Толик оставил машину на лесной дороге. Белой вороной жигулёнок в лесу не будет, потому как в том месте полно грибников, и они оставляют машины на дороге. Толик сел за кустами можжевела, начал следить за тарантинами в бинокль. Дождался, когда тарантины пошли купаться, подкрался, всыпал в бутылку клофелин.

Почему бутылку и стаканы в конце шоу не убрал? Задумка Толика проста: если следователь найдёт следы клофелина в бутылке, то поймёт, что тарантин опоили, а не просто убили у костра и утащили трупы.

Когда тарантины отрубались, Толик подогнал жигулёнок,

погрузил троицу в салон, отвёз в папашин гараж.

Если тормознут гаишники, Толик скажет, что его остановили пьяные, попросили подвезти в город, а теперь спят как трупы. Попробуй разбуди! Какой гаишник подумает плохое? Надо очень любить триллеры, чтобы сразу сообразить, что задохлик-очкарик опоил клофелином троих бугаёв, и везёт их на убой.

Толик знал, – по телеку такое показывают каждый божий день, – что в таком случае тарантин начнут искать с собаками. Потому и натянул на кроссовки папашины вонючие носки заранее, ещё за кустами можжевела.

Кроме того, Толик знал, что сбоку от дороги по пути от костра тарантин к лесу есть участок без травы, но с глиной. Знал, что глиняная пыль увлажняется от росы. Знал ещё с прошлого раза, когда подбрасывал кровь в ромкин багажник. Может, когда возвращался из-за кустов можжевела к жигулёнку, – а он наверняка оставил жигулёнок на лесной дороге, – наступил случайно на эту глину, увидел отпечаток подошвы. Так почему бы не использовать? Наехал на глину, оставил следы.

Иных причин съезда с дороги на глину я не нашёл. Толик наехал на глину только для того, чтобы оставить следы. Если трупы тарантин найдут в гараже Михалыча, и следы на глине совпадут со следами от протектора жигулёнка Михалыча, то на кого упадёт подозрение в первую очередь?

Затем Толик отвозит тарантин в гараж папаши, подвешивает

вает к потолку и душит.

В Толике всего-то полсотни кило. В каждом из тарантин – центнер, а то и с лишком. Как Толик тарантин подвесил? Толик хоть и дохлый, но не совсем дурак. Туши тарантин мог подвесить с помощью рычага. Уверен, что школьную физику Толик помнит прекрасно.

Толик знал, что папаша пойдёт в гараж, чтобы отнести снасти, – Михалыч дома снасти не держал, – и найдёт трупы.

Толик оставил свет в подвале включённым. Чтобы выключить, Михалычу надо спуститься в подвал, ведь общий рубильник выключает свет только наверху. Чтобы спуститься в подвал, надо отогнать машину. То есть надо сесть за руль, оставить отпечатки.

Как я вышел на Толика?

Бактерии на трусах Михалыча – из пруда, который возле бабки. Значит, Михалыч в Новоделкино ездил. Тогда как запах ног Михалыча оказался в Щучьем, за четыреста километров? Кому выгодно? Злым дядькам и Толику. Если оставить мифических дядек в покое, то остаётся Толик.

Кто сказал, что Толик умер? Я нашёл лишь кровь. Дальше сработало воображение, причём точно по сценарию Толика. Мол, если тарантины на Толика уже нападали, причём дважды, и после этого Толик пропал, а в ромкином джипе я нашёл кровь Толика, то тарантины Толика убили.

Что мешало Толику подкинуть кровь в багажник тарантин? Что мешало посидеть за кустами, дожидаться, пока та-

рантины напьются, подобраться к джипу и обрызгать кровью багажник?

Кому проще всего достать носки Михалыча? Михалычу и Толику. Михалыча отбрасываем. Остаётся Толик.

Толик знал, что папаша вернётся в гараж не раньше чем через сутки, и на горячем не застанет. Ведь Толик думал, что папаша уехал на рыбалку.

Кто знал наверняка, что свет в подвале гаража выключается только рубильником, который в подвале под лестницей? Михалыч и Толик.

Тарантин привезли из Щучьего на жигулёнке Михалыча. Кто мог взять жигулёнок Михалыча самым законным способом, и не бояться гаишников и проверки документов? Толик.

Если ключ от жигулёнка Михалыч хранит в замке зажигания, то и доверенность Толика на машину хранится не иначе, как в бардачке или в кармане козырька. То есть Толик мог взять машину в любой момент и законно.

Как я вычислил квартиру, где сидел Толик?

Толик должен видеть подъезд Михалыча, то есть свой подъезд. Не станет же Толик следить за папашей из песочницы, что напротив подъезда! Откуда можно увидеть, что Михалыч пришёл домой с удочками? Только из того дома, где я нашёл Толика. Откуда Толик мог видеть, что делается в комнатах его квартиры? Из квартиры на той же высоте, на третьем-четвёртом этаже.

*

*

Когда я закончил диктовать мемуары, позвонил Юсуп. На речном берегу под Щучьим собачка разнюхала и доложила: вокруг тарантиновых шашлыков бродил Толик. Даром что в папашиных носках.